

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№15

Литературно-художественное издание

Тамбов
2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

Тамбовский альманах. № 15 Тамбов; изд-во Студия
печати Галины Золотовой. - 2017. - 250 с.

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий Мещеряков

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Посвящается 80-летию образования Тамбовской области

Издание осуществляется на средства субсидии,
предоставленной Администрацией Тамбовской области социально
ориентированным некоммерческим организациям.

ISBN 978-5-9500496-3-7

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

ISBN 978-5-9500496-3-7

9 785950 049637

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Фото Павла Васильева

Литературные ориентиры

«Хотелось, чтобы это издание сплотило вокруг себя всех талантливых писателей, краеведов, историков, публицистов, чтобы каждый номер был большим литературным событием нашего региона»

Литературный язык - высшая форма национального языка и основа культуры. Поэтому на литераторах лежит колоссальная ответственность не только за сохранение его норм и самобытности, но и за развитие. Язык помогает нам определить национальную идентичность или национальное самосознание. В эпоху глобализации, когда стираются границы, но при этом обостряются этические и культурные размежевания, эта проблема актуальна как никогда. Важно привить молодежи культуру языка, отказаться от неоправданных заимствований иностранных слов. Кроме того, русская литература продолжает искать ответы на простые вопросы нашей жизни. В этой связи писатель - явление уникальное, оно, на мой взгляд, шире понятия художник. К счастью, с Тамбовским краем связано немало выдающихся литераторов. Думаю уместно вспомнить Гавриила Державина, Евгения Боратынского, Василия Комаровского, Николая Замятина, Сергея Сергеева - Ценского...

В этом году Тамбовская область отмечает 80 лет со Дня образования. По сути, это новый этап развития региона, который связан с советским и постсоветским периодом развития нашей страны. Политика президента Российской Федерации Владимира Путина не отрицает опыт предыдущих поколений, напротив, сегодня в решении актуальных вопросов руководство страны опирается на лучшее традиции, заложенные нашими предшественниками в различных сферах жизни. Ведь самое простое все разрушить. Да, так можно увидеть перспективу, но это будет пустота. Нам же хочется достроить все то, что было начато нашими предшественниками и с этой величественной высоты посмотреть на мир.

Поэтому мы ценим и советских писателей, которые, кстати, развивали лучшие традиции национальной реалистической школы, не утратив связь с корневой системой русского крестьянства. Они сумели создать уникальные образы русских людей, ставших нравственными ориентирами для всех нас и, уверен, для будущих поколений. Хотелось, чтобы молодые люди воспитывались на таких литературных героях как Шурка - поводырь, которого создал замечательный тамбовский прозаик Александр Акулинин. Этот светлый и чистый мальчик стал проводником своему отцу - председателю колхоза, потерявшему зрение во время Великой отечественной войны. Шурка, на мой взгляд, символ времени, увлекающий нас в светлые, но не прозрачные дали будущего.

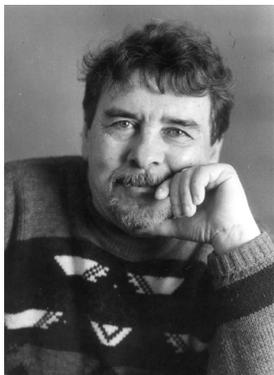
Немало замечательных произведений создали Виктор Герасин, Иван Елегечев, Василий Кравченко, Валерий Кудрин, Александр Стрыгин, Майя Румянцева и многие другие талантливые поэты и прозаики, чье творчество тесно связано с Тамбовским краем.

И сегодня среди тамбовских литераторов немало достойных авторов. Они работают в различных литературных жанрах, начиная от русского авангарда и заканчивая таким литературно-художественным повествованием как сказ. Их произведения публикуются в лучших литературных журналах, а так же в крупных издательствах нашей страны. Немало среди

региональных писателей и лауреатов престижных премий. Все это говорит о довольно высоком профессиональном уровне. Но при этом у нас есть понимание, что книжный рынок зачастую откликается на конъюнктурных авторов, оставляя за бортом некоммерческих и молодых. И здесь я вижу важнейшую роль государства, которое должно поддержать литературный процесс. Но банальная раздача денег порождает иждивенческие настроения. Качество должно быть на первом месте. Поэтому мы пошли по пути грантовой поддержки некоммерческих организаций. Тамбовский альманах - это один из таких многочисленных проектов по поддержке культуры. Хотелось, чтобы это издание сплотило вокруг себя всех талантливых писателей, краеведов, историков, публицистов, чтобы каждый номер был большим литературным событием нашего региона.

Поздравляю региональных писателей с 80 - летием Тамбовской области.

Глава администрации Тамбовской области
Александр Никитин

АРКАДИЙ МАКАРОВ

БОБОРЫКИНА ТЕНЬ ЗОЛОТАЯ...

Ещё раз о Тамбове

Не сказать бы мне лишнее всеу,
Продираясь сквозь уличный шум...
Город мой, я тебя нарисую.
Город мой, я тебя опишу.

Снег ползёт под ногами подталый.
Башни кранов ушли в небеса.
Там, где белые встали кварталы,
Я на стройках горбатился сам.

Аркадий Макаров - поэт, прозаик. Родился 2 марта 1940 г. По образованию инженер-механик, работал на комсомольских стройках. Лауреат премии им. Е. А. Боратынского, лауреат всероссийской литературной премии «Мастер», лауреат международного конкурса «Национальное возрождение Руси». Отмечен публикациями в творческих конкурсах им. В. Шукшина «Светлые души», «Внемли себе». Автор нескольких книг стихов и романов. Печатался в журналах «Роман-газета», «Наш современник», «Подъём», в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Член Союза писателей России.

Только старый мне город роднее,
Он утеха для русской души.
Чья-то юность там новая зреет,
И опять на свиданье спешит.

Не имел я с подонками дело,
Хоть кричал, задыхаясь, «Ура!».
Моё бедное детское тело
Коммунальная грела дыра.

Я молюсь, хоть и это не ново:
«Сохрани, Боже мой, и спаси
музучилище – гордость Тамбова,
Зоин памятник – гордость Руси».

Где театр изогнулся подковой,
Где есть дом под чиновную рать,
Чёрный идол на камне суровом
Тщится Бога за бороду взять.

Там, где облак весёлый клубится,
Где Господь указывает перстом,
Небеса перелётные птицы
Над соборным прошили крестом.

Каждый вечер сюда залетая,
С тех краёв, где неведомо зло,
Боборыкина тень золотая
Опускает на город крыло.

В Бондарях

Скупа природа в Бондарях, –
Бугор да яма.
Пустырь за школой и овраг
В огне бурьяна.

Открытый четырём ветрам,
Дождям гремучим,
С охранной грамотою храм
Под самой тучей.

Огромный купол в звёздах весь...
Приятель шутит:
Мол, храм спускается с небес
На парашюте.

От детства нашего светла,
От краснотала,
Река струилась и текла,
Да вот пропала.

Не докричишься. Не зови –
Не хватит прыти...
Малец, пуская пузыри,
Визжит в корыте.

Отец весёлый крут в плечах,
Ладонь – что надо!
Подбросил кверху, хохоча,
Родное чадо.

Нерасторжима в жизни связь
Отца и сына...
Она отсюда началась,
Моя Россия.

Гость из города

Вошёл в избу и – горя мало,
Доволен жизнью и судьбой.
А мать растеряно припала
К белёной стенке головой.

Хоронит прядей злую выбель,
Меня перстами осеня...
И мать-то вроде не в обиде,
Да вот стесняется меня.

Стою в избе. А в горле суше...
Ладони стали тяжелей...
Сломались ходики с кукушкой
Над фотографией моей.

И никуда уже не деться.
С холщёвой сумкой на плече
Кричит мальчишка мне из детства:
«А вы тут, дяденька, зачем?»

Какие ж здесь слова и речи.
Молчу я, голову склоня.
Остановилась мать у печки,
У негасимого огня.

Дом

Моя изба. Родительский мой дом,
Да обойдёт тебя моё забвеньё!
В конце села за высохшим плетнём
Покой души – моё отдохновенье.

Ты обветшал.
Ты в землю врос корнями.
Уютен мир твой, сумрачен и тих.
Течёт в траву затейливый орнамент
Померкнувших наличников твоих.

Сквозит чердак, набитый воробьями.
Там крепкий дух обкошенных полей...
Твои бы стены оклеил рублями
Наместо старых выцветших шпалер.

Сидит хозяин, хмур и нелюдим,
Под поздним солнцем на завальне горбясь.
Жестока осень! Всё короче дни.
Зову отца, а он не хочет в город.

Впотьмах пошарю в ледяном закуте,
Печь разожгу – дрова мои сухи,
И ты трубою красною закуришь,
Попыхивая в сумерках глухих.

В сей поздний час, висок ладонью стиснув,
Смотрю, как пламя мечется, маня,
Как будто жизнь вся не имела смысла
Без этой вот минуты у огня...

* * *

Подмерзают осенние лужи,
У крылечка поленница дров.
Скоро. Скоро над крышей закружит
Голубиная стая снегов.

Я вернулся,
Встречайте родные!
Стол накройте, чтоб празднику быть.
Знал я земли и страны иные,
Только родину не с чем сравнить.

Вот опять сквозь крестовые окна
Вижу я в предвечернем дыму,
Как мороз прихватил ненароком
В опустевшем саду бузину.

Будет сердцу назавтра утеха.
Будет жарко натоплен мой дом.
Дверь открою – сияние снега!
Вся Отчизна в проёме дверном.

Судьба поэта

1

В лебеде, под ветёлкой горбатой,
Я, раскинув отцовский кожух,
Всё мечтал, что я буду богатым:
Дом построю и сад посажу.

Сам себе нагадал, напорочил.
Ветер в уши судьбу насвистел.
Время вышло, - я школу окончил,
Хлопнул дверью и вдаль посмотрел,

Где шальная пылила дорога
И глаза порошила до слёз.
Потому не увидел я Бога, -
Только две колеи от колёс.

А звезда проносилась по небу,
Рассыпая нездешний огонь.
Но бегущему дню на потребу
Я ударил ладонью в ладонь.

Бить в ладони – ведь тоже работа,
Хоть и звон отдаётся в виске...
Вырос сад - засосало болото.
Дом построил, а он на песке.

2

В красных губах заката
Вечер зажжёт звезду...
Там, где я жил когда-то,
Ветер дудит в дуду.

Вот он летит со склона.
Он мне, как брату рад,
Что я вернулся в лоно,
Что я пришёл назад.

Жестью покрылся ржавой
Лист на пустой меже...
Там, где лежал я в травах,
Осень лежит уже.

Пусто на белом свете.
Пусто в моей душе.
Сказочками о лете
Не обмануть уже.

* * *

Неотвратимо время листопада.
В природе нет и не было чудес.
Стоят деревья голые, как правда,
Под непосильной тяжестью небес.
Им сока жизни вдосталь не напиться,
Сжигает чрево ледяной огонь...
Скрипит ветла,
Как в доме половица
Скрипела под отцовскою ногой.
Я – лист последний!
Умоляю:
«Сжался,
Дыханье осени!
Суха родная ветвь.
И нету силы, чтобы удержаться.
И нету ветра, чтобы улететь...»

ЕВГЕНИЙ ПИСАРЕВ

Нормальный ход

*Тамбовская литература
в условиях провинциальной тесноты*

Путешествуя по России, Максим Горький забредал и в Тамбов. Результатом его скитаний стал цикл рассказов «По Руси», в одном из которых писатель определил Тамбов как «типичный пример убогой провинции». А в статье «Письма к читателю» он сожалел, что «устоявшееся тамбовское бытие не может создать ни Кромвеля, ни Наполеона, ни Свифта, хотя именно Свифт был бы чрезвычайно полезен Тамбову».

По молодости лет писатель был слишком категоричен в оценках, и не мог предположить, какие потрясения ожидают Россию в ближайшем будущем. Через четверть века в Тамбовском крае появился и свой Кромвель в лице Александра Антонова, и «чрезвычайно полезный Тамбову» землеустроитель Андрей Платонов, написавший на местном материале вполне «свифтовскую» повесть «Город Градов».

Евгений Николаевич Писарев родился в 1947 году в г. Белогорске Амурской области, филологическое образование получил в Тамбовском государственном педагогическом институте. Служил в армии, работал в заводской многотиражке, районной, областной газетах, в начале 90-х редактировал городскую газету «Послесловие», печатался в журналах и альманахах. Последние двадцать лет – корреспондент «Российской газеты».

1.

Тамбовская губерния, а потом и ополовиненная Тамбовская область, на литературной карте страны занимает весьма достойное место. В «золотой век» русской литературы край был богат «дворянскими гнёздами» с их культурой, заложенной в конце XVIII века в период недолгого правления губернией Гаврилой Державиным - поэтом, немало сделавшим для оживления культурной жизни города. Он же и открывает поминальный список литераторов, «наследивших» в Тамбовском крае. Одни - местом рождения, другие - долгим пребыванием, а третьи лишь фактом приезда в здешние края, иногда весьма сомнительным. Так случилось, например, с Михаилом Лермонтовым, который отмечился поэмой «Тамбовская казначейша» и одноимённым памятником, хотя документальных свидетельств его пребывания в городе нет. Зато нет сомнений, что в здешних краях бывал Иван Бунин, выступавший в нынешнем Мичуринске с чтением своих рассказов, Борис Пастернак, отметившийся стихотворениями «Мучкап» и «Мухи в мучкапской чайной», Осип Мандельштам, лечившийся в 1938 году в Тамбовском кардиологическом санатории. Александр Солженицын также дважды бывал в Тамбове, а «отец русского футуризма» Давид Бурлюк учился в тамбовской гимназии, и до конца жизни, находясь в эмиграции в США, поддерживал связь с городом.

Местные краеведы с трепетом относятся к фактам пребывания в их краях известных литераторов, но особое место в списке занимает Андрей Платонов. В Тамбове он пробыл всего лишь зиму 1926-1927 годов, но она стала для писателя тем же самым, что для Пушкина «болдинская осень». В захудалый город он приехал землестроителем, а вернулся состоявшимся писателем - явлением мировой литературы.

2.

В 2011 году в Тамбове появилось скульптурное изображение поэта Евгения Боратынского – уроженца села Вяжли

Кирсановского уезда. Оказавшись в числе поэтов «пушкинской плеяды», Боратынский не оценён по достоинству и поныне, хотя был и остаётся самой яркой фигурой в созвездии русских поэтов. Знаменательно, что бюст поэта установлен недалеко от того места, где до недавнего времени стоял вполне добротный дом Михаила Боратынского - внучатого племянника поэта, общественного деятеля, виртуозного музыканта и фотографа, жившего в Тамбове с начала XX века. По-родственному заходил в этот дом и один из создателей образа Козьмы Пруткова поэт Алексей Жемчужников, на дочери которого был женат хозяин дома. Но дом несколько лет назад снесли, а двумя десятилетиями ранее такая же участь постигла и дом самого Жемчужникова. Родовое же имение Боратынских и поныне находится в запустении.

На тамбовской Набережной стоит памятник создателю исторических эпопей Сергею Сергееву-Ценскому. Родился писатель в семье учителя в селе Бабино - ныне село Преображенье Рассказовского района. Детство провёл в Тамбове, где в 1890 году окончил уездное училище, а затем поступил в подготовительный класс Екатерининского учительского института. В юности писал стихи, а в 1892 году в «Тамбовских губернских ведомостях» опубликовал первый прозаический опыт - очерк «Кочетовская плотина». Тогда же его фамилия дополнилась псевдонимом Ценский. В 1907 году вышел роман «Бабаев», принёсший Сергееву-Ценскому литературную известность. В конце Первой мировой войны писатель перебрался в Крым, где и создал исторический роман «Севастопольская страда» и многоотомную эпопею «Преображение России», включающую двенадцать романов, три повести и два этюда.

В местечке Лебедянь, входившем в Тамбовскую губернию, родился известный прозаик Евгений Замятин. После Октябрьской революции, с которой писатель связывал немалые надежды, примкнул к литературной группе «Серрапионовы братья», входил в редколлегию издательства «Всемирная литература», участвовал в издании независимого литературно-художественного журнала «Русский современник». Но главным делом его жизни стал роман-антиутопия «Мы», написанный в 1920

году. Однако советская цензура не без оснований усмотрела в романе издёвку над коммунистическим строем и запретила его публикацию. В 1925 году роман вышел в Нью-Йорке на английском языке, а затем на чешском и французском, что повлияло на европейскую литературную жизнь. И заодно поставило крест на литературной карьере Замятина в Советской России. При содействии Максима Горького осенью 1931 года писатель уехал в Берлин, а через несколько месяцев перебирается в Париж, где разделил судьбу остальных русских писателей-эмигрантов.

В Тамбовском губернии в селе Большая Лозовка Токкарёвского района в 1905 году появился на свет ныне почти забытый писатель Николай Вирта (Карельский). Вспомнили о нём недавно в связи с обострившимся интересом к восстанию тамбовских крестьян, охватившим губернию в 1920-1921 года. Роман Вирты «Одиночество», увидевший свет в 1935 году, стал первой и весьма тенденциозной попыткой художественного осмысления восстания, вошедшего в историю как «антоновщина». Героев романа писатель вывел исключительно в чёрных красках и под их настоящими именами. И вскоре реальные персонажи были арестованы и расстреляны. Перебравшись в Москву и прожив в столице более 40 лет, Вирта в конце жизни с ранней весны до поздней осени жил под Тамбовом в селе Горелое. Там при содействии местных властей построил двухэтажный дом, из-за которого стал героем фельетона «За голубым забором», напечатанного в «Комсомольской правде». Последние годы коротал в подмосковном Переделкине, где скончался в 1976 году.

К теме «антоновщины» обращался и другой уроженец Тамбовщины - прозаик Александр Стрыгин. Свой первый рассказ «Чертежи его будущего» был опубликован в 1948 году в газете «Тамбовская правда», а через два года в местном издательстве вышла книга его рассказов «В пути». Но известность Стрыгину принёс «антоновский» роман «Расплата», опубликованный в «Роман-газете» трехмиллионным тиражом. С 1960 и по 1968 год Стрыгин возглавлял Тамбовскую писательскую организацию, а в 1972 году перебрался в Краснодар, где публиковался в журналах «Дон», «Кубань». Вот, пожалуй, и все зна-

чительные писатели прошлого века, местом рождения которых была Тамбовская губерния.

3.

Для остальных известных литераторов здешние края были местом обитания, но не местом рождения. Даже поэт, автор палиндромов Николай Ладыгин, который связан с Тамбовом множеством нитей, родился в старинном городе Рославле Смоленской губернии. Палиндромами, стихами-перевертнями, в которых строки читаются одинаково как слева направо так и справа налево, баловались поэты всех времен. Классикой стала строка Державина: «Я иду с мечом судия». Но только Ладыгин писал палиндромами целые поэмы. Уже после смерти поэта в столичном издательстве «Советская Россия» под редакцией Сергея Бирюкова вышла книга поэта «Золото лоз». Следом в местном издательстве увидели свет сборники «И жар и миражи», «И лад, и дали». Творчество Ладыгина стало предметом серьезных литературоведческих исследований. Он не состоял ни в каких творческих союзах, был стихотворцем сверхштатным, штучным. Правда, в 67 лет с ним приключился казус, который много говорит о живом и вневозрастном характере Ладыгина - он принял участие в областном семинаре молодых поэтов, и его стихи стали единственным открытием на этом «форуме молодых».

Заметный след в местной литературе оставили поэты Иван Кучин, Семён Милосердов, Геннадий Якушенко, Евгений Харланов, прозаики Георгий Ремизов, Анатолий Косневич, Александр Акулинин, Виктор Герасин, Василий Кравченко. В Тамбове закончил свой жизненный путь и прозаик Иван Елегечев – крупный писатель с провинциальной судьбой.

Несколько лет Тамбовскую писательскую организацию возглавляла известный поэт Майя Румянцева, которая много сделала для оживления литературной жизни города. Наездами часто бывал в Тамбове один из самых оригинальных поэтов XX века Николай Глазков. Можно вспомнить и Венедикта Ерофеева - автора знаменитой поэмы в прозе «Москва-Петушки». Скита-

ясь по стране, он одно время работал под Тамбовом и Мичуринском монтажником кабельных линий связи.

В пору безвременья ушёл из жизни Евгений Харланов - крупный русский поэт конца XX века, о котором стоит сказать особо. При жизни в провинциальных издательствах вышли два тоненьких тщательно отфильтрованных сборников стихов Харланова. И дело не в том, что поэта не ценили. Те, от кого зависели публикации, угадывали за густой метафоричностью его стихов второй смысл, а литературные чиновники предпочитали проверенные и ясные материалы. О взаимоотношениях поэта с тамбовской литературной средой лучше всех сказал в некрологе профессор филологии Владимир Руделёв (тоже, кстати, незаурядный поэт): «Поэту Харланову есть, что сказать, он достоин самых высоких оценок и самых изысканных собеседников. Всё это можно было видеть давно, по крайней мере - предполагать, но нам мешала это сделать провинциальная теснота...».

Провинциальная теснота – это предельно точное определение. Особенно для сегодняшнего состояния литературы, когда звание «писатель», «поэт» до крайней степени обесценилось. Любой пенсионер с амбициями, посидев три-четыре месяца на хлебе и воде, может накопить денег для издания своей книжки тиражом в 100-200 экземпляров. А если наймет себе ещё и толкового редактора, то может получиться и вполне приличная книжка, с которой не стыдно устроить презентацию с шампанским и приглашением родственников и знакомых. Но прорывные книги, способные сказать новое слово «о времени и о себе», появляются крайне редко. При отсутствии внятной литературной критики художественный уровень произведений стремительно падает, и среди кустарников и сухостоя уже трудно разглядеть здоровые деревья.

Особое и заметное место в текущей литературе занимают краеведческие и мемуарные книги. Исчезли запретные темы, появился интерес к прошлому, поэтому такого рода литературы, пусть даже многословной, в избытке никогда не бывает.

4.

Из здравствующих литераторов следует упомянуть поэта, затока русского поэтического авангарда и основателя «Академии зауми» Сергея Бирюкова, ныне живущего в Германии, а также поэта и прозаика Аркадия Макарова, переехавшего на постоянное жительство в Воронеж. В Тамбове провела детство и юность Марина Кудимова – яркий поэт современности. Заметный след в литературе оставили живущие в Тамбове и его окрестностях поэты Валентина Дорожкина, Евстахий Начас, Олег Алёшин, Мария Знобищева, Елена Луканкина, Елена Часовских, прозаики Николай Наседкин, Владимир Селиверстов, Юрий Мещеряков. А если перечислять всё великое множество авторов, выпустивших за последние два десятилетия по несколько поэтических сборников и книг прозы, то получится небольшой телефонный справочник на две-три сотни номеров. О художественных достоинствах книг этих авторов говорить не будем – это отдельная тема, и в обзорной статье её не поднимешь. Важно другое: книги местных поэтов и прозаиков, несмотря на разный уровень дарования авторов и мизерные тиражи, становятся фактом литературы. И одновременно создают ту самую «провинциальную тесноту», в которой может затеряться достойная книга, как это случилось с книгами Ивана Елегечева.

Молодые литераторы в желании избавиться от провинциальной косности, от принципов «ползучего реализма» бросаются в то, что сегодня условно называется постмодернизмом. Но и здесь засада! Беру с книжной полки почти наугад сборник повестей и рассказов «Нормальный ход» Валерия Попова, изданный в 1976 году, перечитываю, не отрываясь. И убеждаюсь, что весь современный постмодернизм был издан 40 лет назад, если не раньше, а Попов – типичный его представитель. В одном из интервью на вопрос корреспондента о том, что нужно сделать, чтобы люди снова полюбили книгу, писатель ответил коротко: «Лучше писать».

ЮРИЙ МЕЩЕРЯКОВ

Гюльчатая *фрагмент романа*

Течение жизни – всё, что у нас есть. Пока тебя несет потоком, ты жив, ты в строю, это твоя Река... Но вот её широкая гладь вздрагивает первой рябью от утреннего дуновения, потом, поддавшись порыву ветра, начинает волноваться по-настоящему, а после бурного таяния снегов с утесов в неё рушатся камни, сходят селевые лавины, течение ускоряется, закручиваясь в водовороты... Впереди пороги, они неотвратимы... Но это Река твоей жизни, это твои пороги, ты должен их взять – другого не дано.

Течение жизни – больше, чем слова, и сердце Платова замирало в предчувствии завтра: где-то там скрываются открытия, равные Колумбовым, чужие земли, чужие люди, несметные сокровища древнего Востока. Любопытство рушило все преграды, а стабильное давление сто двадцать на семьдесят подсказыв-

Юрий Альбертович Мещеряков - поэт, прозаик, ветеран афганской войны. Печатался в журналах «Губернский стиль», «Литературный Тамбов», «Северное измерение» (С.-Петербург), «Подъём» (Воронеж), в различных сборниках. В 2013 году в издательстве «Центрполиграф» (Москва) вышел роман «Панджшер навсегда», главное программное произведение автора. Новый роман продолжает тему афганских событий, тему сложных межнациональных отношений, главный герой отвечает на вопрос о праве выбора судьбы. Член Союза писателей России.

вало, что всё будет нормально... В силу возраста перед будущим не было страха, но вот мать... Она с испугом смотрела на его горизонты, теребила лацканы наглаженного кителя, Иван же был уверен, ничто не может сломать его жизнь, потому что жизнь – река, её невозможно остановить. «Мама, о чём ты думаешь? Это такая работа. Я к ней готовился. Я всё умею». А мама, как и другие мамы, думала о диких горцах, которые тайными тропами пробираются в лагерь сопливых советских солдат. Платов не знал, что писать матери в ответ на её письмо, врать, придумать, что внезапно поменялся адрес, и вместо города и улицы в нём появился номер полевой почты. Что же здесь непонятного, когда до афганской границы рукой подать? «Не бойся за меня, я – сильный. Другим хуже, чем мне. Другим, это тем, кто не понял, куда пришел».

Что ещё он мог написать? И так целая страница оправданий, как будто он уходил добровольцем.

* * *

- Гюльчатай! Открой личико! – Булыгин, взводный третьей роты, с задней скамьи попытался громким шёпотом разнообразить лекцию-инструктаж замполита батальона Писарева.

Замполит отложил в сторону тонкую брошюру, отпечатанную на жёлтой газетной бумаге, посмотрел в сторону нарушителя дисциплины.

- Гюльчатай, Гюльчатай... На большее ваших извилин не хватает?

- Никак нет, товарищ майор, хватает. Фильм с товарищем Суховым и моим тёзкой Петькой является самым лучшим пособием для изучения стран Востока, в частности, Афганистана, поскольку события там разворачиваются почти по соседству и...

- И?

- ...раскрывают черты характера и обычаи восточных народов.

- Вижу, что подготовлен, во всяком случае, на словах. Так вот, товарищи офицеры, об этом и разговор, о бдительности. Все знают, чем для Петьки закончилось его неуместное и настойчивое любопытство. Исполнял бы служебные обязанности, остался бы жив.

- Так это же кино.

- Булыгин только что сказал, что хорошее пособие...

- Изголодался Петька по девкам, вот и попал, - подержал не то взводного, не то замполита Ковтун, батальонный комсомолец. Его взгляд при этом уплыл куда-то в сторону, он сочувствовал бойцу Красной армии, а заодно и себе, обычному прапорщику, заброшенному на два года к чёрту на кулички.

- Наши девчонки в сто раз красивее, без вариантов.

- Танец живота танцевать не умеют.

- Ага. В соседнем кишлаке умеют – с мотыгой в борозде, - Ковтун был неумолим, и лекция потихонечку становилась балаганом.

- Товарищи офицеры! – замполит постучал указкой по переносной трибуне. – Заканчиваем отступление от темы.

Диковинный этнографический инструктаж при входе в Афганистан предписывался политуправлением округа всем подразделениям и был жизненно необходим. Большинство офицеров по недоразумению считали, что со своим высшим образованием они достаточно знают о том, что происходит вокруг, но незнакомый мир даже в масштабах этой первобытной азиатской страны оказался настолько огромен, что больше походил на другую планету. Ну, например, носить паранджу в конце двадцатого века, это какво? Не по странной прихоти своевольной дамы-феминистки, а совсем наоборот, потому что так требует её строгий муж или отец, а вместе с ними – имам уездной мечети. Наши таджички уже лет пятьдесят, как забыли про паранджу, если только не хранят в шкафах в качестве музейной древности. А местные афганки носят их даже в жару, когда асфальт плавится, когда от духоты дышать нечем. Так куда движется цивилизация? Отчасти это и была тема инструктажа, ради которого офицеры и прапорщики батальона собрались в большой брезентовой палатке.

- Итак, продолжаем, - замполит прокашлялся. – Афганистан – восточная мусульманская страна, здесь многие вещи могут показаться нам, советским людям, необычными. Например, в домах афганцев есть мужская и женская половины, окна женской половины всегда выходят во внутренний двор, на женскую половину чужим мужчинам входить нельзя – это табу. Нельзя рассматривать лица женщин, к женщинам нельзя проявлять интерес – это тоже табу. Если при выполнении служебных обязанностей окажетесь в гостях, всё может случиться: женщин нельзя приглашать за стол, у них свой стол, и вообще женщина, ханум, – не собеседник, она... Как бы это точнее сказать... Она принадлежность мужчины.

- Вот бы у нас так было!

- Главное, конечно, религия. Афганцы строго соблюдают религиозные обряды. Для них ислам крайне важен, он определяет сущность этого народа, даже совершенно необразованным людям он объясняет примитивную конструкцию мира. Никакое другое устройство, кроме мусульманского, они не признают. Эта тема для афганцев вне обсуждения. Аллах велик и Мухаммед пророк его – это не только формула речи, это их принцип. Каждый, кто немусульманин, – неверный, гяур, то есть человек, на которого не распространяется... Короче, которого можно убить, и по шариату – по их мусульманскому закону – им за это ничего не будет.

В этом месте замполит оторвался от своего конспекта, от инструкции, было видно, что он размышляет сам. Видимо, что-то уже слышал об этой странной чужой религии, хотя для него, как и для всех коммунистов и комсомольцев, любая религия была странной; свою же коммунистическую идеологию они религией не считали.

- Товарищ майор, зачем это всё? – вывел его из раздумий вопрос Платова. – В смысле, зачем мы здесь? Ну да, с интернациональным долгом понятно. Партия приказал – мы выполняем. Я говорю о другом. Мы не знаем их жизнь, не понимаем, как она устроена. Вот что они в итоге хотят? Бандитизм, насилие над людьми, террор в масштабах страны... Вряд ли они этого хо-

тят, так что моральное основание для нашего вмешательства на лицо. Наверное, они сами должны разобраться, что им нужно. Мы к тому же не мусульмане...

- Сдается мне, Платов, не ты единственный, кто об этом подумал, - язвительно бросил замполит, уставший доказывать очевидное, - в Москве всё взвесили и приняли соответствующее решение. Что до афганцев, в своём бардаке сами они никогда не разберутся.

- Ага. Мы точно разберёмся, - пробубнил себе под нос Ковтун.

- Это не тема инструктажа, но раз так стоит вопрос, я вынужден напомнить: афганские события стали для нас актуальными, когда в Кабуле был убит премьер-министр Тараки, друг нашей страны. Возникла угроза сползания Афганистана под западное влияние, новый премьер Амин учился в американском университете и был связан с ЦРУ. Афганистан мог стать нашим врагом. Убедительно, Платов?

- Вот теперь убедительно, товарищ майор, а то бандитизм, террор – это всё для местной полиции, для царандоя.

- Продолжаем занятие. Теперь по теме – устройство афганского дома...

* * *

Какие красивые у афганцев названия: Саланг, Гардез, Газни, а вот Киджоль, Алихейль, Пактия, Герируд, Герат... Так ведь? Платову досталось не менее красивое – Баграм, жёсткое, мужественное. Но Баграм, древний город и крупный гарнизон, расслаблял и военных и гражданских, скрывал реальность. Не стреляют. Если, конечно, не считать наши гаубицы разных калибров и «Грады»: эти-то стреляли, считай, круглосуточно, не стеснялись. Журчали искусственные арыки, зеленели палисадники, управленцы или штабные, как ни назови, начищали до блеска ещё союзные коричневые туфли, в соседних баграмских лавках, в дуканах продавались джинсы и батники, японские магнитофоны, кассеты с музыкой, в основном, с иностранной

попсой, но был и Высоцкий. Откуда? Подходящий вопрос. И была одна проблема, которая вначале казалась самой главной, – укрыться от вездесущей отупляющей жары. Как только солнце подбиралось к полудню, гарнизон вымирал. В кабинетах больших начальников ещё встречались кондиционеры, но это в виде исключения, что до солдата – ему бы найти островок тени, хоть у грибка дневального, хоть под козырьком ангара, хоть в окопе на посту охранения. Под тяжёлым бронезилетом на груди, на спине скапливается пот, нагревается потёртая каска, от неё нагреваются темя, затылок. И снова, оставляя долгие солёные борозды, по шее, по вискам скатывается липкий пот.

Это была вселенская проблема. Но тут же на неё накладывалась другая: несмотря на жару, нельзя пить открытую воду, строго-настрого нельзя, да и любую другую воду надо попридерживать во фляжке. А доктора с умным значительным видом говорят, что человек должен выпивать три литра воды в день. В условиях нашего Баграма это отвар верблюжьей колючки. Но кто бы знал, где взять эти три литра на боевой операции? И что делать, когда, не успев сделать глоток, чувствуешь, как он превращается во всё тот же противный, липкий пот? Какая-то бесконечная цепь мучений. Но солдат стерпит всё, так или иначе, ему отступать некуда.

И всё-таки Баграм – райское место... Не стреляют.

В модуле, в сборно-щитовом строении, где разместили офицеров десантно-штурмового батальона, было по-спартански аскетично. По углам комнаты стояли три койки, в четвертом углу – платяной шкаф для армейской амуниции, у окна – слегка обшарпанный однотумбовый стол с настольной лампой и графином для воды. Особой приметой были гвозди-сотки, они торчали над всеми койками, нарушая обычное убранство комнаты, и предназначались для автоматов и разгрузок с магазинами и гранатами.

На одной из коек, не раздеваясь, в берцах, в форме нового образца лежал старший лейтенант из местного разведбата. Он безучастно курил, выпуская в потолок струю дыма, и на прибы-

тие Платова отреагировал меланхолично:

- Салам, бача.

- Здорово, - Платов остановился у двери, осматриваясь.

- Похоже, мы соседи, - старший лейтенант оказался нетороплив и немногословен. – Аркадий... Курнаев, для своих – Стрелец.

- Иван Платов. Для своих Иван и есть.

- Из Союза? – он лениво скосил взгляд на нового постояльца. – Видно, что из Союза. Хм, свежий, как из прачечной. Как там?

- Никак. Ветер-афганец, песок на зубах, пустыня до горизонта.

- Знакомая песня.

- Нас держали на полигоне для адаптации, задолбали наставлениями. А дома, в Термезе, жена носом хлюпала. Единственная мысль мозг пилила: быстрее бы сюда, за речку, раньше сядешь – раньше выйдешь. Вот она и сбылась.

- Ты с юмором, - сосед наконец-то заинтересовался прибывшим. – Термез, эх, благодатные места. Новбахор, арык журчит, узбеки травкой торгуют. Не ценишь ты мирную жизнь, дружище. Вспомнишь ещё.

- Вспомню, от неё не спрячешься, - Платов неуместно вздохнул.

- Выпить есть что?

- Сообразим, оформим прописку по всем правилам. Сейчас один приятель подтянется.

- Ладно, закуска за мной.

Бутылка союзной водки, пшеничной, мягкой, ушла быстро, с ней две банки тушёнки с гречневой кашей, разогретые за модулем в трофейном котелке на двух кирпичах и одном сигнальном патроне. Закурили. Курнаев, немного оживившись, вводил молодых коллег в курс дела – лишнее наставление никому не помешает, имеющий уши да услышит.

- Год назад на сторожевой заставе, здесь недалеко, случай был. Днём, в жару, когда все кроме дежурной смены отдыхали, боец с целым ящиком патронов рванул к духам. Думал, не

засекут. А на заставе за командира молодой лейтенант оставался, из Союза недели две-три, как прибыл. Летёха сначала кричал беглецу, потом стрелял в воздух, потом не поражение, короче, убил нах... предателя. Метко стрелял, первой же очередью между лопаток.

- А дальше?

- Дальше, ясно что – прокуратура.

- Так что он должен был делать-то? – Ковтун, их третий компаньон, замер в ожидании другой версии, хотя для политзанятий при таких делах ни одна из них явно не годилась.

- Как что? Стрелять. Стрелять предателей! – Рассказчик хитро прищурился, сквозь табачный дым оглядел заинтригованных слушателей. – А вот убивать не надо бы... Поменьше большевизма. Делай, что приказывают, что в инструкции написано, а в остальное не лезь. В конце концов, этого козла-изменника можно было и на боевые списать. Обстрел, случайный выстрел, снайпер... А летёха слишком правильный оказался, начал докладывать командованию, рапорта писать, дописался. Сам на себя и написал, запустил маховик.

- И что теперь?

Байка или нет, но Платов, задавшись вопросом, что же здесь на самом деле происходит, теперь хотел дойти и до ответа. Разведчик с годовым стажем в Афгане, пожалуй, будет лучшим наставником, чем их добросовестный замполит.

- Если предположить, что всё так и было, как я рассказал, если по всем правилам, то парню хана, трибунал и срок за умышленное убийство.

- Но ведь война же?

- Какая нах... война? Кто тебе сказал? Интернациональная помощь братскому афганскому народу, газет, что ли, не читаешь, комиссарскую правду не слушаешь? А там, между прочим, объявлена официальная позиция. Усвоил, бача?

Старлей растянулся на кушетке, глядя в низкий потолок комнаты, молча несколько раз затянулся вонючей «Примой» и, разговаривая, как будто сам с собой, негромко добавил:

- Понимаешь, при полном раскладе тут одно из двух: или

этот боец был в конец оборзевший наркоман, или хуже того – молодой, которого дембеля послали в дуكان за водкой. А летёха убил его по незнанию. Да и откуда ему знать местные расклады... Вот такой зигзаг получается. Если окажется второе, а по закону подлости окажется именно второе, ни красный диплом, ни партийный билет парня не спасут. Выйдет лет через десять с зоны, а на душе синяя заплатка величиной с два кулака.

- Так это что – правда? – Вопрос перетекал в ответ, ответ становился очевидным. – Гм, какой-то обоюдоострый служебный долг.

Старлей приподнялся на локте, внимательно, изучающе посмотрел на взъерошенного Платова. Тот, несмотря на выпитую водку, на отяжелевшую голову, продолжал делать открытия, дорисовывая условия задачи, в которых вдруг оказался. Его серые клетки наполнялись всяким хламом, то есть информацией, и по мере наполнения в них выстраивалось что-то бессистемное, нелепое, что-то близкое кошмарам Сальвадора Дали.

- Иван, а ведь ты, что тот летёха, неслигаемый, как инструкция... Но голова варит. Значит, поймешь, тут что ни байка, что ни анекдот, всё из жизни, всё в десятку, а то, что юмор черный... Так откуда другому взяться? И ты привыкнешь, бача.

- Аркадий, а как здесь с этим, с выпивкой? – Ковтун, заполняя паузу, характерно постучал пальцем по горлу.

- Если ещё найдется, - разведчик расплылся в саркастической улыбке, - то расскажу.

Платов вопросительно оглянулся на своего напарника по службе, в ответ тот удовлетворённо приподнял бровь.

- Мне тут землячки фляжку местного самогона подогнали, так что если...

- Годится, неси.

Самогон, который принёс батальонный комсомолец, оказался подозрительно темного цвета, некрепким, на вкус – полная гадость, но в голову после него всё-таки ударило.

- Кишмишовка, - увидев вопросительные взгляды, заключил Курнаев. - Местное пойло, гонят из... А чёрт его знает, из чего гонят, может, из тувовника. Барыги в дуканах торгуют

из-под полы, между прочим, пользуется спросом.

- Часто выпиваешь?

- Ну, ты спросил, бача. Был бы повод. А какой твой интерес?

- Как бы в порядке изучения обстановки, - Платов хитро прищурил глаз, больше ожидая реакцию, чем сам ответ, потому что интереса у него не было ровным счетом никакого.

Курнаев отреагировал низким горловым звуком, изда- лека напоминающим смех, посмотрел на него долгим взглядом, пытаясь понять, достоин ли собеседник ответа:

- Выпиваю, не обращай внимания. Когда надо быть в форме, я в форме. Остальное – детали. Вот послужишь здесь полгода, а то и месяца хватит, и у тебя всегда найдется и причина и повод.

Ковтун уснул, пьяно уткнувшись в подушку. Платов и Курнаев вышли из накуренной комнаты, устроились на скамье в курилке и медленно, по колпачку, под долгий разговор добились полупустую фляжку. Сквозь невидимую в ночи маскеть проглядывали близкие афганские звёзды, мириады звёзд, из кото- рых ярким поясом выкладывался холодный млечный путь. У каждого свой путь.

- Знаешь, Иван, я рассказывал о летёхе... Это не байка, совсем не байка, - захмелевший разведчик прокручивал в голове свою короткую армейскую жизнь, разминая в пальцах потухший окурок.

- Что же тогда? – Платов насторожился.

- Это я рассказал о себе, о другом, из прошлой жизни.

- Аркадий?..

- Почти как в песне, мой командир меня почти что спас, но кто-то на расстреле настоял... Меня каждый день тягали в прокуратуру. Полк уходил на операцию, на Бамаан. Командир дал добро, и меня включили в приказ офицером связи... А там прошло три недели, потери у нас, гибель местного населения, в общем, прокурорский следак сдался. На моем расстреле никто не настаивал, хохма... Короче, мой вопрос решил сам собой, потерял актуальность, не стали заострять... Вот только я сам не

могу забыть того солдатика. И чёрт бы с ним, с изменником, но позже я увидел его довоенные фотографии, а там отец, мать, там невеста и сам он ещё школьник – все улыбаются, там счастье мирной жизни, а здесь сплошное дерьмо и я со своим первым разрядом по стрельбе.

- Поэтому ты – Стрелец?

- Не-е... Мой знак огненный, целеустремлённый. И Стрелец, и стрелок, и очень много практической стрельбы. Всё совпало.

- Стрелец, зачем ты мне это рассказываешь?

- Ты спросил, много ли я пью. Я тебе дал развёрнутый ответ – много, Ваня. Да и носить в себе... Знаешь, как это бывает... В другую дивизию, в разведбат перевелся, думал, забудусь, отпустит. Здесь некогда рефлексировать, много горячей работы, да и нынешний командир на награды нежадный. Пью, поминаю своего первого, которому между лопаток... С тех пор я никому не выстрелил в спину, ни одному духу.

Платов сосредоточенно слушал – он умел слушать – и, уловив в последних словах разведчика и второй и третий смысл, приподнял голову, посмотрел вопросительно в глаза.

- И чистые родники наполнятся алой кровью, - Курнаев неприятно оскалился. – Ты хотел спросить, скольких я уже... Знаю, что хотел.

- Почти угадал, дёрнулась мысль...

- Хм, и не спросил. Хорошо, что не спросил, – тебе это ни к чему, да и неважно. Важно другое – за ними не спрячешься.

- Стрелец, как это – убить человека? – Платов почувствовал, что покраснел, но в ночной темноте эта неловкость была не видна, а спросить, так или иначе, было нужно. – Если что, без передачи, я – могила.

- Да брось, никаких тайн, народ здесь простой, военный. Здесь, если что, своих не сдают. Ты – солдат, я – солдат. Стрелять придётся – это работа, не отмажешься, бача. Нравственная планка мешает? Не дрейфь, перешагнёшь. И запомни одну вещь: убить человека страшно, убить врага – высокая честь. Хотя, что я тебе говорю? Будет надо, сделаешь, как учили, и не ради саур-

ской революции, а ради себя и своих сопливых бойцов. Не ломай голову, всё будет, как надо, чики-пики. А вот когда захочешь посмотреть в глаза убитому врагу... а ты захочешь, ха-ха, - у Курнаева снова что-то заклокотало в горле, наверное, это был смех, - считай что ты созрел. Позови меня, не забудь, обмоем.

- Что обмоем?

- Кого, летёха. Тебя, новорождённого. Что-то я разболтался сегодня. Ну что там у нас с флягой?

* * *

В Панджшере начиналась армейская операция. Огромное количество войск двинулось в ущелье, в прилегающие районы. Пора, достал уже этот бессмертный Ахмад Шах, хозяин Панджшера, феодал в классическом смысле и заноза во всей нашей афганской кампании. Сколько покушений на него проведено местной контрразведкой и все впустую, остался самый прямолинейный, самый сомнительный выход – нещадно бомбить, накрывая большие площади, и надеяться на удачу. Смешно, но именно его прозвали Масудом, счастливым, удачливым – как хочешь, так и понимай – ему всегда везло, начиная с давнего исламского мятежа против премьеры Дауда. Таких, как он, лучше было бы иметь в друзьях... Но историю не перепишешь...

«Какие высокие горы! А-а, это еще невысокие? Читай карту, там всё обозначено. Это только две тысячи. Не надо демонстрировать слабость, никто не оценит. Стрелец ничего об этом не говорил. А как же бойцы? Их никто не готовил к таким нагрузкам, никто не ждал... Не имеет значения – обратной дороги нет». Рваные, незаконченные мысли блуждали в голове Платова, не связывались, не соединялись, не давали ответа на обыденный вопрос: зачем? Зной. Зной внутри, в лёгких, снаружи – на лице. Но воздух абсолютно сухой, и это спасает, «мотор» работает ровно, как часы. Рваные мысли не останавливались, продолжали бесцельно блуждать, опускались до простых чисел. Тринадцатый день операции, к вечеру заберемся на три

тысячи, в батальоне уже пять убитых и снова тринадцать – раненых. Посреди размышлений всё тот же обыденный вопрос: зачем? Должен же быть и ответ...

После трёх тысяч начали спуск в долину.....

Утром взвод Платова напоролся на небольшой уютный кишлак Санги Хан, что расположился в долине Пирингаль, в широкой низине по обеим сторонам реки, больше походившей на ручей. Удалённый от горных склонов, открытый со всех сторон, кишлак хорошо просматривался и никакой опасности для взвода не представлял. Больших домов-крепостей, как в Баграмской зелёнке, здесь не было. Шли легко, быстро, парами: один боец осматривает строение, другой прикрывает. Малые домишки-дувалы осматривали больше для формальности, чтобы в спину никто не выстрелил, над теми, что крупнее, работали всем взводом. Общее прикрытие обеспечивал ротный, капитан Свиридов, со своей группой управления и с другим взводом, который он постоянно держал при себе.

В одном из дувалов, во дворе, благодаря восьмикратной оптике, Платов увидел афганца лет тридцати. Дом обложили раньше, чем тот сообразил, что происходит. Когда сообразил, попытался бежать, такова обычная реакция на страх – или бег, или ступор, – но две короткие очереди заставили его остановиться с поднятыми руками. Бойцы у лейтенанта были правильные, выполнили то, что приказано – убивать духа команда не поступала. Растерянный, испуганный человек не пытался сопротивляться, но что он тут делал? Первое, что пришло Платову в голову, – вернулся по хозяйским делам в свой дом, в свой кишлак, брошенный жителями три недели назад. Какой же он после этого афганец, горец, если вовремя не увидел целую роту шурави, рассыпавшуюся по всей долине? Разведчик? Разведчики, осторожны и осмотрительны, поодиночке не действуют, да и не похож он был на душмана.

Свиридов, которого бойцы за глаза называли быком, отнёсся к пленному с воодушевлением и соглядатая, разведчица в нем признал сразу, без колебаний.

- Платов, душка притащил? Хорошо. Вот он-то нам и расскажет, что за дела тут в ущелье творится, - для большей ясности своих намерений он, не раздумывая, ударил афганца тяжёлым кулаком под дых. – Говорить будешь?

- Нис фамиди! Нис фамиди! – с трудом выдохнул пленный. Откуда ему было знать, что хочет, о чём говорит на своём языке этот страшный, покрытый красными пятнами кафир.

- Не понимаешь? А ну, колись, сука. Кто такой, откуда, что делал в кишлаке?

Афганец что-то невнятно мычал в ответ, пытался заработать снисхождение, что-то объяснить... Но у Свиридова, как у настоящего быка, уже наливались кровью глаза, его бесило, что он ничего не может понять из этого бормотанья.

- Товарищ капитан, - Платов, оставшийся посторонним наблюдателем, напомнил о себе ротному, - он же неотёсанный крестьянин, вернулся домой, к своему хозяйству.

- Или кто-то заставил его вернуться. Соображаешь, Платов? – процедил он сквозь зубы. – Взводу – привал полчаса, пообедайте, а мы тут пока разберёмся с вражеским лазутчиком, выясним, где он гулял последние два дня.

В пыльную глинобитную комнату с разбитым окном, выбранную под штаб, шумно дыша, уже вваливался Малыгин, взводный сапёров, приданных роте. После подрывов на минах и гибели солдат инженерно-сапёрного батальона, в котором он служил, у него сложилось своё отношение и к душманам, да и ко всем афганцам, которым он упорно не доверял. Малыгин молча привалился к притолоке и ждал указаний.

- Есть взводу привал!

- Разберёмся, допросим, а сапёр мне как раз и поможет, - ротный оглянулся на дверной проём, на Малыгина, - да, сапёр?

Тот молча кивнул в ответ и недобро взглянул на пленного.

- Худайдодов! – ротный крикнул в окно, за которым в тенёчке, привалившись вещмешками к стене дувала, прикрыв глаза, лежали солдаты группы управления. – Сюда, сучонок! Быстро!

На узкой кривой лестнице раздался стук тяжелых шагов, и вот ленивый, неопрятный солдат с упрощённым выражением лица застыл на пороге, пытаясь приложить руку к панаме.

- Худайдодов, сколько раз говорил не прикладывать руку к панаме за пределами полка. Будешь переводить, понял? И смотри, не дай бог, наврёшь, уши узлом завяжу.

Солдат на всякий случай напрягся, его лицо ещё больше упростилось: кто его знает этого Быка, вдруг, и правда, завяжет, он и здоровый, и без тормозов. Свиридов, собрав морщины на лбу, продолжал разыгрывать свой жестокий спектакль. По закону жанра обстановка в нём должна была постоянно нагнетаться. Для Худайдодова после родного кишлака в горах и учебного центра в узбекской пустыне третьей и крайней точкой в жизни была война. Побывать хотя бы на одном настоящем спектакле ему так и не пришлось, этот был первый. Он переводил вопросы ротного неумело, неточно, что-то бубнил, прожёвывая, недоговаривая слова, иногда не понимая афганца и не задумываясь о том, что последует дальше. Ещё хуже ему давался обратный перевод на русский.

- Товаш капитан, он ничего не знает.

- Всё он знает, - ротный зло ударил афганца ногой. – Ещё раз спроси, где скрываются духи, где его банда?

И Худайдодов, и пленный были таджиками, но солдата судьба афганского таджика никак не беспокоила.

Пока шёл допрос, Платов, устроившись на разбитом ящике в соседней комнате и вытянув оттоптанную с утра ногу, прямо из банки ел гречневую кашу, подогретую его бойцами на костре. Разговор за стеной постепенно переходил на крик и рычание, Свиридов устрасал афганца, бросая ему в лицо непередаваемые ругательства, обдавал несвежим дыханием – закон жанра продолжал работать. Голос Малыгина не был слышан. Потом замолчали и остальные, ненадолго установилась тишина, нарушаемая хрустом и шарканьем тяжёлых шагов.

- Упёртый, бля... Ну и напрасно. Могли быть варианты. Кончай его.

Дробно щёлкнул затвор. Ударил короткая очередь. Се-

кундой позже Платов бросился в расстрельную комнату. Навстречу, чуть не сбив его с ног, вылетел с огромными испуганными глазами солдат Худайдодов, споткнулся о порог и с грохотом провалился в тёмную щель лестничного пролета. Взводный сапёров Малыгин держал автомат стволом вниз, всё ещё направленный на вздрагивающее тело афганца. В жуткой мгновенной тишине были слышны хрипы пробитых лёгких и бульканье уходящей крови.

- Жив, сучонок, - констатировал Свиридов.

Длинная очередь подбросила ватное тело, горячие гильзы ударили в грудь Платова, кислый запах пороха уже не был запахом далеких сибирских полигонов.

- А нах... он нужен. Ничего не знает, - оскалился Свиридов на своего взводного. – Слышь, Платов, армянское радио спрашивает: зачем надо знать военную тайну? Само и отвечает: чтобы было, что сказать на допросе. Как в воду смотрели.

- Олег... Зачем?

Слов не было, мыслей не было, не было даже эмоций, только этот обжигающий, пульсирующий вопрос. И ещё смутное ощущение, что всем кроме него, Платова, известен правильный ответ.

- Кто нас только не убивал, Ваня, - волчий взгляд Малыгина пронизывал насквозь. – Война, мать её... А что ты хотел? Они – нас, мы – их. Всё просто. Вот и не усложняй.

На лице Платова отражался сумбур переживаний, оно было открытой книгой с тем же единственным вопросом, с долгим многоточием – и Свиридов осёкся, придержал свой уличный хулиганский восторг, с трудом втиснув себя в образ строгого ротного командира.

- Добивай кашу, и выдвигаемся. А это... потом обсудим. На войне, как на войне, сам понимаешь.

Впереди был долгий день, и с кашей, остывшей и потерявшей всякий вкус, надо было справляться – она казалась съедобной. Платов с остервенением размалывал её зубами, глотал полусухие комки и не давился. Солдат должен быть сыт и готов к действию, тем более боевой офицер, а изорванный пуля-

ми труп врага с исходившей от него слащавой вонью не повод отказываться от еды, надо набираться сил... Вернулись мысли... *«Что за допрос? Узнать, как зовут, откуда родом, кто родители, есть ли семья, дети – вот, что надо было сделать, зацепить за живое. Подготовить к главным вопросам. В конце концов, дать помолиться и выстрелить над головой. Заговорил бы. А так, всё по Малыгину – око за око. И без результата. Чёрт, это я его сюда привел...»* По большому счёту афганца было не жаль, всего за месяц это чувство изрядно потускнело. Лейтенант не видел его огромных зрачков, тот не кричал, не бился в истерике, ни о чём не просил. Это был не тот случай, о котором говорил Стрелец, но почему-то с первых же минут хотелось стереть его из памяти. Стереть навсегда.

Ближе к вечеру оседлали очередной хребет и пошли по нему вверх, удаляясь от Санги Хана. Лёгкие опять дышали, как кузнечные меха, сжигали адреналин, помогая забыть чертовщину уходящего дня. На ночном привале рядом с Платовым присел Свиридов. Теперь он был готов сделать командирское внушение.

- Закурим, Платов? – он неловко покусал губы, словно выстраивая подходящее выражение лица. – Что там у тебя?

- «Ростов» подойдёт?

- Давай, - ротный помял в толстых пальцах сигарету. – Не бери близко к сердцу... Не мы это придумали. Душман оказался сотрудничать – пришлось его ликвидировать. Вот и вся логика для отчёта. Можно добавить лирики: стойко держался. И что с ним делать, если он ни в чём не признаётся, с собой таскать? Отпустить нельзя – сдаст, отработает, как разведчик, и сдаст или в спину выстрелит. Тебе уже стреляли, не забыл? А на закате, как обычно, жди засаду. Я понятно излагаю?

- Понятно, товарищ капитан, что ж тут не понять.

- На прошлой неделе в этом районе, севернее по ущелью, духи расстреляли батальон у соседей. Это была местная банда (местная!), усиленная кое-какими легионерами. Теперь спроси себя – этот душок там был? Попробуй ответить правильно, не ошибись... Мы никого не должны прощать. Он убивал наших

ребят, это точно. Он знал, за что мы его кончим, всё по заслугам, всё по делам, потому и молчал. Ну что ж, умер, как мужчина, - закончив убедительный монолог, Свиридов вперил взгляд в Платова в ожидании ответа.

- Да мне без разницы, товарищ капитан, - Платовым вдруг овладела злость – странным образом выходило, что ротный, прямолинейный и недалёкий, оказался прав, - убейте всех, кого поймаете, только моих бойцов в это дело не впрягайте, мне за них отвечать. Договорились?

- Ладно, как скажешь, по рукам. Но ты не заводишь так скоро, с полуоборота, ты вникай в ситуацию, ты вникай.

Да, командир роты был прав. Он создавал подразделение, которое могло бы выполнить любую задачу, исходя из любых обстоятельств, в том числе и тех, о которых не принято распространяться. Кто знает, какими будут эти задачи? Всё только начинается. Важно, чтобы никто не выстрелил в спину, да и не сдал тупо, когда припрут обстоятельства или родная военная прокуратура. Все должны быть повязаны и не только интернациональной идеей, но и чем-то покрепче. Война – это серьезно, это не для слабонервных. А взводный, что взводный? Обычная реакция обычного человека.

- Наверное, хотели узнать мои планы на будущее? – Платов ухмыльнулся. – Докладываю. Доберусь до койки – дёрну самогонокки и сутки буду спать.

- Ха-ха-ха, - Свиридов благожелательно похлопал его по плечу. – Вот это правильно, вот это по-нашему, только кто ж тебе даст целые сутки?

- Так и знал, заждёте.

После проведённой психологической работы ротный, наконец, отстал. День заканчивался, это был чудесный майский день, почти без войны. Недалеко журчал горный ручей, с близких ледников тянуло вечерней свежестью. Что в итоге? Снова простые числа. Минус один – минус одна человеческая жизнь.

МИХАИЛ ГРИШИН

Опасное лето

Фрагмент из киноповести

Девчонки только успели задремать, как уже пора было просыпаться и собираться на занятия.

- Эй, сони, подъём! - разбудил их голос в коридоре, сопровождавшийся громким стуком в дверь.

Софка разомкнула тяжёлые веки, взглянула на электронный будильник.

- Ну, Валюха, - зычно заорала она, - я тебя убью! Ещё пять минут осталось!

Галка, не открывая глаз, поморщилась и сунула голову под подушку, отсекая все звуки. Аня с протяжным всхлипом вздохнула, повернулась на бок, вновь мирно засопела. На её щеках были заметны подсохшие дорожки от слёз.

Михаил Анатольевич Гришин - прозаик, сценарист, журналист. Автор романов «Вкус мести», «Паутина», сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», повестей-сказок из серии «Приключения Витьки Картошкина», публикаций в журналах «Подъём», «Север», «Костёр», «Автопилот». Участвовал в телевизионных проектах, писал сценарии для сериала «Особый случай», автор сценария восьмисерийного телефильма «Облака, испачканные пылью». Дипломант Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого. Член Союза писателей России.

Софка через силу стянула с себя одеяло, полежала, и вдруг задрав свои толстые ноги, стала быстро делать движения, будто ехала на велосипеде. Потом энергично помахала руками в разные стороны. Получив минутный заряд бодрости, она решительно вскочила с кровати, подхватила полотенце и убежала в ванную приводить себя в порядок. Вернулась она гладко причёсанная и окончательно посвежевшая.

- Доброе утро, страна! - весело крикнула Софка от переизбытка чувств. - Начинаем утреннюю гимнастику! Впрочем, которую я уже сделала! А вот кое-кто другие забили на неё по полной... А ну, подъём, клуши сонные! - она поднесла руки ко рту, будто держала пионерский горн, и голосисто пропела: - Та-та-та! Тага-а!

- Да замолчишь ты, наконец? - сердито отозвалась Галка и, понимая, что всё равно уже не заснуть, кинула в неё подушкой.

Ловко поймав подушку, Софка с таким решительным видом ею замахнулась в ответ, что Галка посчитала лучшим не связываться.

- Всё, всё, - торопливо проговорила она, выставив перед собой руки, - встаю, встаю!

Софка с победной улыбкой вернула подушку на место и занялась Аней.

- Как самочувствие нашей красавицы? - осведомилась она, осторожно наклонившись над спящей подругой. Галка усмехнулась. Софка недобро на неё покосилась, но промолчала.

- Ива, - обратилась она опять к близкой подруге, - вставать пора. На занятия надо идти.

Аня наконец проглянула.

- Да, конечно, - едва слышно произнесла она, глядя в потолок. - Уже встаю.

- Молодец! - одобрительно заметила Софка и ушла за модельные занавески переодеваться, односложно напевая: - Нас не догонишь!.. Нас не догонишь!..

Галка, на дух не переносившая с утра холодной воды, достала из прикроватной тумбочки салфетки, густо пропитанные

каким-то пахучим веществом. Взяв одну, она тщательно протёрла помятое лицо, освежая его после проведённого в бесконечных разговорах рассвета. Потом, глядясь в зеркальце, принялась подводить брови, ресницы. Округлив рот, подкрасила губы.

Появилась Софка, непонятно, с какой радости напялившая на свои сдобные телеса тесную короткую юбку, выставив напоказ бледные лодыжки с едва намечавшимися признаками целлюлита. Крутнувшись посреди комнаты, она поинтересовалась:

- Ну, как я вам?

- Сойдёт для сельской местности, - съязвила Галка, мельком взглянув в её сторону.

- Ой-ё-ёй, - пропела недовольным голосом Софка. - Понимала бы ты чего...

Она перевела взгляд на Аню, ожидая хоть от неё услышать слова поддержки. Но Аня даже не шелохнулась. Софка подошла и помахала ладонью у неё перед лицом. Аня не отреагировала.

- Ну ты, мать, даёшь! - поразилась Софка её умению спать с открытыми глазами. - Я просто в отпаде!

Она стала тормошить её:

- Вставай, подруга! Кончай раскисать!

С вялым интересом наблюдая за ними, Галка сказала:

- Да оставь ты человека в покое. Не видишь, страдает.

- Увянь! - грубо оборвала её Софка. - Без тебя как-нибудь!

Вымученно улыбнувшись, Аня тихо попросила:

- Девочки, не ругайтесь, пожалуйста...

- Не будем, - заверила её Софка. - А ты вставай.

Зная Софкин настырный характер, Аня вздохнула и обречённо стала подниматься.

С рюкзаком за плечами Костик подходил к школе, когда увидел, как из черной иномарки выпорхнула Настёна Графская. Он так стремительно метнулся к стене, которая ограждала школьный двор, что едва не повалил мирно шагавшего на уроки первоклашку. Удержав его за шиворот, и при этом на ходу успев дать подзатыльник, Костик злобно зашипел, вжимаясь в спасительную стену:

- Чего встал? Ну-ка вали отсюда! Вали, кому сказал!

С вытаращенными от изумления глазами первоклашка заторопился прочь, то и дело оглядываясь.

Вихляющей походкой прошла и Настёна, на прощание помахав отцу.

Осторожно выглядывая между просветами в узорчатой кирпичной кладке, Костик напряженно ждал, пока Настёна отойдет на приличное расстояние и можно будет незамеченным пробраться в класс.

Во дворе в ожидании начала уроков тусовались разномастные компании школьников. Старшие ребята в открытую курили, время от времени отпуская матерком. Возле них крутилась пацанва помоложе, которые во избежание скандала, когда вызов родителей в школу становится неизбежным, дымили не так наглядно. Девчонки, как всегда, трепались о нарядах, в очередной раз обсуждая предстоящий выпускной бал. Лишь очкастая Люська зубрила: заглядывала в учебник, захлопывала и, закатив близорукие глаза под лоб, неистово шептала, будто молилась. Две пухлые девчушки из младших классов, стоя друг против друга, соревновались в надувании жвачных розовых шаров, пока они не лопнули, заляпав клейкой массой им по пол-лица. С визгом носилась мелюзга, затеяв дурацкую игру в «поймай и надери уши». Не переставая, ныли мобильные телефоны, жалуясь на своих хозяев, одержимых скачиванием рингтонов.

Неожиданно в эту разноголосицу ворвался сердитый голос завуча Эльвиры Викторовны - женщины немолодой со следами увядающей красоты, которую и сейчас она тщетно пы-

талась сохранить: красила волосы в рыжий цвет, подкрашивала губы с жесткими морщинами по углам, густо пудрила дряблую шею. Между собой школьники называли ее не иначе как Мамзель, или просто Эльвира.

- Графская, эт-то что такое?

К ней спешили Мамзель и охранник в черной униформе. Высокая старомодная прическа Эльвиры подрагивала в такт ее быстрым шагам.

- Графская!

Совсем уж раздраженный окрик заставил Настёну остановиться. Она демонстративно тяжело вздохнула и закатила глаза. Мамзель смерила ее суровым взглядом.

- Это что такое? - повторила она, тяжело дыша.

Настёна невозмутимо, даже с интересом, оглядела свой вызывающе легкомысленный наряд: короткий облегающий топик, под которым заметно выделялись соски, оголенный живот с пирсингом в пупке, порванные по моде джинсы, чудом державшиеся на бедрах, и в довершение ко всему - яркая миниатюрная сумочка.

- А что здесь такого? - пожала плечами Настёна. - Подумаешь?

- Вот именно, Графская, - нравоучительно заметила Мамзель, - не мешало бы иногда думать, прежде чем идти в школу в таком, - она поморщилась, - наряде.

- А кого вообще-то колышет мой прикид? - воинственно спросила Настёна.

- Твой прикид никого не колышет. Только, к твоему сожалению, здесь не дом терпимости, а учебное заведение.

- Ага, еще скажите - храм науки.

Холодно глядя в ее лицо, Мамзель угрожающе сказала:

- Не надо ёрничать.

- А кто ёрничает? - привычно огрызнулась Настёна.

Тут, на свою беду, в разговор влез охранник - отставной военный, который все это время неодобрительно поглядывал на Настёну. Он резко сказал:

- Они сейчас такие... Они сейчас все грамотные... Им

сейчас палец в рот не клади - отгрызут и не заметят. Зверьки настоящие. Жаль, что баб в армию не берут. Я бы из нее дурь там вмиг выбил. Не таких гоблинов обламывал.

Настёна презрительно усмехнулась:

- Случайно не вы Сычева обломали?

- Какого Сычева? - опешил охранник.

- Того самого... У которого ноги отрезали после издевательств в армии.

Охранник аж задохнулся от возмущения:

- Да я...я всю свою жизнь служению Родине посвятил. Я до подполковника дослужился. У меня одних благодарностей от командования восемь штук. И медали есть...

- Ты что такое говоришь? - ужаснулась Мамзель. - Как можно так бесцеремонно оговаривать уважаемого человека?! Иван Игнатьевич, как он справедливо заметил, всю свою сознательную жизнь посвятил защите нашей прекрасной Родины...

Настёна скучала, задрав голову в небо, будто считала проплывающие над ней облака.

Насупленный охранник пристально смотрел на нее, играя желваками.

- Иван Игнатьевич защищал даже таких, как ты... Лишь бы вы учились... растили детей... жили счастливо... А вы... вы... вы просто неблагодарное поколение, которому на все наплевать...

Настёна, видно что-то задумав, натянула короткую майку на живот, кое-как заправив ее в джинсы, и вдруг совершенно переменив тон, кротко спросила:

- Эльвира Викторовна, я могу идти?

Мамзель осеклась, удивленно уставившись на Настёну.

- Ступай! - махнула она рукой, немного озадаченная.

Настёна незаметно с облегчением вздохнула и направилась к своей компании. Нравоучения закончились.

Но едва Мамзель с охранником отвернулись, Настёна привела себя в прежний вид.

Из компании девчонок, которые все это время с интересом наблюдали за происходящим, кто-то крикнул:

- Их сиятельство Графиня!

Настёна на ходу поправила стесненные топицом груди, придав им объемность, и царственно подошла к девчонкам. Ее встретили ликующими воплями.

Костик немного постоял, сосредоточенно о чем-то раздумывая, потом повернулся и решительно зашагал в противоположную от школы сторону.

* * *

Аня, Софка и Галка вышли из дверей общежития в белых халатах, держа под мышками учебники. Старинное здание из красного кирпича, в котором размещался медицинский колледж, находилось в нескольких шагах от общежития. А вот сам вход в него был устроен таким образом, что приходилось пройти вдоль всего здания, прежде чем в него попасть. Одним словом, на другом конце.

- И когда они только подземный переход доделают, - привычно возмутилась Софка, озвучив общую мысль.

- Доделают, - ухмыльнулась Галка. - Когда рак на горе свистнет, а мы колледж окончим.

У парадного входа стояли несколько девчонок также в белых халатах и, не стесняясь прохожих, курили.

- Совсем оборзели первокурсники, - опять возмутилась Софка.

Она вырвала сигарету у одной из девчонок, на ходу пару раз затянулась и тут же выбросила её в урну.

- Ты чего? - опешила девчонка от подобной наглости.

- Курить - здоровью вредить, - через плечо обронила Софка. - Первый раз слышишь?

- А сама? - неприязненно заметила девчонка.

Софка, не оборачиваясь, молча показала ей средний палец. В аудитории было многолюдно, стоял шум.

- Салют, коллеги! - громко поприветствовала всех Софка.

- Привет... Салют... Хай... - вразной ответили коллеги.

Довольно полный парень с лоснящимися тугими щека-

ми, больше похожий на учащегося кулинарного училища, чем на студента медицинского колледжа, дурачась, склонился в поклоне:

- Моё почтение будущим светилам медицины.

- Кто бы сомневался, - сходу отреагировала Софка.

Парень хитрыми глазами-буравчиками оглядел всю троицу. Остановив свой взгляд на Ане, которая без интереса прислушивалась к их трёпу, он торжествующе воскликнул:

- А вот Ива сомневается в своём предназначении!

- Отва-али, - отшила его Совка. - Ей сейчас не до тебя-а.

- Да я это уже понял, - не стал спорить толстяк. - Просто тут ей пакет какой-то передали.

Он суетливо достал из своего стола газетный свёрток:

- Во, видели?

- Какой ещё такой пакет? - насторожилась Софка и, протянув руку, грозно потребовал: - А-ну, дай сюда.

- Не имею права, - замотал головой парень и даже прижал свёрток к своей пухлой груди. - Сказали, передать лично в руки Анне Борисовне.

- Да ладно? - не поверила Софка.

- Вот тебе и ладно, - как-то поучительно сказал парень и передал свёрток Ане. - Держи.

Все, разом замолчав, выжидающе уставились на счастливую сокурсницу.

Аня чуть приподняла брови, пытаясь понять, чего от неё ждут.

- Давай, давай, разворачивай, - нетерпеливо потребовал толстяк. - Не томи.

В гробовой тишине Аня медленно развернула свёрток, тотчас вскрикнула и выронила его из рук.

На стол упала окровавленная отрезанная человеческая кисть.

Даже славившаяся отчаянным характером Софка, внимательно следившая за Аней, и та непроизвольно отшатнулась. Чего уж говорить об остальных, которые подняли такой визг, что впору затыкать уши.

Довольный произведённым эффектом толстяк захохотал.

- Эх вы, медики! - ликовал он, вытирая выступившие от смеха слёзы.

При ближайшем рассмотрении кисть оказалось вовсе и не настоящей кистью, а умело изготовленным учебным наглядным пособием: под отсутствующей кожей ясно виднелись красное мясо, мышцы, голубые вены и даже сама жёлтая кость.

- Какая мерзость, - Галка пренебрежительно скривилась и двумя пальчиками брезгливо сбросила кисть со стола на пол.

На радостях, что все так легко поддались на шутку, толстяк поделился:

- А вместо крови я использовал самый обычный соус для шашлыка!

И в подтверждении своих слов он с нарочитой тщательностью облизал газету, причмокивая от удовольствия, как настоящий вампир.

- Заколебал ты своими шутками, Ёрик! - заорала опомнившаяся Софка, схватила кисть и, размахивая ею, как дубиной, бросилась за весёлым парнем. - Убью! Кровосос!

Скача по стульям, столам, будто австралийский кенгуру, парень, оправдываясь, выкрикивал:

- Через неделю Ива будет проходить практику в операционной!.. Надо же ей когда-то привыкать к виду всего этого дерьма!..

* * *

Глубоко засунув руки в карманы брюк, Костик бесцельно слонялся по городу. Жмурясь на водную гладь, сверкавшую на солнце, постоял возле пруда, где безбоязненно плавали дикие утки. Неизвестно, чем приглянулось им многолюдное место, но утки с завидным постоянством возвращались в заросший травой пруд. В воде отражались пухлые, похожие на вату облака.

Наискосок от главпочтамта, через дорогу, внимание Костика привлекли женщины в синих забрызганных краской комбинезонах и не менее заляпанных косынках. Они стояли на

лесам и размеренно водили кистями вверх и вниз - красили фасад старинного здания в желтый цвет. Их суконные брюки были наполнены огромными подвижными ягодицами. Нимало не забываясь о том, что подумают о них прохожие, женщины громко разговаривали:

- Люськ, а Люськ, ну а дальше-то что было? - спросила одна из женщин, самая пожилая из них, наверное, бригадирша.

- А что дальше? - ответила курносая, но довольно-таки симпатичная Люська. - У них там, в ткацком, одни бабы. Представляете себе?

- Одних баб представляем! - задорно крикнула молодая женщина с глазами, крашеными так густо, что издали можно было принять их за синяки. - Вот одних мужиков не представляем.

И все радостно с готовностью рассмеялись.

- Причём большинство из них не замужем, - продолжала рассказывать Люська. - А Толика моего вы видели. Мужик собой видный, веселый, умный. Не скажу, что изменяет, всегда дома ночует...

- Ну а раз ночует дома, чего это ты сразу в панику вдарилась? - перебив, резонно спросила четвертая женщина.

- Он частенько с работы задерживается. Часа на дватри, - пояснила Люська. - У них в цехе постоянно у кого-то день рождения, и все проставляются. А я как представляю, как он с кем-то крутит любовь, так аж с ума схожу.

- Так поговорила бы с ним, - опять подала голос четвертая.

- Говорила. А он только смеётся и глупой меня обзывает.

- Может, он и правда ни с кем шашни не крутит? - предположила пожилая.

- Может, и не крутит, - ответила Люська. - Только на душе у меня всё равно как-то беспокойно...

- Любишь, наверное? - вздохнула пожилая.

- Люблю, - призналась Люська и вдруг сказала то, что от нее никак не ожидали: - Уж так люблю, что любую сучку своими руками из-за него удавила бы!

- Неужели правда удавила бы? - не поверили ей.

- И рука не дрогнет! - решительно заявила Люська.

- Да выпроводи ты его к чертовой матери! - с безмятежным удовольствием посоветовала крашенная. - И дело с концом!

Пожилая укоризненно покачала головой:

- Это ты так говоришь, потому что у самой мужа нет.

- А зачем мне муж?! - беспечно фыркнула крашенная. - Стоит мне только поманить пальцем, и вот они... штабелями у моих ног валяются!

Тут она заметила Костика.

- Эй, ухажёр! - смешливо отреагировала крашенная. - Влезай сюда! Поможешь одинокой женщине время скоротать!

Костик резко повернулся и торопливо пошел прочь, то и дело оглядываясь.

- Эй, куда же ты? - закричали и захохотали женщины.

У стадиона, где толпились безбилетные поклонники футбола, Костик немного поболел за своих, глядя на зеленое поле между металлическими прутьями. А когда один из футболистов вырвался вперед, пиная перед собой мяч, у Костика аж побелели суставы пальцев - так он крепко вцепился в прутья. И хотя ноги спортсмена на самом деле двигались с такой невероятной скоростью, что можно было подумать будто у него не одна пара ног, как у обычных людей, а, по крайней мере, не менее двух, Костикку странным было видеть все это как в замедленной съемке - во весь экран крепкие мускулистые ноги в ошипованных бутцах поочередно мнут искусственный газон. Парень вышел один на один с вратарем, ловко провел обманный финт, после которого вратарь позорно растянулся на газоне и с сокрушительной силой послал мяч в ворота.

Рёв десяток тысяч глоток был подобен шторму.

- Го-о-ол!

Виновник торжества на ходу сорвал с себя майку и, вращая её, как палицу, побежал по полю. Его догнали одноклубники, и через минуту на поле образовалась куча-мала.

В порыве радости незнакомый парень хлопнул Костика по плечу, у самого уха проорав:

- Мы это сделали, чувак!

Глядя исподлобья на бесновавшихся болельщиков, Ко-

стик выбрался из пёстрой толпы, вытянул за собой рюкзак и, устраивая его за спиной, пошел от стадиона. Позади еще долго не смолкал ликующий шум. Со счетом 1:0 вела местная команда.

* * *

На аллее Славы было не многолюдно. Молодой негр, типичный африканец в яркой рубашке навывпуск, весь в ожерельях фотографировался у гранитной стелы с выбитой на ней потускневшей позолоченной надписью «Никто не забыт, ничто не забыто». У основания, где располагалась звезда, в центре которой раньше горел вечный огонь, а теперь чернела многолетняя копоть, лежали увядшие гвоздики.

- Почему нет агонь? - спросил он на плохом русском.

Его светлая подружка пренебрежительно отмахнулась, протянув:

- А-а... Его зажигают сейчас только на большие праздники. Бабла нет.

- Как? - не понял парень.

- Мани.

Негр ухмыльнулся и деловито, будто охотник на поверженного льва, водрузил ногу на звезду.

- Супер! - воскликнула девчонка и было нацелила на него фотоаппарат, как вдруг раздалось оглушительное:

- Уроды!

Девчонка тревожно оглянулась.

К ним на инвалидной коляске быстро приближался парень в голубом десантном тельнике. Защитного цвета брюки у него были обрезаны ровно по культям и с изнанки зашиты.

- Ногу убрал! - заорал он на остолбеневшего негра. - Быстро!

Африканец с такой поспешностью принял ногу со звезды, будто его ударило током.

-Скинхед!-прошепталонспотеннымужасом.-Скинхед!

Коляска сходу ударилась в гранитную плиту, едва не опрокинувшись.

Безобразно разевая перекошенный злобой рот, инвалид-десантник орал, брызгая вокруг теплой слюной:

- Ты что, морда черномазая, делаешь?! А? Обезьяна ходячая! Ты на кого свою волосатую ногу задираешь? Тварь мокрогубая!

Видно было: доберись он до негра, и тому было бы несдобровать.

Девчонка заслонила собой африканца.

-Тебечегонадо?-угрюмоспросилаона.-Мытебятрогали?

Но парень, кажется, не слышал обращенных к нему слов, его заметно трясло:

- А-ну пошли отсюда.

Негр, благоразумно отступая, потянул за собой девчонку.

- Пусть он убирается из моего города в свои сраные джунгли! - потребовал парень.

- Ты не очень тут, - огрызнулась девчонка. - Видали мы таких!

- Ах ты, сучка!

Парень сорвал голос и трескуче закашлялся, складываясь в коляске пополам.

Прежде чем свернуть за угол, девчонка издали покрутила пальцем у виска, крикнула:

- Лечиться надо, придурок!

Парень в бессильной ярости плюнул в ее сторону и с ожесточением одним мощным движением рук развернулся на месте. Костик во все глаза смотрел на него. Парень откинулся в коляске, играя желваками. На вид он был не намного старше Костика. Вот только лицо его - загорелое, обветренное, как бывает у человека, которому долгое время приходится находиться под открытым небом, было обезображено шрамом. Под его немигающим взглядом Костик отвел глаза в сторону. Постоял, не зная, что делать, и нерешительно двинулся дальше.

- Стоять! - приказал парень.

Костик вздрогнул от окрика и съежился.

- Не бойся! - услышал он. - Ты пацан нормальный.

Костик провел языком по пересохшим губам. И вдруг

парень совершенно спокойным глухим голосом попросил:

- Слышь, пацан, сходи за водкой.

Костик растерянно оглянулся. Парень протягивал ему скомканные бумажные деньги. Отказать инвалиду без ног, к тому же находящемуся не в духе, Костик не осмелился.

На стеклянных дверях магазина висела табличка, гласившая, что продажа спиртных напитков разрешена только лицам, достигшим восемнадцати лет. Костик прочитал её, вздохнул, отошёл в сторонку и с видом, что кого-то ждёт, стал поглядывать по сторонам.

- Дяденька, - жалобным голосом попросил Костик проходившего мимо мужчину с портфелем, - купите мне, пожалуйста, водки.

Мельком взглянув на него, мужчина с усмешкой обронил:

- Молоко ещё на губах не обсохло!

- Я не себе, - покраснел Костик.

- Знаю, как не себе, - не поверил мужчина.

- Друг у меня из армии вернулся, - попробовал объяснить ему Костик.

- А чего же он сам не пришёл? - въедливо допытывался мужик.

- Он это... - Костик помялся, потом мучительно выдал, - без ног...

- Инвалид что ль?

- Десантник.

- Ну и врать ты здоров, парень, - покачал головой мужчина и ушёл.

Костик понуро вернулся на место высматривать более сговорчивого человека.

Увидев старушку, которая ему показалась добрее прочих, Костик застенчиво попросил:

- Бабушка, купите мне, пожалуйста, бутылку водки.

- Не рано пить-то? - поинтересовалась старушка.

- Это отцу, - сгорая от стыда, соврал Костик.

Парень имел скромный вид, и старушка поверила.

- Сильно пьёт? - участливо спросила она.

Костик с готовностью кивнул.

- Ну, давай свои деньги, - сказала доверчивая старушка.

Руки у десантника хоть и были тренированные, управлять коляской на выщербленной дорожке, которая к тому же вела вверх по аллее, ему приходилось, подавшись вперед всем туловищем, напрягая мышцы. При этом синий парашютист на левом плече шевелился, будто живой. Между лопаток на тельнике расплывалось мокрое от пота пятно. Он угрюмо курил, держа сигарету в зубах.

Костик шел, чуть приотстав, воровато стреляя глазами по сторонам, стесняясь соседства с инвалидом.

У фонаря, сделанного под старинный светильник, парень остановился.

- Пузырь доставай, - потребовал он.

В упор глядя, как Костик долго возится с рюкзаком, парень от нетерпения жевал сигарету. Наконец Костик справился с заевшей молнией и протянул ему водку. Выплюнув сигарету, парень тотчас жадно присосался к бутылке, сказав:

- Десантура, вперед!

Болезненно морщась, словно надкусил яблоко-кислицу, Костик наблюдал, как его острый кадык ползает вверх-вниз. Опорожнив бутылку наполовину, парень вытер пятерней губы и протянул ее Костику.

- Пей!

- Я не пью, - смутился он.

- Больной что ль?

- Просто... не хочу.

- Бре-е-езгуешь?! - догадался парень.

Костик отрицательно замотал головой.

- Тогда пей!

Парень пристально смотрел на него из-под тяжелых век, в одно мгновение вдруг ставшими холодными колючими глазами.

Костик растерянно оглянулся: немногочисленные посетители парка проходили мимо, равнодушно скользнув по ним взглядом, пестрая компания подростков располагалась на скамейке, вызываясь забравшись на нее с ногами, бабушки - бо-

жьи одуванчики, выгуливали своих непослушных внучат. Молодая девчонка на виду у всех невозмутимо курила, элегантно отставив мизинчик. Она мельком глянула на Костика и отвернулась, пуская дымные колечки в небо.

Костик нерешительно взял бутылку, сделал большой глоток. Горло перехватило удушье. Вылупив глаза, он стал ртом хватать воздух.

- Ништяк, братан! - оживился парень. - Это по-нашему. Тебя как звать-то?

- Ко... Ко... Ко... Кос-с-тик...

- Костян значит, - по-своему перевел парень. - А меня Лёвка. Лёвка-снайпер. Держи краба.

Костик вцепился в его руку, будто в спасательный круг. Он как-то быстро опьянел. Громко икнув, спросил:

- А ты зачем на негра-то наорал? Иностранец всё ж...

- А мне насрать, кто он, - грубо ответил Лёвка - снайпер.

- Люди на войне погибли, им память... а он, сволочь, ногой.

- Так ведь давно не горит, - заикнулся Костик.

- А мне плевать, что не горит! - Лёвка-снайпер поднял на него остекленевшие глаза. - Я чу! Понял?

- Понял, - отвернулся Костик.

- Ты не отворачивайся, ты в глаза смотри!

- Понял, - сказал Костик, взглянув на него.

- То-то же, - успокоился Лёвка-снайпер, отнял бутылку и выпил ещё. - Мы в детстве с матерью сюда приходили салют смотреть. А она, когда замуж за отца выходила, цветы на этот постамент приносила... Только отца я совсем не помню, одну мать. А теперь и она только в моей памяти живёт. Потому как умерла моя мама. Из-за меня, уroda, понимаешь? Сердце не выдержало страданий. А я вот живу. Но тебе про это знать не обязательно.

Больше Лёвка-снайпер Костика водки не предлагал, пил сам, часто запрокидывая голову и неряшливо проливая на подбородок.

- У нас вся рота полегла... Сотня пацанов против двух тысяч «чехов»... Это как? А он ногой на память. Дать бы ему в

рожу, чтобы красными соплями умылся... червь.

Изрядно уже поднабравшись, Лёвка-снайпер говорил всё медленнее, язык у него заплетался, речь становилась невнятной. Скоро он так с недопитой бутылкой в руке и уснул, печально свесив голову на грудь.

Костик побыл ещё какое-то время и, видя, что новый знакомый просыпаться не собирается, пошел прочь, заметно покачиваясь и часто оглядываясь.

* * *

Пронзительный звонок, который слышен был даже на улице, оповестил об окончании занятий. Из тяжёлых старинных дверей медицинского колледжа хлынула возбуждённая толпа студентов. За зиму им до того надоело находиться внутри угрюмого толстостенного помещения, где круглогодично стоял тусклый свет из-за ещё допотопных окон с замазкой, что каждому хотелось быстрее оказаться на улице. Городские, отличавшиеся разнообразием в одежде, не задерживаясь, расходились в разные стороны. И только проживающие в общежитии, которые переодевались в своих комнатах, в белых халатах направлялись в одну сторону.

Жизнерадостный толстяк, выкинувший утром шутку с «отрезанной кистью», по всему видно, не мыслил свою жизнь без приключений и опять устроил переполох: упёрся руками в дверной проём, сдерживая толпу. Его напрасно пытались выпихнуть из дверей.

- Навалились! - командовал чей-то нетерпеливый девичий голос.

В ответ парень ещё сильнее вытаращивал глаза от натуги, отчего его толстощёкое лицо медленно, но неуклонно напыталось бурым цветом.

Неизвестно, как надолго хватило бы его сил сдерживать разъярённую толпу сокурсниц, если бы вновь не вмешалась Софка. Она, как тяжёлый танк, протиснулась к двери и стукнула

его сзади по голове учебниками.

- Ёрик, - закричала она, - опять ты тут со своими идиотскими шуточками!

- Ой, ой! - шутиливо завопил Ёрик и выскочил наружу под ликующие возгласы высыпавшей следом за ним толпы.

- У, кровопивец! - погрозила ему кулаком Софка. - Уж я до тебя доберусь!

Ёрик придал своему лицу напускную серьёзность, поднял руки и чётко отчеканил:

- Сдаюсь на милость победителя.

Софка отнеслась к сдаче противника снисходительно и брать в плен не стала.

- Ладно, живи пока, - великодушно разрешила она. - Пользуйся моей добротой... Временно.

- Я беременна! - сразу подхватил Ёрик. - Это временно! Я беременна! Это временно!

Подошли Аня с Галкой.

- Чего ты с дураком связалась, - сказала Галка, окинув кривлявшегося Ёрика пренебрежительным взглядом.

- Не такой уж он и дурак, - заступилась Софка, блеснув в его сторону смеющимися глазами.

- Запала что ль? - равнодушно поинтересовалась Галка.

- Ну, ты тоже скажешь, - неожиданно смутилась Софка. - Нужен он мне...

Галка была сосредоточена на чём-то своём и смущения, не свойственного отчаянной и безалаберной подруге, не заметила. А то тоже извела бы ее, как и Аню, насмешками. Потому что сама она выискивала жениха безмерно богатого, эдакого денежного мешка, и красивого, как Ален Делон. Ну, а если и не такого красавчика, то, по крайней мере, мужика денежного. Во всяком случае не такого пустомелю, как Ёрик.

- С этими придурками только жизнь свою портить, - привычно завелась Галка, которой пока не повезло встретиться с известным олигархом, а те, с кем она успела переспать, особо не торопились её озолотить, даря кое-что по мелочи. - Западёт такой на красивую тёлку, а у самого денег только на вонючий

беляш и накоплено. А такую, как я, длинноногую красавицу содержать надо в роскоши...

-... лелеять и холить! - подсказала Софка, наизусть выучив все её несбывшиеся мечты, и уже от себя добавила. - А также целовать в попу и пить воду, которой ты будешь каждый день мыть свои прекрасные-распрекрасные ноги.

Галка злобно зыркнула на неё из-под наращенных по последней моде ресниц:

- А даже если и так?!

- Кто ж против, - развела руками Софка. - Только что-то мне подсказывает, что с такой мыслью ты и состаришься. А то, глядишь, и копыта откинешь. Извиняюсь, свои прекрасные ножки.

Галка остановилась на дороге и с тупой ненавистью уставилась на Софку.

Настороженно поглядывая на Галку, чтобы успеть отразить нападение, если она вдруг отважится наброситься (что, впрочем, было маловероятно, потому что Галка очень сильно дорожила своей безупречно красивой внешностью и портить её по всяким пустякам в ближайшее время не собиралась), Софка извлекла откуда-то из-под халата пачку сигарет, достала одну себе, остальные протянула Галке:

- Закури, подруга. Остынь слеганца.

Помедлив, Галка двумя ноготками вытянула сигарету.

- Дай огоньку, - без прежней злости попросила она.

Изящно держа сигарету двумя пальчиками, Галка глубоко затянулась, округлила свои развратно-припухлые губы буквой «О» и выпустила дымное колечко.

- Полегчило? - участливо поинтересовалась Софка, не сводя с неё насмешливых глаз.

- Я и не заморачивалась особо, - совсем уже спокойно ответила Галка. - А вы о чём подумали?

Софка незаметно толкнула Аню в бок. Они переглянулись, и Софка так громогласно захохотала, что Аня тоже невольно улыбнулась.

- Вы чего? - Галка некоторое время переводила недоу-

мённый взгляд с одной на другую, а потом вдруг захохотала сама.

Всеми забытый Ёрик, стоявший в стороне и наблюдавший за подругами, разочарованно покрутил пальцем у виска, повернулся и ушёл, насвистывая и кривляясь по дороге.

* * *

Через какое-то время Костик обнаружил себя стоящим у общежития медицинского колледжа. С изумлением прочитав двоившуюся в глазах вывеску, он пьяно ухмыльнулся. Потом, покачиваясь, нагнулся, поднял камешек и неловко бросил в окно. Камешек попал в стену. И только третий или четвертый точно угодил в цель, отчего едва не пострадало стекло.

Окно тотчас распахнулось, и высунулась разъярённая Софка. Увидев внизу Аниного бывшего парня, она грубо спросила:

- Тебе чего надо?

- Аню пзви... - сказал Костик и громко икнул.

Софка впервые видела примерного Костика в таком состоянии и даже растерялась.

- Ты что... пьяный что ль? - вылупила она глаза.

- Аню пзви...

- Нет её! - резко ответила Софка. - И не будет!

- Пжлста...

- Говорю тебе, нет её! - выкрикнула, закипая, Софка, до последнего стоя на страже интересов своей подруги. - И вообще, вали отсюда!

Костик хотел что-то сказать, но к горлу вдруг подступила тошнота. Он едва успел сложиться напополам, как содержимое его желудка вывернуло наружу. Ещё не успев до конца проплеветься, Костик поспешно направил свои неуверенные шаги подальше от общежития, не желая в очередной раз претерпеть позор.

Острая на язык Софка, чтобы ещё больше унижить, крикнула:

- И не приходи больше! Ухажёр хренов!

И она со стуком захлопнула оконную створку. Но тут же быстро распахнула и злорадно выкрикнула:

- Она тебя не любит!

Створка опять с грохотом захлопнулась.

- Твой приходил, - не замедлила доложить Ане Софка. И, пылая праведным гневом, пообещала: - Пускай он только ещё раз сюда сунется, я ему прямо сама не знаю, что сделаю! Тоже мне, герой-любовник выискался!

Аня, которая всё это время молча сидела на кровати, с чрезмерным вниманием углубившись в раскрытую на коленях книгу, неожиданно всхлипнула, уронив книгу на пол.

- Ив, ты чего? - спросила недоумённо Софка.

Аня порывисто упала на кровать, отвернувшись к стене и, свернувшись калачиком, затихла, время от времени трогательно вздрагивая плечиками.

Галка бросила сочувственный взгляд на Аню, потом на Софку и недвусмысленно покрутила пальцем у виска: мол, думать надо, прежде чем свой язык распускать.

Галка собиралась на очередную охоту на богатеньких ухажёров и была разодета по всем правилам обольщения: короткая юбочка, из-под которой, если умело нагнуться, пикантно виднелся самый верх ажурных чулок, тесная маечка на тонких бретельках, подчёркивающая остро стоящие грудки и заметно торчащие соски. И в обязательном порядке - туфельки на высоченных каблуках. Как же без них.

Сообразив, что сгоряча действительно ляпнула не то, простодушная Софка неумело стала выправлять ситуацию, пылко заявив:

- А вообще, девчонки, если хотите знать, никакой любви и в помине нет. Ответственно вам заявляю. Трында это всё, а не любовь. Самая обыкновенная химия. Железно. Умные люди доказали. Дело в том, что химические вещества - альфа-меланоцит, окситоцин и окись азота, несущие возбуждение, в итоге добираются до глубин мозга и потихоньку начинают провоцировать выброс сексуальных гормонов, отвечающих за влечение...

- Ты сама-то поняла, что сказала? - вскинула на неё глаза

Галка, едва не выронив от изумления губную помаду.

- Чего тут не понятного, - пожалала плечами Софка. - Например, объятия стимулируют выработку гормона окситоцина, который усиливает взаимное влечение и выводит на прямую дорожку к сексуальной разрядке...

- Вот с этого места поподробнее, - заинтересовалась Галка.

Софка важно заложила руки за спину и, прохаживаясь по комнате, заговорила внушительным голосом, будто она была преподавателем по сексологии:

- Более того, именно окситоцин, сохраняясь в крови ещё долгое время, а именно двадцать три часа, вызывает желание заснуть в объятиях, в них же проснуться, а потом продолжить. Окситоцин связывает людей друг с другом. Иногда на всю жизнь.

- Это что ж получается, - задумчиво проговорила Галка, выслушав тираду, - чем больше я этого самого ок-си-то-ци-на выделю, тем быстрее захомотаю понравившегося мне мужика?

- Любого!

- На всю жизнь?

- На всю оставшуюся! - авторитетно подтвердила Софка.

- А ты не знаешь, как его выделить? - не на шутку заинтересовалась Галка. - Не буду же я на приглянувшегося мне мужика сразу на шею кидаться и целовать его до умопомрачения.

- Главное - его в постель затащить, - мечтательно проговорила Софка, страдавшая отсутствием внимания парней из-за своих пышных форм, - а уж там...

- Лабуда всё это! - неожиданно отвергла сомнительные доводы Галка. - Вечная проблема в том и состоит, чтоб после постели удержать мужика возле себя! А в кровать затащить, это мне раз плюнуть! Поняла? Так что все эти твои учёные - самые настоящие шарлатаны.

- Столь пренебрежительное отношение к мнению авторитетных учёных начитанную Софку возмутило до глубины души.

- Учёные тут не виноваты, - в резкой форме заявила она, - раз ты в постели мужика не можешь ублажить как надо! У них мозги получше твоих будут. Потому что они устроены по-другому. В отличие от твоих... пустопорожних. Учёные, они вон

сколько лет учатся без перерыва! Правда, Ива? - обратилась она за поддержкой к близкой подруге.

- Это я-то в постели не могу? - возмутилась Галка, которой эти слова показались обиднее всего. - Да я, если хочешь знать...

- Прекратите! - крикнула Аня, быстро повернулась и села в кровати, бросая испепеляющие взгляды на подруг. - Вас послушать, так это не любовь, а сплошной химфак!

- Это я не сама придумала, - торопливо оправдалась Софка. - Так написано в одной умной статье.

- А ты по меньше их читай... эти самые умные статьи, а больше уделяй практике насмешливо сказала Галка, намекая на отсутствие интереса к ней противоположного пола.

У Софки полное лицо пошло красными пятнами.

- Та-а-ак... Значит, ты вон как заговорила? Да я тебе сейчас всю морду попорчу так, что ни один бомж ввек не позарится! - она схватила первое, что подвернулось под руку - маникюрные ножницы со стола, и, выставив их перед собой, решительно двинулась на обидчицу.

- Дура что ль? - запаниковала Галка, резво выскакивая из комнаты.

- Да уж, во всяком случае, поумнее тебя буду! -огрызнулась Софка.

Галка торопливо захлопнула за собой дверь и подпёрла её задом, приготовившись сопротивляться до последнего. Потому что на высоких каблуках особо не разбежишься.

- Оставь её в покое, - попросила, остывая, Аня, которая за год совместного проживания уже успела привыкнуть к подобным сценам.

- А чего она? - не могла успокоиться Софка. - Вечно со своими дурацкими советами суётся!

Аня промолчала, глядя на Софку пустыми глазами и задумчиво покусывая губы.

- Эй, ты чего? - с тревогой спросила Софка, заглядывая в её глаза.

- Он теперь не придёт, - наконец проговорила дрожащи-

ми губами Аня. - Никогда.

- Если любит по-настоящему, придёт - успокоила её Софка. - Или позвонит.

- Ты правда так думаешь? - Аня вскинула на неё напитанные слезами глаза.

Думала ли Софка так в действительности или просто не хотела огорчать подругу, осталось неизвестным. Потому что в это время тихо приоткрылась дверь, в щель просунулась Галкина голова и жалобным голосом попросила:

- Девочки, не будете ли вы так любезны подать мою сумочку.

Софка тотчас схватила оставленную на столе модную сумку и бросила её прямо в лицо своей обидчице:

- Держи! Мымра!

- Спасибо, - вежливо откланялась голова и скрылась, будто её сроду и не было.

НИКОЛАЙ НАСЕДКИН

В «Москву»! В «Москву»!

Глава из повести «Литлабиринты»

Ну, вот и сбылась мечта идиота: я опубликовался в толстом престижном журнале. Когда-то, на заре пресловутой туманной юности, в Сибири ещё, робко мечтая об этом, я говорил себе: вот напечататься в толстом столичном журнале и - умереть!..

Это - цитата из моего (потому и без кавычек) романа «Алкаш», выплеск эмоций героя-поэта, которого опубликовали наконец в Москве. Словечко «идиот» вставлено здесь, конечно, для снижения пафоса, для «чуть-чуть» самоиронии, но по существу оно довольно точно характеризовало суть ситуации и положение вещей. Мечтать провинциальному автору опубликоваться в «Нашем современном», «Новом мире», «Москве», «Знамени», «Молодой гвардии»

Наседкин Николай Николаевич - прозаик, публицист. Родился в 1953 году в Читинской области. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшие литературные курсы. Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова». Публиковался в столичных журналах. Известен любителям литературы как автор остросюжетных романов, повестей и рассказов («Алкаш», «Криминал-шоу», «Осада...»), так и цикла автобиографических произведений - «Казарма», «Муттер», «Иск»» Писатель заканчивает работу над новой повестью «Литлабиринты», продолжающей этот цикл. Член Союза писателей России.

или «Октябре» - это мог если не совсем идиот, то уж очень наивный человек, безусловно. Это было не-воз-мож-но! Чтобы рукопись молодого никому не известного автора, да ещё и из глубинки в редакции столичного «толстяка» хотя бы ВНИМАТЕЛЬНО прочитали, для этого необходим был толчок, внешний мощный фактор - рекомендация, сопроводилровка, слово поддержки литературного мэтра...

Но и это ещё не гарантия успеха, отнюдь. Вот хотя бы в качестве наглядного примера довольно грустная история моих взаимоотношений с самым престижным в прежние годы журналом «Новый мир». Сохранилось в моём архиве пять «отказных» ответов из редакции этого журнала, первый ещё от 17 марта 1983 года, и во всех: *«К сожалению... Не заинтересовали... Возвращаем...»* И тут судьба подбросила мне явный шанс. Весной 1988 года в Тамбове, где я уже жил тогда, проходило выездное заседание совета по прозе Союза писателей РСФСР, приехали столичные литературные зубры во главе с главным редактором «Нового мира», именитым писателем С. П. Залыгиным. Естественно, я как заведомо пропаганды (так пафосно именовался отдел культуры) областной молодёжной газеты договорился об интервью с Сергеем Павловичем. И вот, когда мы разговорились с ним в гостиничном люксе, вдруг выяснилось, что мы чуть ли не земляки да ещё и в квадрате: столичный писатель когда-то жил и работал в Хакасии, где я тоже прожил почти двадцать лет, а дед и отец Залыгина, оказывается, родом с Тамбовщины... Ну и как-то так само собою вышло-получилось, что в итоге главный редактор «Нового мира» увёз с собой в Москву папку с тремя моими рассказами.

Понятно, что какое-то время я ходил по улицам Тамбова, подпрыгивая и потирая ладони в предвкушении литературного триумфа. Для местных читателей и, тем более, сочинителей я был всего лишь журналистом, в лучшем случае, - литературным критиком, так как строчил на их нетленки рецензии в местной печати. А то, что прозу я уже писал и публиковал (пусть пока в газетах) почти два десятка лет, и мой рассказ уже чуть было не появился в журнале «Москва» (о чём у нас речь впереди) - об

этом никто не знал и знать не хотел.

Короче, ходил я, напыжившись, по чернозёмным тротуарам, пока не получил очередной конверт из редакции «Нового мира» с фирменным бланком внутри: «С. П. Залыгин прочитал Ваши рассказы и передал их нам в отдел прозы. Ваши рассказы в отделе прозы прочитали и обсудили. Вынуждены Вас огорчить, т. к. напечатать их мы не можем...» И далее как бы извинительные подробности: конкурс у них большой, рукописей много, отбор «*весьма жёсткий*»...

Я огорчился, обиделся и объявил бойкот «Новому миру». О чём, разумеется, ни редакция, ни, тем более, Залыгин знать не знали и ведать не ведали. Жили себе спокойно, продолжали публиковать литературные шедевры, прошедшие «*весьма жёсткий*» отбор (если кто-нибудь почувет здесь иронию - я не виноват!), пока летом 1991-го не получили очередной пакет от меня с двумя рассказами - «Осада» и «Четвёртая охота». Да, продержался я ровно три года. Но уж больно хотелось попасть-пробиться сразу в дамки. А тут и повод: написались-родились на свет из-под моего пера (точнее для тех лет - из-под шарика пластмассовой ручки) несколько совершенно новых во всех смыслах рассказов в русле жёсткой прозы, они уже, можно сказать, с триумфом прошли в областных газетах, были приняты к печати в один новый толстый журнал (который, увы, на втором номере застрял). И вот бедной и бессменной даме из отдела прозы «Нового мира», носившей титул «старший редактор» (фамилию трепать не будем), после трёхлетнего перерыва вновь пришлось отвечать настырному провинциальному непризнанному гению. И, то ли эта самая настырность чуть растопила сердце литдамы, то ли и правда она прочла внимательно тексты и отметила рост и прогресс автора, только ответ её на этот раз оказался более обстоятельным и не вполне уничижительным:

Уважаемый Николай Николаевич!

Рассказы ваши сюжетны, вы умело держите нить повествования в руках - драматургия в них развивается последовательно (завязка, кульминация и т. д.), что в новой прозе

встречается не так уж часто.

К сожалению, содержание их - при том, что вы выпукло вырисовываете самочувствие современного горожанина: отчуждение, страхи, неприятие насилия и т. д. - не является открытием в текущем процессе. Пожалуй, рассказы ваши во многом угадываемы - ловишь себя на том, что читаешь их с тем, чтобы удостовериться в правильности того или иного предположения.

С другой стороны, вы явно обладаете пером. Как знать, может случится, что рано или поздно вы будете писать так, что будет н е в о з м о ж н о не публиковать вашу прозу. Пока же трудно подыскать существенные аргументы, опираясь на которые я бы мог рекомендовать редколлегии ваши рассказы...

Эти «вы» и «ваши» в письме почему-то с маленькой буквы и мужской глагол «мог» - остались для меня загадкой, которую, впрочем, я разгадывать и не желал.

Понятно, что я решил расплестись с неприступным «Новым миром» окончательно и навсегда и перестать тратить деньги на почтовые пакеты в его адрес. Но судьбе угодно было так распорядиться, что уже вскоре, буквально через год, мой отвергнутый рассказ «Осада» вновь очутился в редакции этого журнала. И, уж разумеется, не по вине моей безразмерной настырности и безграничной наглости. Совсем нет, я как раз автор более чем скромный - когда мне указывали на дверь, в окно я влезть не пытался...

А случилось вот что. Совершенно отчаявшись от, как мне казалось, сплошных неудач (хотя были и проблески-публикации), я 16 марта 1992 года, преодолев свою псевдоинтеллигентность, сел и написал письмо в Красноярск В. П. Астафьеву, к тому времени уже безусловному живому классику и мэтру из мэтров:

Уважаемый Виктор Петрович!

Уже несколько лет собираюсь обратиться к Вам, но, от-лично понимая Вашу безмерную занятость, откладывал. Однако,

вот решил. Бога ради, простите меня за отнимаемое время!

Дело в том, что Вы один из крайне немногих писателей, кого я уважаю в нынешней русской литературе. И ещё - что даёт мне смелость - мы с Вами в какой-то мере земляки: в детстве и молодости (до 24 лет) я жил и рос под Абаканом, в райцентре Белый Яр. Недавно похоронил там мать, но самые близкие, кровные, родственники живут и посейчас в Хакасии.

Мне уже под 40. В Тамбов попал по распределению после Московского университета. Сюда же вернулся и после Высших литературных курсов (тоже общая точка моей и Вашей биографий!), которые окончил в прошлом году. Я не член СП и поэтому на ВЛК учился в семинаре критиков.

А не член Союза писателей (да и не в членстве дело!) потому, что уже несколько лет бьюсь понапрасну лбом в бронированные журнально-издательские стены. Результаты унижительные: отрывки из повести в сборнике молодых в региональном издательстве да рассказ в журнальчике «Физкультура и спорт». Когда учился на ВЛК, вроде бы лёд тронулся, казалось, вот-вот и - шуга: одну повесть приняли в издательстве «Столица», рассказ - в журнале «Московский вестник». Но стоило мне уехать из Москвы, дело застопорилось напрочь.

Но я ещё продолжал трепыхаться. Однако ж, толку мало. Я даже года 2-3 назад предлагал свою повесть «Казарма» и «Енисею». Рукопись мне кое-как вернули почти через год с разбором Т. Воронцовой. Об уровне суждений этой дамы, «разобравшей» армейскую повесть, говорит хотя бы тот факт, что на пяти страничках её рецензии наляпано почти пятьдесят орфографических, лексических и разных прочих ошибок.

Но я всё равно продолжал бы рассылать рукописи (помня о судьбе Джека Лондона), если б при нынешних почтовых вздорожаниях редакции не перестали вовсе отвечать и возвращать рукописи. Полный тупик!

Виктор Петрович, я, конечно же, мало на что надеюсь, тревожа Вас. И тем более - Вы не редактор, не издатель. Но Ваше слово, Ваше мнение весомы в мире литературы. Да если даже и не практической помощи, то хотя бы одобрение услы-

шать от Вас - и то легче станет дышать, вдохновеннее будет работаться. А то, ей-Богу, уже сил никаких нет. Я понимаю: Вы добились в жизни и литературе всего сами, но будьте снисходительны и к тем, кто послабже Вас в коленках, не имеет характера для долгой (бесконечной) борьбы.

Виктор Петрович, прошу Вас, просмотрите, пожалуйста, два-три моих рассказа. Может быть, это и будет тем чудесным случаем-толчком, который сдвинет наконец мою буксующую писательскую судьбу с места. Бог Вам за это воздаст!

Если Вы ответите согласием, я тотчас вышлю рассказы заказным пакетом и уж, само собой, оплачу все расходы по пересылке рукописи обратно.

Ещё раз очень и очень прошу - не гневайтесь на меня: решил обратиться к Вам после мучительных раздумий, уже в полном отчаянии.

Всего Вам наилучшего и главное - здоровья!

С большим уважением

Николай Наседкин.

Мало кто поверит (я бы и сам не поверил), но совсем скоро, 22 марта, я получил из Красноярска ответ:

Дорогой Николай!

Весь крик и стон твоей души слышу и понимаю, но думаю, что будет ещё хуже, вот беда-то!

Раньше лета прочесть твои рассказы не смогу. Я заканчивал первую книгу романа и сейчас меня качает и валит, проспал сегодня 12 часов, а голова всё не на месте. Раньше, когда был моложе, восстанавливался быстрее и легче, а сейчас...

За это время скопились вороха рукописей и читать я их смогу летом, когда уеду в свою деревню садить огород и попробую отдохнуть от работы, где-то в конце мая присылай рассказы. И не обижайся и не старайся оплачивать их пересылку, я не самый бедный литератор в России и на хлеб-соль, да на почту моего заработка ещё хватает.

*Кланяюсь Виктор Петрович
(В. Астафьев)*

Да, были люди в наше время! Напомню, что Виктору Петровичу уже шёл шестьдесят седьмой год, он, судя по его письмам тех лет, болел всеми какими только можно и нельзя болезнями и к тому же, потеряв один глаз ещё в юности на фронте, надсаживал оставшееся око многочасовой работой за письменным столом (рождался роман «Прокляты и убиты») и чтением книг да чужих рукописей. В оправдание себе скажу, что, конечно, не знал тогда весь ужас со здоровьем Виктора Петровича, вероятно, и про глаз один-единственный его не знал - это уже потом, когда вышла посмертная книга его писем «Нет мне ответа...», все эти скорбные подробности стали известны и легли постфактум камнем на мою совесть. А тогда, я, конечно, воспарил, еле дождался конца мая и отправил в Красноярск два рассказа (в том числе и - «Осада», который считал на тот момент своим лучшим, своей визитной карточкой), а также небольшой отрывок из повести «Муттер».

И опять же стремительно скоро, 16 июня, получил ответ:

Дорогой Николай Николаевич!

Вернулся из Москвы, с так называемого съезда, так называемых писателей и малость отославшись принялся за рукописи, а их скопилось целая телега, да все рукописи-то дикие, самодеятельные. Чем хуже нам живётся, тем шибче исходит народ стихиками, особенно пенсионеры. От одичания это, не иначе...

Рукописи Ваши вполне профессиональны, чисто написаны и я готов предложить рассказы в «Новый мир», хорошо бы три, уж так почему-то повелось давать небольшие рассказы подборкой. Хорошо бы Вы подослали мне ещё один или два рассказа, (чтоб выбор был) и не ниже по уровню, чем те, что я прочёл. Я со своей сопроводилкой зашлю рассказы в отдел прозы нашего, всё ещё очень требовательного журнала, и дальше уж помогай Вам Бог, но если «Новому Миру» не подойдут, можно подумать и о других органах, есть у меня кое-где знакомые, например, Леонид Бородин в «Москве», да вот сама-то «Москва», как и многие наши журналы, висит на волоске.

Комплиментов Вам никаких не пишу. Зачем они, твёрдо владеющему пером, человеку? Дай Бог сил, здоровья и терпения «отражать» эту дорогую действительность, да ещё в «осаде» беспхлебья, беззакония, всеобщего разгула, политиканства, воровства и блядства.

Жму Вашу руку и кланяюсь Вашим близким.

*Виктор Петрович
(В. Астафьев)*

Легко представить, как бесконечно перечитывал я это чудесное письмо от САМОГО Виктора (!) Петровича (!!)-Астафьева (!!!), как вновь воспарил я на крыльях надежд и мечтаний, как захмелел без вина, а потом, на радостях, и от вина. Почему-то ещё больше хмеля, помимо одобрительных слов о моей прозе, добавляло и то, что писатель-классик, в отличие от той дамы из редакции и от своего первого письма, вдруг стал обращаться ко мне на уважительное «Вы» с большой буквы...

Позже, 27 августа, В. П. Астафьев, остановив свой выбор всё же только на «Осаде», писал:

...«Осаду» вместе с двумя рассказами провинциальных авторов я отослал с предисловием в «Новый мир» и пока не знаю какое отношение тамошних лит. снобов, точнее изображающих оных, к этим материалам. Если не подойдут «Новому Миру», рассказы передам в другой журнал, всё равно найду им место...

Но рекомендации Мастера так и не смогли пробить в «Новом мире» «снобизм», скорей всего, невзрачного человека со сказочно-былинным именем и почти славянофильской фамилией, который много лет рулил прозой в этом либеральном журнале. Он сам накропал десятка три романов (я начинал два-три читать - не одолел), учил в Литературном институте студентов мастерству, его то и дело упоминали через запятую в критических статьях о «московской прозе сорокалетних» рядом с именами Владимира Маканина и Анатолия Кима, так что снобизм его имел толстые и основательные корни.

Отголоски напрасных хлопот Виктора Петровича обнаруживаются в его письме к литератору В. Болохову от 24 ноября 1992 года (оно, как и одно из посланий ко мне, также опубликовано в книге «Нет мне ответа...»): *«Вот перечитал телегу рукописей, выловил из того веза три талантливейших рассказа и со своим предисловием отправил в «Новый мир», увы, их там не приняли, и я передал рукописи в другой журнал...»*

Я же теперь уже окончательно и бесповоротно избавился от мечты опубликоваться в «Новом мире», осяянном именем великого Твардовского и былой славой флагамена советской литературы, но в 1990-х становящемся крайне либерально-демократическим, прозападным и тенденциозным изданием. Всё же я понял-убедился окончательно, что, несмотря на свой нейтралитет и нежелание примыкать к какому-либо лагерю двух враждебных направлений в нашей литературе, мне всё же ближе «почвенники-патриоты», чем «либералы-западники». Тем более, что с юности уже я был «человеком Достоевского». И вот теперь, по сути, подводя жизненные и творческие предварительные итоги, я даже благодарен судьбе за то, что в своё время не опубликовали меня ни «Новый мир», ни «Знамя», ни «Октябрь» - втянулся бы я в эту компанию и, глядишь, ходил бы сейчас с белой ленточкой на груди и мечтал о том, чтобы Запад усилил санкции против России... Бр-р-р!

А история моих взаимоотношений с «Новым миром» закончилась всё же на мажорной ноте: в его 7-м номере за 1995 год в обзоре периодики А. Василевский (будущий главный редактор) среди заметных публикаций прозы в «Знамени», «Гранях», «Звезде» и прочих либеральных журналах отметил и мою повесть «Прототипы», которая появилась в февральском номере «Нашего современника». И это дорогого стоит: демократический «Новый мир» в те годы уже в упор не замечал народно-патриотический «Наш современник».

Ну а В. П. Астафьеву я, несмотря ни на что, остался благодарен на всю оставшуюся жизнь. О чём свидетельствует пылкое письмо, вложенное в бандероль с первой моей книгой, которую послал я 8 декабря 1993 года в Красноярск:

Виктор Петрович, здравствуйте!

Случилось невероятное: вышла моя первая книжка - да ещё и в таком «красивом» виде. И Вы, Виктор Петрович, имеете к этому самое прямое отношение.

Когда летом прошлого года Вы по-доброму оценили мой рассказ «Осада» и даже вознамерились предложить его «Новому миру», я воспринял это...

Да что там объяснять! Я так вдохновился и чуть поверил в себя, что решился, собрал рукопись в 33 листа (практически всё из серьёзного мною написанного) и, назвав сборник «Осада», предложил московскому издательству «Голос». Конечно, сыграло роль, что командует в «Голосе» бывший тамбовчанин, и поэтому рукопись мою прочитали. И вот результат: в феврале они мне предложили договор, а неделю назад книга уже вышла. Правда, одну повесть всё же вынули, но разве можно об этом горевать!

Итак, Виктор Петрович, очень и безмерно благодарен Вам за поддержку в самую трудную для меня минуту, за доброе слово! Только что прочитал в Вашей книге «Посох памяти» (купил в «Букинисте»), что Вы не любите навязчивых людей, но я не могу представить себе, как бы это я не подарил Вам свою первую книгу.

Прошу не обращать внимания на рубрику «Современный детектив» на обложке, моя проза к этому жанру не имеет никакого отношения, это уж издательство для рекламы приспособило. Разумеется, не надеюсь, что Вы читаете всю книгу (тем более, что несколько рассказов знакомы Вам по рукописям), но если когда-нибудь будет скучная свободная минута, а под рукой не окажется другой книги, то посмотрите повесть «Муттер» - там жизнь моей матери, отчасти моя, действие происходит в основном в Сибири, под Абаканом.

Ещё раз простите за беспокойство!

С большим уважением и благодарностью!

Николай Наседкин.

Но ещё характернее и, может быть, поучительнее история моего романа с «Москвой». Если, опять же, продолжить тему «блата» и самотёка - каким путём легче пробиться рукописи провинциального и неизвестного автора в толстый авторитетный столичный журнал.

Фирменных бланков с записками-отписками из «Москвы» в архиве моём сохранилось четыре. Первый имеет дату 26 июня 1989 года, однако в тексте сказано: *«В ответ на Ваше письмо сообщаем, что рассказы (четыре) были возвращены Вам 16.9.88 г. с письмом литконсультанта Попова Н. П. заказной бандеролью»*. Увы, драгоценное письмо литконсультанта (надо полагать - с рецензией-отзывом), получается, до меня не дошло, хотя почта в те годы работал ещё вполне добросовестно. Но что в том отзыве тов. Попова могло быть написано - представить не трудно: подобными литконсультантскими разборами забита в моём архиве толстая папка.

Разговор не о том. Получается, что уже в 1988 году редакция «Москвы» имела счастье узнать о моём существовании. Впрочем, думаю, что я и ранее озадачивал «московских» литконсультантов и сотрудников отдела прозы своими литпотугами. Ну не мог же я, пробуя пробиться в «Новый мир» с начала 1980-х, не пытаться достучаться параллельно и в «Москву» («Наш современник», «Молодую гвардию», «Юность» etc.). К тому же, бывал я и лично в редакциях, и в годы учёбы на журфаке МГУ (1977-1982), и позже, когда жил уже в Тамбове и наезжал то и дело в столицу (что нам в молодости - ночь в плацкарте!). Помню, как однажды, поднимаясь по крутой скрипучей лестнице (редакция «Москвы» располагалась на втором этаже старого арбатского дома), я столкнулся с человеком, в котором сразу узнал тогдашнего главного редактора журнала Михаила Алексеева. Ещё бы не узнать! Герой Соцтруда, лауреат Государственных премий, редактор популярного журнала - это ладно, но Михаил Николаевич без дураков был известным и, можно сказать, народным писателем в те годы, его романы «Вишнёвый

омут», «Ивушка неплакучая», «Драчуны» и другие издавались миллионными тиражами, читались, экранизировались... Ответив на моё почтительное «здравствуйте», мэтр вдруг остановился и доброжелательно поинтересовался, мол, по какому поводу я осчастливил редакцию своим визитом? Я, воспользовавшись таким благоприятным случаем, уже возмечтал было всучить главному редактору свои литературные поделки, которые нёс под мышкой, заимев тем самым подарочный шанс на успех предприятия, и робко квакнул: вот, дескать, рассказы принёс...

- А-а-а, это вам, голубчик, в отдел прозы надо, - опять же благодушно сказал Алексеев и в добром настроении продолжил мимо меня сошествие по лестнице.

А я, тяжело вздохнув, безнадежно продолжил восхождение на второй этаж в неприступный отдел прозы.

К слову здесь упомяну, что и в редакциях других журналов доводилось мне сталкиваться мимоходом с главными редакторами, но всякий раз свой шанс я не использовал - не решался, образно говоря, взять главреда за горло и заставить лично прочесть мои опусы. К примеру, Григорий Бакланов, капитан «Знамени», на ходу ответил на моё приветствие в дверях редакции (он выходил, я входил) и, даже и не подумав остановиться (а я-то, избалованный Алексеевым, наверняка этого ждал!), побежал дальше - то ли новую военную повесть писать, то ли выбивать для журнала помещение попросторнее (в ту пору «Знамя» ютилось во флигеле Литинститута)...

А вот с Анатолием Ивановым, бессменным многолетним редактором «Молодой гвардии», я однажды даже в лифте поднимался несколько этажей в их журнальном небоскрёбе на Новодмитровской. Редактор комсомольско-молодёжного журнала был уже довольно стар, лет под шестьдесят, грузен и, в отличие от Алексеева (которому автор романов «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» не уступал в регалиях и славе), суров на вид. Может ещё поэтому мне и мысли не пришло подступить к нему с моими машинописными рукописями. Я только робко поздоровался, он как-то строго ответил, и мы, посапывая каждый в своём углу (я тихо и застенчиво, он громко и сурово),

благополучно доехали до «молодогвардейских» высот. Там литгенерал отправился в свой царско-редакторский кабинет, а я - в неприветливый отдел прозы...

Но вернёмся к «Москве». Невероятный, просто сказочный шанс появиться со своей прозой на страницах этого чудесного журнала и сразу заявить о себе на весь Советский Союз появился у меня совершенно неожиданно. Как уже упоминалось, я более-менее активно занимался литературной критикой. Началось это ещё в студенческие годы, когда я на втором курсе начал посещать спецсеминар критики Валентина Дмитриевича Оскоцкого. Критические дела мои продвигались неплохо, я уже довольно регулярно публиковал рецензии и литобзоры в популярном еженедельнике «Литературная Россия», одна моя большая рецензия, по сути критическая статья была опубликована в журнале «Литературное обозрение» - для критиков это всё равно что «Новый мир» для прозаиков и поэтов.

И вот «ЛитРоссия» осенью 1986 года делегировала меня на Всероссийский семинар молодых критиков, который проходил в Доме творчества писателей в Дубултах. Почему молодые критики России собрались на семинар под Ригой - в то время вопросов не вызывало: дома творчества Союза писателей СССР имелись во всех союзных республиках - где хотели, там и собирались. Я попал в группу очень именитого и авторитетного критика Анатолия Ланщикова, а в ассистентах у него был не менее известный Сергей Лыкошин.

И вот здесь вновь придётся коснуться темы противостояния и разделения в литературных кругах. В те перестроечные годы всё более разгоралась в литературе нашей борьба между двумя лагерями-группировками, которая привела в конце концов к расколу Союза писателей, к грязной и шумной принародной драчке. Уже возник тогда, как альтернатива Союзу писателей, пресловутый либеральный «Апрель», который и начал всю эту литбузу...

Так вот, с Ланщиковым, конечно же, приехали в Юрмалу его ученики - московские мальчишки-критики, которые играли в новых славянофилов и числили-почитали Анатолия Петровича

своим учителем, наставником, гуру. В первый же день, поднимаясь с ними в лифте, я услышал, как один из этих снобствующих столичных дарований язвительно изрёк, кивая на меня:

- А вы знаете, друзья мои, что вот этот наш коллега - ученик самого Оскоцкого?

Признаться, я не нашёлся что ответить, только постарался потвёрже глянуть в глаза насмешнику, а его сотоварищи от меня явно отодвинулись. Ну ещё бы! Валентин Оскоцкий как раз и был одним из создателей и лидеров русофобского «Апреля», да и прежде примыкал всегда к либеральному крылу в советской критике. (К слову, и вся кафедра литературной критики на факультете журналистики Московского университета, где Валентин Дмитриевич работал, а я защищал диплом, - была по духу западнической, демократической, крайне либеральной.) Так что и реплика юного сноба, и явное отчуждение семинаристов-сотоварищей вполне были мне понятны. Но я и предчувствовал, что они шибко удивятся, когда узнают меня поближе и познакомятся с моим творчеством.

Так и случилось. Когда через неделю подошла на семинаре моя очередь обсуждаться, все выступающие и руководители чуть не в один голос признавались, что мои скромные плоды критического вдохновения их удивили и приятно поразили, и особенно - серьёзное литературоведческое исследование «Герой-литератор в мире Достоевского». И это вполне логично! Ведь это была моя университетская дипломная работа, которая рождалась в жёстких непримиримых спорах с руководителем диплома критиком Игорем Виноградовым (будущим редактором «Континента»!), и меня с ней чуть было на защите не завалили на моей родимой либерально-демократической кафедре...

Короче, в Дубултах я с триумфом был признан как перспективный русский критик и реабилитирован как достоевковед, новые друзья-товарищи мне улыбались и ласково похлопывали по плечу. Но мне этого было мало. Я-то ведь не случайно прихватил с собой в Прибалтику и папочку с рассказами. А вдруг? И это «вдруг» вот так прекрасно обозначилось-наступило. Дело в том, что Анатолий Петрович Ланщикова, подводя итог

обсуждению моих критических опусов, сказал волнительную для меня вещь: мол, критические тексты Николая несут в себе признаки прозы, они зачастую строятся по законам прозы, и, дескать, не исключено, что когда-нибудь мы услышим о Наседкине-прозаике...

Ну как было после этого не признаться в своих писательских потугах и не вручить Ланщикову драгоценную папку с рассказами? Вручил. И...

Ей-Богу, сейчас слёзы выступят при воспоминании! Вечером того дня в дверь нашей комнаты, где мы с моим товарищем-соседом скромно обмывали мой критический триумф бутылочкой местной водки (к слову, замечательно вкусной - нигде я больше не пивал такой вкусной водки, как в Риге), постучали. Водку мы убрали (горбачёвский сухой закон в разгаре!), я открыл дверь - Ланщиков и Лыкошин с моей папочкой в руках. И вот следующие четверть часа - одни из самых счастливых минут в моей жизни. Я слушал сладкие слова уважаемых столичных критиков о моих прозаических опытах, что-то лепетал в ответ и потом, ошеломлённый финалом нашей беседы, чуть вообще не потерял дар речи. Анатолий Петрович Ланщиков сказал:

- Я сейчас готовлю как составитель шестой номер «Москвы» на следующий год, где будут только молодые. Вы не против, если я включу ваш рассказ «Супервратарь» в этот молодёжный номер журнала?..

А Сергей Артамонович Лыкошин, который был ответственным редактором «Библиотеки журнала “Молодая гвардия”», в свою очередь, огорошил:

- Папку с рассказами я забираю - в следующем году издадим в нашей «Библиотечке» вашу книжку...

Домой в Тамбов я летел на крыльях мечты по страшной поднебесной выси. Образно, конечно, говоря. На самом же деле я почти сутки трясся на жёсткой верхней полке поезда «Рига - Воронеж», не замечая грязи, холода, пьяного гама в вагоне, моросливого дождя пополам со снегом за мутным стеклом, и грезил о славе. Неужели я - писатель?.. Я фантазировал о журналах, о книгах, об интервью и автографах...

Впрочем, чего уж тут рассусоливать - понятно же, что всё в тот раз мечтаниями и кончилось. Сперва заколдобило проект с книжкой рассказов в «Библиотеке “Молодой гвардии”». Уже в начале следующего года С. Лыкошин перешёл работать на другое место, но книжку мою в план издания поставить успел. Пару раз мы ещё по телефону общались, раза два я, бывая в Москве, заглядывал к нему лично, Сергей Артамонович каждый раз звонил в «Библиотеку журнала “МГ”», выяснял, как там дела с книжкой Наседкина, ему каждый раз новый редактор отвечал, что всё нормально, книжка ждёт своей очереди...

Так, бедная, и не дождалась!

С «Москвой» надежда теплилась почти до самого финала истории. Беловую распечатку рассказа «Супервратарь» я сразу по приезде домой из Риги изготовил и отправил Ланщикову. Июньский номер сдавался в типографию примерно в начале апреля. В конце марта я позвонил Анатолию Петровичу, услышал от него, что всё идёт прекрасно, номер с моим рассказом составлен и вот-вот будет сдан в производство. Я, задыхаясь от избытка чувств, горячо поблагодарил мэтра и попросил оставить для меня в счёт гонорара аж двадцать экземпляров драгоценного журнала...

Ну чего, опять же, размазывать - не судьба: как потом объяснил мне Анатолий Петрович, вдруг, в последний момент сменился редактор отдела прозы журнала, и новому шефу дватри произведения в подготовленном номере дебютантов категорически не понравились, в том числе и мой «Супервратарь». Скорей всего, этот новый зав. прозой был, что называется, святее папы римского. Вернее, патриотичнее и, если можно так выразиться, славянофилее Ланщикова и его, конечно же, не устроил рассказ «из западной жизни» с героями, носящими имена Боб, Дик, Фреди...

Кстати уж упомяну ещё раз, что многострадальный мой «Супервратарь» через три года должен был появиться в новом толстом журнале «Московский вестник». Рассказ принял к публикации сам главный редактор журнала Владимир Иванович Гусев (в семинаре которого я в то время учился на Высших литературных курсах), его одобрили в отделе прозы, поставили в ближайший номер и...

Не вышел! Не напечатался!! Застрял!!! Сначала его перedвинули, по срочным редакционным причинам, в следующий номер, потом в последующий...

Уже в Тамбов, когда я и ВЛК год как окончил, мне на мой отчаянный запрос ответил первый зам. главного редактора: *«Ваш рассказ действительно одобрен редколлегией. И, естественно, будет напечатан... «стреляться» не торопитесь... «Супервратарь» - это интересно!»*

Увы и ах! К тому времени рассказ уже был опубликован в двух газетах, в журнале «Физкультура и спорт» (тираж - почти полтора миллиона экземпляров!), позже в двух моих сборниках, а вот «толстяка» в его судьбе так и не случилось. Но, и правда, не стреляться же из-за этого?

А с «Москвой» новый шанс, как мне мнилось, появился, когда в начале февраля 1994 года на 1-м Всероссийском совещании молодых писателей меня по одной книге «Осада», которая к тому времени вышла в столичном издательстве «Голос», приняли в Союз писателей России. Единодушно и единогласно рекомендовали меня принять все четверо руководителей семинара, в котором я обсуждался. Среди них был и Владимир Крупин, не последний писатель в то время и ещё незадолго до того - главный редактор «Москвы». Редакторское кресло он оставил (говорят, по собственной воле), но продолжал работать в журнале заместителем нового редактора. Вот я и решил резонно, что имею полное право, не надеясь на самотёк, собственноручно вручить свою рукопись Владимиру Николаевичу и занять весомый шанс насчёт публикации.

В следующий свой приезд в столицу я прискакал на Арбат, в редакции «Москвы» разыскал Крупина, с пылу с жару вознамерился было, против своих правил, но по московским традициям облобызаться с ним, однако ж писсоюзный мой крёстный отец (можно ведь и так сказать?), увы, настроение в тот день имел то ли плохое, то ли грустное, особой радости от встречи не выказал и творения мои взять вежливо, но твёрдо отказался: нет, мол, надо в отдел прозы сдать, у них в журнале, дескать, так принято...

Я и после этого ещё, вероятно, раза два-три посылал в «Москву» (параллельно с «Нашим современником») свои тексты, но уже самотёком, по почте, ещё надеясь на чудо и удачу. И не удержался, заявился опять на Арбат весной 1995-го якобы для того, чтобы забрать залежавшуюся рукопись своей повести «Прототипы». И вот когда зав. отделом прозы (который через полтора десятка лет станет главредом «Москвы») искал в завалах папок и конвертов мою распечатку, смущённо бормоча что-то насчёт того, что он, конечно же, читал мою повесть и не так давно ещё видел её где-то вот здесь, она не потерялась, не волнуйтесь, - я и выдал то, зачем пришёл:

- Да я и не волнуюсь! Повесть эту в февральском номере «Нашего современника» опубликовали... (*Театральная пауза.*) Я просто для интереса хочу взглянуть на отзыв вашего рецензента...

Ну вот зачем мне это надо было?!

Вскоре редакции, экономя на почтовых расходах, окончательно перестали высылать авторам отвергнутые рукописи и даже вовсе отвечать. Энтузиазм мой иссяк.

И вот после многолетнего перерыва я, по какому-то наитию свыше, вновь решил испытать шанс всё же пробиться в «Москву» или ещё раз опубликоваться в «Нашем современнике» и в начале лета 2010 года одновременно отправил почтой в обе редакции новый рассказ «Судьба писателя» и новую повесть «Сто двадцать лет спустя», объединённые общим заглавием-темой «Чеховские мотивы». Попытка не пытка.

Когда через некоторое время я позвонил в отдел прозы «НС», мнезаведующий, добрый мой знакомый, сукоризной сказал:

- Ну что же вы, Николай, - как можно делать главным героем произведений писателя?! Это мало кому интересно, это только студенты Литинститута могут себе позволить...

И вот с этим я категорически не согласен. Лично я читаю в той же ЖЗЛ, по преимуществу, только биографии писателей, если из аннотации узнаю, что герой романа или повести литератор - непременно начинаю читать, если, собираясь скачать фильм из Интернета, узнаю, что главный герой писатель - обя-

зательно скачиваю и смотрю... Думаю, таких как я, - десятки, сотни тысяч, все те, кто пробует и уже распробовал свои силы в сочинительстве, для кого литература - главное и самое интересное в жизни, а всё остальное лишь фон и материал для неё...

Но с заведующим отделом прозы разве поспоришь? В редакцию «Москвы», понятно, и звонить даже не стал.

И вдруг... (О, это сказочное, волшебное «вдруг»!) Вдруг 13 января 2011-го, как подарок к старому Новому году, в квартире моей раздался звонок из редакции журнала «Москва»: ваша повесть «Сто двадцать лет спустя» пойдёт в третьем мартовском номере - срочно пришлите файл с компьютерным набором...

Казалось бы, и тираж у журнала уже далеко не массовый (всего несколько тысяч), и гонорарий стал чисто символическим (тоже всего несколько тысяч), да и повесть моя к тому времени была уже опубликована в «Тамбовском альманахе» - чего ж особо ликовать-то? Ан нет! Когда раскрыл я мартовский номер «Москвы» и увидел на первой же странице свой портрет и начало моей повести - сердце застучало молоточком. Можно было бы здесь над самим собой поусмешничать, поиронизировать (сбылась мечта идиота!), но - не буду. В «Москву»! В «Москву»!.. Этот «чеховский» рефрен столько лет звучал в моей писательской душе, и вот мечта осуществилась. Как же тут сердцу не забиться?

Впрочем, и дополнительных поводов-нюансов для авторской гордости именно от этой публикации вполне хватает. Ну, во-первых, повесть моя действительно и в полном смысле слова попала в журнал из самотёка (и ведь полгода лежала, а кто-то из редакционных в конце концов взял да и прочитал!). Во-вторых, этот номер «Москвы» ещё успел одобрить и подписать в печать сам Леонид Иванович Бородин (последний из безусловно авторитетных, с именем, главных редакторов наших толстых журналов). В-третьих, повестью моей открывается номер (надо ли тут чего объяснять-размазывать?). Ну и, в-четвёртых, за всю историю «Москвы» впервые на её страницах была опубликована повесть автора из Тамбова (а я за тридцать лет жизни в этом богоспасаемом городе стал-таки тамбовским патриотом).

К слову, о самотёке и полугоде лежания рукописи...

А ведь с «Нашим современником» всё так же было, и даже в чём-то чуднее. Получив за несколько лет из этого журнала свою порцию отписок-отказов, я осенью 1992 года, окрылённый историей с В. П. Астафьевым, так добро откликнувшегося на мою просьбу о поддержке и участии, решил повторно испытать судьбу и обратиться непосредственно и лично к главному редактору «Нашего современника», именитому поэту («Добро должно быть с кулаками!...»), публицисту и критику С. Ю. Куняеву. Я как раз закончил повесть «Муттер», которая и по форме (лирическо-автобиографическая), и, главное, по содержанию, как я считал, в первую очередь подходила именно этому журналу - самому русскому из русских, патристичному из патристичных. Письмо моё, к сожалению, не сохранилось, но помню, что упирал именно на это и ещё на то, что великие редакторы славных журналов прошлого (Некрасов, Достоевский) не гнушались лично читать рукописи, предлагаемые неизвестными авторами...

Видимо - проняло. Получил я от Станислава Юрьевича письмо в одну строку на знакомом мне бланке редакции: *«Присылайте повесть на моё имя. Посмотрим».*

Отправив в середине ноября пакет с рукописью, я уже вскоре, перед Новым годом, имел удовольствие читать вердикт главного редактора. Удовольствие от оперативности ответа, но отнюдь не от содержания: *«Дорогой Николай! Я прочитал Вашу рукопись, но вынужден Вас огорчить - мне она показалась в большей степени эмоциональной, даже чувственной, нежели художественно совершенной... Поэтому не обессудьте, что нам приходится рукопись вернуть...»*

Эк ведь - «не обессудьте»! Ещё бы я стал «обессудивать»... Я просто взял и в следующий раз, ровно через два года, когда вновь решил озадачить «Наш современник» своими литплодами, заслал в редакцию два пакета сразу в отделы, минуя главного редактора. В отдел прозы предложил новую повесть

«Прототипы», а в отдел критики - только что законченное исследование «Минус Достоевского»...

И кто бы мог подумать, буквально через пару недель звонит мне заведующий отделом прозы Александр Сегень, писатель уже в ту пору не из последних (он сменил на этом посту зава, который подписывал все прежние отписки), и славно озадачивает: срочно нужно ваше фото - повесть «Прототипы» идёт в февральском номере...

На тот момент у меня уже был опубликован рассказ «Супервратарь» в популярном, то тонком журнале «Физкультура и спорт» и рассказ «Четвёртая охота» в толстом, но ещё мало престижном журнале «Сыщик». А здесь всё совпало, все пазлы сошлись: толстый из толстых, а уж про престиж и говорить нечего, для русского писателя «Наш современник» - земля обетованная...

Короче, я мигом очутился на седьмом небе от счастья и долго там, в эмпиреях, парил соколиком и опять же пыжился.

Само собой, возмнив, что теперь стану постоянным (и любимым!) автором родимого журнала, я предлагал в «Наш современник» всё, на мой взгляд, значимое, что удавалось родить-написать - повесть «Завтра обязательно наступит», роман «Алкаш» и даже виртуальный роман «Меня любит Джулия Робертс»... Всё это в редакции читалось самым внимательным образом (с пометками на рукописях) и на всех уровнях, вплоть до заместителя главного редактора и (по крайней мере - «Алкаш») самого С. Ю. Куняева. Читаемое «современникам» вполне нравилось: да - читабельно, да - увлекательно, да - сюжетно, да - современно, да - злободневно, но... Но не в русле и не совсем в традициях консервативного «Нашего современника» - слишком остросюжетно, чересчур криминально, избыточно «еротично»... Пресловутый неформат.

С «Достоевским» же моим в этом журнале произошло-случилось нечто невероятное, из ряда вон. Сразу после публикации повести как-то неудобно было напоминать и о статье (псевдоинтеллигентность проклятая!), а позже, когда напомнил, выяснилось, что её толком в отделе критики ещё не смотрели...

Через какое-то время, заглянув при случае лично в «Наш современник», я, само собой, опять заикнулся о «Минусе Достоевского», начали при мне рукопись мою искать, дабы наконец прочесть внимательно, перерыли все шкафы в отделе и ящики в столах - как в воду канула...

Что ж, бывает. Погоревал я, сел за пишмашинку (компьютера с принтером ещё не было), распечатал новый экземпляр статьи и отправил в воронежский «Подъём». Наш родимый чернозёмный «толстячок», до этого относившийся ко мне довольно прохладно, как раз переживал революционные времена, в кресло редактора сел новый молодой энергичный и бунтарски настроенный Вячеслав Дёгтев, который к тому времени и в Москве уже шуму-гаму наделал своим «Манифестом нового поколения», опубликованном в «Литературной России». И вот моя статья-исследование «Минус Достоевского» с довольно острым для того времени подзаголовком «Ф. М. Достоевский и “еврейский вопрос”» появилась таки в 12 номере «Подъёма» за 1995 год. Причём название с подзаголовком были вынесены на обложку журнала.

Что ж, надо признать, шуму публикация наделала. Трое членов редакционного совета «Подъёма» (маститые литераторы, местные классики!) в знак протеста вышли из состава этого самого совета. Об этом скандале писали столичные газеты. Двенадцатый номер «Подъёма» в библиотеках пользовался повышенным спросом, статья моя (знаю из достоверных источников) ксерокопировалась и размножалась. Через несколько лет, в 2001-м, «Минус Достоевского» в составе моего сборника «Достоевский: портрет через авторский текст» была издана в издательстве Тамбовского университета им. Державина.

Казалось бы, всё, судьба этого текста определилась и оформилась - точка. Ан нет, вот тут-то и случилось самое интересное и непредсказуемое. В следующем, 2002-м, году в «Нашем современнике» (№ 8) появилась статья некоего Михаила Назарова «Закон об экстремизме и “Шулхан Арух”». Я редко откликаюсь на какие-либо публикации письмами в редакции, но тут меня, что называется, зацепило, и я 22 октября (то ли журнал

с опозданием вышел, то ли я не сразу его прочитал) отправил письмо лично Станиславу Куняеву, где, в частности, писал:

«У М. Назарова как-то так получается, что эти беды на Руси проявились только в последнее время, при разгуле “демократического” бесовства. Это совсем не так, всё началось ещё в середине и развилось во второй половине позапрошлого XIX в., что прекрасно видел Достоевский, писал-кричал о “жидовской” напасти, и мало кто сейчас об этом знает. Прикладываю к письму свою статью-исследование “Минус Достоевского (Достоевский и еврейский вопрос)”, которую, может быть, Вы сочтёте нужным и возможным поместить в журнале...»

Да-да, я и распечатку текста приложил (благо, уже принтер с компом имелись - не жалко), и вполне ёрнически удочку насчёт публикации забросил, ни на что не надеясь - захотели бы, ещё в 1995-м напечатали...

Куняев мне не ответил. И вот через полгода, столкнувшись случайно в Москве с заместителем главного редактора «Нашего современника», я услышал от него: в июльском номере идёт ваш материал о Достоевском... Я даже не поверил. И когда дождался седьмого номера, раскрыл и действительно увидел «Минус Достоевского» - тихо прибалдел и скромно порадовался: ну вот, не прошло и десяти лет!

К слову, если бы тогда, в середине 1990-х, такое произошло - публикация одного и того же произведения в двух журналах, - скандалу бы добавилось, теперь же, в XXI веке, при нынешних мизерных тиражах, эти условности давно исчезли-стёрлись: публикуй один текст хоть в десяти журналах - лишь бы читателей прибавилось...

За годы не регулярного, но вполне упорного литтруда одних только журнальных публикаций прозы скопилось более двадцати, а с литературоведческими (в основном по Достоевскому) - и вовсе почти сорок. Вон они, журналы, стоят-теснятся на книжной полке, греют авторское самолюбие - толстые и тонкие, столичные и региональные, престижные и новые, популярные и ещё не очень...

Но если выбирать самую-самую из самых публикацию - останюсь всё же на «Москве». И сама повесть «Сто двадцать лет спустя», аукающаяся со «Скучной историей» Антона Павловича Чехова, мне особенно дорога, да и, о чём уже упоминал, греет авторское самолюбие в какой-то мере уникальность публикации - если в том же «Нашем современнике» и до меня и после печатались тамбовские прозаики, то в «Москве» прецедентов не было и пока не предвидится.

Тем более было обидно, когда совсем недавно наша Тамбовская областная библиотека им. Пушкина, разместив на своём сайте обширный материал к 60-летию журнала «Москва», совершенно забыла упомянуть об этом. Ах вы, сссс...! Впрочем, матюгаться не стал, но не выдержал - написал с укоризной: мол, это же был единственный случай публикации прозы ТАМБОВСКОГО писателя на страницах этого престижного журнала за все 60 лет его истории. Неужели это не повод упомянуть об этом на сайте ТАМБОВСКОЙ библиотеки?

Увы, слаб человек, тщеславен...

2017 г.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

Покажи мне, где Жизнь начинается...

* * *

Сквозь лепет веток, спрятавшись за сплетнями
(Здесь лист как жест отчётлив и шагренев),
Как девочка одиннадцатилетняя,
Акация завидует сирени:

Как вдохновенно всё её обличье!
Счастливая, повенчанная с ветром...
Как от избытка стати и величия
Она лучится исступлённым светом!

Мария Знобищева родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», в «Литературной газете» и др. Автор поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при Центральной детской библиотеке имени С.Я. Маршака г. Тамбова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Там поют и плещут листья
В соловьином иступленье,
Пихта мокрыми глазами
прижимается к звезде,

И, хрустя листом брусничным,
Тонконогие олени
Пробираются неслышно
К замерзающей воде -

Той, которая качает
В тёмной глубине чьи-то лица,
Той, что ластится, струится
В голубых объятьях льда.
Там, омытые печалью,
Твой двойник, моя двойница,
Отражённые случайно,
остаются навсегда.

* * *

Кошки умеют ходить, лучась,
По тишине нагой,
Зная, когда закончится час
И начнётся другой.

В детстве и я любила стеречь
Свой заповедный клад:
Старых часов ворчливую речь,
Стрелку и циферблат.

И - как на солнце - часам в лицо
Страшно было смотреть.
«Кутаясь в зябкое пальтецо»,
Это глядела смерть.

Может, за окнами падал снег,
Снежная бездна - вся,
Может, кончался двадцатый век,
Проводов не прося.
Сердцу, стоявшему на посту,
Просто б шепнуть: «Не верь!»
Только казалось, что каждый стук -
Именно в нашу дверь.

* * *

И те, кто говорил, мол, голод и чума,
И те, кто под водой увидел терема,
И возгласившие, что мир сошёл с ума -
Все были правы и неправы.
Мир не сходил с ума, не изменял пути.
Одни рождали ложь: спастись и пасти,
Другие, семена надежд держа в горсти,
Ложились в травы.

Сменялся князем князь, а после – царь царём,
Был посрамлён пророк в отечестве своём,
Не раз гремел над мужиками гром,
Но летопись не знала строк неровных.
Как навсегда завязанный сюжет,
Схлестнулись Челубей и Пересвет,
И, раненый в живот, ушёл поэт,
Простив виновных.

И те, кто говорит, кто скажет после нас,
Мол, тот ли, этот царь от гибели упас,
Щитом отвёл стрелу, и минул грозный час -
За то ему и слава, -
Те тоже вдруг поймут, что этот час грядёт,
Что вот уже он здесь, у внутренних ворот,

Но тихо, тихо как... Безмолвствует народ,
И немые травы.

Август

Деревья держат звёзды крепко-крепко -
Им не с руки бросаться серебром.
Луна созрела. Вытянули репку,
Четыре дня тянули всем двором.

Цветёт цикорий - сердце в синей раме,
Бесстрашным корнем в холод уходя,
И пахнет август астрами, кострами -
Сухим дыханьем ветра и дождя.

Два кладбища

Каждый день я иду мимо кладбища.
Там звенят соловьи переливами,
Там зевают озябшие ландыши,
Пахнет снегом и мокрой крапивою.
Не гони меня, Чистый, нечистую,
Этих камней могу не касаться я.
Белым светом исходит неистово,
Осыпаясь под ветром, акация.
Все печали оплаканы, розданы
Все долги, и отбыты повинности.
И такая в пронзительном воздухе
Жизнь клубится, что страшно не вынести.

Я с другого пришла сюда кладбища -
Мира офисов, ставших могилами.
Из вселенной, где пальцы по клавишам
Пляшут так, словно плачут над мильми.

Где изящно подвязаны галстучки,
Безупречные, как репутации,
Где и любят, и губят для галочки,
Для портфолио и презентации.
Для отчёта на маленьком брифинге,
Где секундна длина выступления,
Где со взглядом скучающей пифии
Смерть ведёт протоколы Правления.

Там с душой не позволено нянчиться:
Тихо дома сиди, малолетняя.
Покажи мне, где Жизнь начинается -
Букву первую, букву последнюю...

Человек

Листья падают, дождь ли, снег, -
После странствий своих недалних
На земле лежит человек -
Тих, как шёпот в исповедалне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,
Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек,
Каждый день, каждую минуту.

СЕРГЕЙ КОЧУКОВ

...И на тихом океане свой закончили поход

(О переселении и переселенцах)

Как часто, встретив на страницах газеты или в телепередаче сообщение о человеке одной с нами фамилии, мы лишь на секунду обращаем на это внимание, вовсе не задумываясь об истоках данного явления. О том, к примеру, что с этим однофамильцем мы можем иметь самые непосредственные общие корни, общих предков и общую историю.

Скептики скажут, что одинаковые фамилии могут возникнуть в разных регионах нашей необъятной страны и в разные эпохи. Соглашусь с ними только отчасти, и то относительно лишь именных фамилий, которые получены по имени одного из предков Ивана, к примеру, или Петра. Что же касается прозвищных фамилий, которыми гораздо раньше наделялись чаще всего служилое сословие, духовенство, купечество, учитывая ещё и

Сергей Константинович Кочуков - писатель, историк, краевед, родился в селе Лысье Горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник, 25 лет прослужил в органах госбезопасности, офицер запаса. Автор трилогии «След веков отшумевших, исторических романов «Полет белого кречета», «Без вести не пропавшие», пьесы «Хлеб и кровь мятежной земли». Один из организаторов фестиваля авторской песни «Там под Лысой Горой».

достаточно малое население России (в XVI веке по различным оценкам 6,5 млн чел., в XVII веке – 10,5), наличие общих корней у однофамильцев, например, из Калининграда и с Дальнего Востока вполне возможно и объяснимо. При этом надо иметь в виду, что история России – это история её постоянного расширения на юг и на восток, а государственная колонизация, как известно, всегда сопровождалась народной колонизацией, то есть переселением на новые земли огромных масс коренного населения.

Приведу лишь один из примеров «круговорота людей в природе», связанный с моей собственной не очень распространенной фамилией Кочуковых. Несколько лет назад в потоке вынужденных бежать от войны в Донецкой и Луганской областях Украины в нашу область прибыла семья моих однофамильцев. Глава семьи выбрал Тамбовщину лишь потому, что здесь проживали родственники по линии жены. В разговоре по телефону он объяснил мне, что сам является потомственным «шахтёром Донбасса» и к Тамбовской земле никакого отношения не имеет. Затем вспомнил, что его дед ещё до войны приехал из Оренбургской области и осел на востоке Украины. Несколько лет занимаясь вопросами переселения тамбовчан в оренбургье и в некоторой степени зная миграционные потоки, я опередил его и сделал предположение, что дед, видимо, прибыл из села Романовки Сорочинского района Оренбургской области. Однофамилец немало удивился и подтвердил, что и поныне в Романовке живут их дальние родичи. Круг замкнулся – мой собеседник невольно вернулся на свою «историческую родину». У всех Кочуковых в Тамбовской области, как и в Оренбургской, Луганской, Ярославской, а также в Москве, Санкт-Петербурге и Хабаровском крае, один предок из эпохи первого из царей Романовых Михаила Федоровича – беломестный казак Борис Иванович Кочуков. Тот самый, что без малого 400 лет назад осваивал Тамбовский край, строил с Биркиным и Спешневым Козлов, с Боборыкиным – Тамбов, с Ромодановским – «Татарский вал», что подтверждается архивными документами, сохранившими даже его переписку с царём. Через 200 лет часть его потомков, к тому времени причисленных уже к сословию однодворцев, переселится на Юж-

ный Урал. Их партию, в которой были Каревы, Бучневы, Дробышевы, Гребенниковы, Пудовкины, Мордовины, Михалевы, Рязановы из Притамбовья, а также жители Козловского уезда: Аньшаковы, Барковы, Остроуховы, Солоповы, Патутины, – приведет на новые места вожатель (глава переселенческой партии) Роман Иванович Черемисин из Незнановки, именем которого и по сей день зовётся основанное ими село. Дед Роман был первым старостой села. Попробуйте отгадать фамилию нынешнего? Правильно! Глава администрации Романовки на сегодняшний день – Евгений Георгиевич Черемисин.

Но вернемся к страницам истории двухсотлетней давности. По пыльному тракту идёт на восток очередная переселенческая партия. Исхудавшие лошадки едва тянут подводы со скарбом, с плугами, боронами, с семенным зерном, которое берегут как зеницу ока, с пропылёнными ребятишками и укутанными в платки бабами на узлах. Загребают пыль порванными поршнями и лаптями бородатые мужики. И у всех, как неподъемные валуны, тяжёлые думы: «Когда конец пути? Что ждёт на новом месте? Не зря ли поднялись с насиженных веками мест?». Но вместе с тем теплится в сердце надежда, что найдут они землю обетованную, с бескрайними тучными полями и чистыми реками, найдут, обретут свое счастье на новом месте. Да и вожатели их, ещё в прошлом году побывавшие на новых местах и добившиеся у властей выделения пустующих земель, уж больно их нахваливали. Ревёт гурт уставшего от бескормицы и долгого пути скота, маются на телегах больные старики и ребятя – не всем одолеть долгий путь. А потому немало крестов по обочинам великого пути из центральной России на Восток, в Сибирь-матушку, не одними каторжанами-кандальниками отмечены эти тракты, но и костями переселенцев.

Отчего же снимались с прежних мест тамбовские мужики, равно как и крестьяне воронежские, курские, орловские и другие? Отчего этот переселенческий поток не иссякал более ста лет? Всё дело в малоземелье, в аграрном перенаселении центральных губерний России. Уже в период столыпинских реформ статс-секретарь Куломзин, по заданию правительства изучав-

ший процессы миграции на восток, проводил опросы переселенцев, выяснял причины их выезда. Все ответы сводились к следующему: «...земли мало стало», «...на землю захотелось», «...под деревьями земли стало больше, чем под пашнями», «...скотине утеснение», «...кола вырубить негде» и т. п.

На рубеже XIX–XX веков остро встал вопрос об аграрном перенаселении Тамбовской губернии и, прежде всего, сельского населения, составлявшего 92 % всех жителей. Организованное властями переселение в малообжитые районы Сибири, Урала и Дальнего Востока не смогло коренным образом разрешить проблему. Переселение в 1906–1914 гг. 100 тыс. крестьян составило лишь 3 % от общего числа проживающих в Тамбовской губернии. 100 тыс. человек переселяли в течение 8 лет, и всего два года потребовалось губернии, чтобы восполнить эту «потерю» за счёт естественного прироста населения. Так, в 1911 г. население губернии выросло на 65 тыс. человек.

Малоземелье душило крестьянство. Вместо поиска интенсивных методов ведения хозяйства корчевались леса, засыпались овраги, распахивались пастбища. Учёные того времени (А.В. Чаянов, А.А. Кауфман) считали необходимым для рационального трёхпольного хозяйства наличие лугов и выгонов равной площади пахотной земли. На Тамбовщине доля пашни к 1917 г. в 9 раз превышала площадь пастбищных угодий. Обеспеченность землёй наличных душ в сёлах ввиду роста населения с 1884 до 1920 г. снизилась с 2,8 десятин до 0,88 десятины.

При трёхпольной системе земледелия становится тесно при плотности населения в 40 человек на квадратную версту. С учётом плодородности тамбовских чернозёмов учёные (Н.П. Огановский) поднимали норму до 50–55 человек. К 1917 г. плотность населения вдвое превышала норму. Людность наших сёл, количество жителей которых нередко составляло от двух до пяти тысяч, тогда как, по мнению учёных того времени, для нормального сельскохозяйственного развития оно не должно было превышать одной тысячи человек. Население села Лысые Горы, к примеру, по переписи 1911 г. составляло более 12 тыс. человек. Города губернии с их слабо развитой промышленностью также

не могли в тот период принять и обеспечить работой избыток сельского населения.

Была и ещё одна причина переселения, особенно это касается начала XX века и периода Первой русской революции. Испытав весь ужас погромного движения и незаконного захвата помещичьих земель крестьянами (размах этого движения в Тамбовской губернии был наиболее масштабным в России), правительство предприняло и достаточно успешно осуществило мероприятия по изъятию наиболее горючего, социально опасного элемента и переселению его на восток. Энергия потенциальных погромщиков, революционеров была направлена на освоение новых земель, а не на захват и передел старых. «Вы хотели земли? Так берите! Берите, сколько смогут охватить ваши загребущие руки! Земли в Сибири хватит на всех!» О том, как нелегко просто дойти до неё, до «земли обетованной», как нелегко вырвать её у вековой тайги или сберечь от степных суховеев тонюсенький плодородный верхний слой (поневоле вспомнишь метровый чернозем тамбовский, который не навозили лишь потому, что он и так слишком жирный), переселенцы сполна познают только потом.

Всё это будет потом, во времена столыпинских реформ, а за сто лет до того шли на восток первые переселенцы, высылая вперед своих поверенных разведать и «приискать» подходящую землю. Потому и хранят оренбургские архивы многочисленные переселенческие документы, подобные этому:

«Его сиятельству господину генералу от кавалерии, оренбургскому военному губернатору и разных орденов кавалеру князю Григорию Семеновичу Волконскому.

...Прошлого 1806 г. октября 3 дня Тамбовской губернии однодворцев поверенные Тамбовской округи села Лысых Гор Козмодемьяновской слободы Тимофей Мальцев и Козловской округи села Челнавский острожек Антон Глушков Оренбургскую казенную палату просили на отысканную ими свободную казённую землю в Бузулуцком уезде поселить сто сорок шесть семей (переселенцев)».

Через год уже Тамбовская казённая палата выдавала

этим «переходцам» именные регистры для переселения, а ещё через год 16 марта 1808 г., согласно этим регистрам, Бузулуцкий земской суд водворял тамбовских переселенцев на приисканную землю, улаживал спорные вопросы пользования землями, пастбищами, водой с соседними населёнными пунктами и кочевьями инородцев.

Так или примерно так было основано тамбовчанами село Баженовка (к сожалению, ныне несуществующее), названное именем Федора Баженова, который привел на эту землю семьи Кожевниковых, Колодиных, Синельниковых, Смагиных, Рязановых, Чулковых, Романцовых, Пудовкиных (часть Бузулуцкого уезда Оренбургской области, включая связанные с тамбовскими переселенцами населённые пункты, входит ныне в Борский район Самарской области). В том же районе именем вожателя переселенческой партии из Тамбовской губернии Патрина основано село Патровка. Пройдет 70 лет, и часть жителей села уйдёт дальше на восток, и на карте Новосибирской области появится ещё одно село с названием Патровка. Потомок основателей оренбургской Патровки Алексей Федорович Патрин, командир артиллерийского полка, за мужество и героизм при форсировании Днепра будет удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Уроженец Баженовки Филипп Иванович Рязанов будет воевать в Гражданскую войну в 5-й дивизии Чапаева, а в Великую Отечественную пройдёт путь от Волги до Берлина и оставит свою подпись на стенах Рейхстага.

Есть ещё немало сел в Оренбургской области, основанных тамбовчанами, в частности село Нижний Гумбет, где самыми распространенными фамилиями и поныне являются Пчелинцевы, Юрьевы, Поповы, Нагорновы, Уваровы, Поздняковы, Юмашевы, Пересыпкины, Савенковы, Кудрявцевы, Коняхины, Бурцевы, Бурковы, Гладышевы.

Переселенцами из Лысых Гор Тамбовской области братьями Скворцовыми Григорием, Лаврентием, Андреем, Федотом Ивановичами и их родственником Семёном Васильевичем Скворцовым в Курманаевском районе Оренбургской губернии основано село, названное их именем, – «Скворцовка» (в насто-

ящее время территориально вошло в состав села Лабазы того же района). В городах и сёлах Оренбуржья, включая областной центр, живёт немало потомков тамбовских переселенцев – носителей фамилий Обуховых, Чеботарёвых, Прокудиных, Трегубовых, Стрыгиных, Буданцевых, Бучневых, Воропаевых, Сафоновых, Шмелёвых (приведены не упомянутые ранее фамилии). В суете дней порой не задумываются они о происхождении своих собственных корней. Для тамбовчан при упоминании этих фамилий сразу возникают невольные ассоциации с тамбовскими носителями этих фамилий: с известными нашими писателями Стрыгиным и Черемисиным или Героем России Буданцевым, мэром Тамбова Чеботарёвым или профессором ТГУ им. Г.Р. Державина Усковым... Список можно продолжать бесконечно.

Действительно, для многих жителей Оренбуржья история их малой родины начинается словами о том, что село их было основано в первой половине XIX века переселенцами из Тамбовской губернии. С этого они и ведут отсчёт, не задумываясь, что до этого их предки целых 200 лет жили где-то на реках Цне, Челновой или Вороне. Порой не задумываются даже, что с отъездом на новые земли их предков история оставшихся на

Тамбовщине родственников на этом не закончилась. Не менее славная, порой трагичная и как всегда это было у русских необычайно трудная, она продолжается по сей день. Живут разделённые многими тысячами километров друг от друга российские села, обитатели которых носят одни и те же фамилии. И стоят в оренбургских и тамбовских сёлах обелиски односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, а на их плитах десятки одних и тех же фамилий. Нет, подчеркиваем мы, не однофамильцев, а имеющих общих предков дальних родственников. И если в Оренбургской области родились и выросли Герои Советского Союза Муравьёв и лётчик, генерал-лейтенант Карев, Герой Социалистического труда Бучнева, то для области Тамбовской дороги имена основоположника современного тамбовского краеведения Н.В. Муравьева, заместителя председа-

ля областной думы В.Н. Карева, Героя России Ю.Ф. Бучнева. Если жители пригорода Владивостока Шкотово гордятся своим земляком Мамонтовым, ставшим главным редактором общероссийской газеты «Известия», то у тамбовчан эта фамилия связана с личностью Героя Советского Союза, командира стрелкового батальона при штурме Кенигсберга Мамонтова из села Полковое или заслуженного артиста России Мамонтова из села Татаново. Среди выходцев из этих «родственных» сёл немало известных писателей, заслуженных художников, прославленных военачальников и политических деятелей.

Кстати, о политических деятелях. Доподлинно известно, что оренбургское село Адамовка было основано переселенцами из притамбовья Колодинами, Муравьёвыми, Туевыми, Решетовыми, Усковыми, Левиными. Среди них особо выделялись четыре брата Маленковых, родоначальники всех оренбургских Маленковых. С Оренбургом связано имя бывшего Председателя Совмина СССР Георгия Максимилиановича Маленкова – некогда второго, после Сталина, руководителя страны. И хоть сам он в своей автобиографии не очень внятно указывал на дворянские корни из далёкой балканской Македонии, для оренбуржцев давно не секрет, что корни его из той самой Адамовки. Поныне живы некоторые уроженцы этого села, проживающие в Санкт-Петербурге и Киеве (например, киевлянину Фёдору Маленкову, военному медику и ветерану Великой Отечественной войны, в 2017 г. исполняется 100 лет), что ездили к нему в Москву, и он по-родственному помогал им устроить детей в институты, помогал с жильём в столице и т. п. Личность далеко неоднозначная, равно как и его деятельность. Здесь же мы говорим о Георгии Маленкове как примере необычайного взлёта потомка тамбовских переселенцев в Оренбургскую губернию на самые вершины политической власти.

О том, что не все Маленковы выехали с Тамбовщины в Оренбуржье, свидетельств немало. Приведем лишь один пример из истории притамбовского села Сурава в трагичный для нашего региона период крестьянского восстания, названного «Антоновщиной». После его жестокого подавления к осени 1921 г. власти

озаботились сбором урожая с «бандитских» полей, хозяева которых были убиты, находились в концлагерях либо выселены с территории губернии. Так, архивные документы свидетельствуют, что в Сураве с 22 «бандитских» наделов убран хлеб и среди них – наделы участников восстания братьев Тимофея, Афанасия и Фёдора Григорьевичей Маленковых, а также Алексея Сергеевича и Фёдора Ефимовича Маленковых, а убирала этот хлеб активисты сельсовета Фёдор Ильич и Максим Тарасович Маленковы. Позднее весь этот хлеб ссыпан на хранение в амбар ещё одного Маленкова – Ильи Ефремовича.

Отчего же оренбургская земля стала для переселенцев-тамбовчан столь привлекательной, ведь дальше на востоке их могла ждать земля более обширная, многоводная, лесная. Ознакомление с документами архивов даёт основания предположить следующее: через Оренбургскую губернию пролегал «главный переселенческий тракт» в Сибирь, Приамурье, на Дальний Восток, а также на Алтай, в Семиреченскую и Семипалатинскую губернии. Очень многие переселенцы, из числа наиболее бедных, не одолев и трети пути, утрачивали всякую возможность двигаться дальше и оседали в Оренбургской губернии, чаще всего незаконно. Потому нами было найдено немало документов, особенно относящихся ко второй половине XIX века, с прошением к местным властям узаконить их пребывание здесь и «приписать» к какому-нибудь сельскому обществу.

Очень часто «тамбовские хитрованы» делали это умышленно. Получив известие от своих родственников и земляков, уже обосновавшихся в Оренбуржье, о подходящих условиях жизни на новом месте, они двигались туда намеренно, хотя имели на руках предписание в Омскую, к примеру, губернию. Так и получалось, что к старожилам Кожевниковым, Пчелинцевым, Дробышевым, Поздняковым подселялись те же Кожевниковы, Пчелинцевы, Дробышевы, Поздняковы, у которых, к несчастью, именно в этих местах пали волы и лошади, поломались телеги, и по «расстройству и оскудению» двигаться дальше не было никакой возможности.

Показательно в этом отношении прошение поверенного

от тамбовских переселенцев-однодворцев Зота Романцова:

«Прошение Его Превосходительству г. Министру финансов от поверенного от однодворцев разных селений Тамбовской губернии и уезда Зота Романцова.

По недостатку в Тамбовской губернии земли и прочих угодий с разрешения тамошнего начальства уволен я с товарищами в числе 99 душ в Томскую область для заселения там на свободных казённых землях, куда с данными нам от Тамбовского Земского суда билетами и отправились, но время следования в пути сделался у нас большой упадок лошадей и многие из товарищей моих изнурились от болезней, отчего и не могли уже продолжать дальнейшего пути и потому принужденными нашлись остановиться на квартирах в Оренбургской губернии в Бузулуцком уезде, и как узнали, что в оном уезде есть свободная казённая земля, заключающаяся в 204-х тысячах десятинах, на которой в поселении состоят деревни: Алексеевка, Алексеевка Съезжая тож и Осиповка Калмаков колок тож [сёла, ранее основанные тамбовскими переселенцами; второе предположительно названо по имени Колмакова, переселенца из с. Горелое Тамбовского уезда. – Примеч. автора], то и желаем на той поселиться. А потому прилагаю у сего семействах товарищей моих имянной реэстр, Ваше превосходительство всенижайше прошу по объявленной причине меня с теми товарищами в числе 99-ти душ на означенную землю в Бузулуцком уезде лежащую причислить нарезкою нам узаконенной пропорции земли и отдать кому следует предписание.

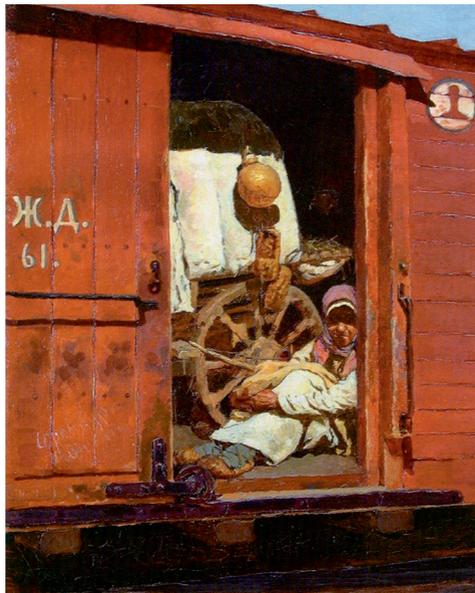
Марта 1 дня 1828 года. К сему регистру вместо просителя Романцова по безграмотности его и просьбе руку приложил коллежский секретарь Петр Гребеничиков»

Переселение из Тамбова в Оренбург длилось более ста лет, но до отмены крепостного права в 1861 г. только за счет однодворцев, позднее причисленных к сословию государственных крестьян. В этой среде потомков служилых людей «по прибору» – казаков, стрельцов, пушкарей – были свежи в памяти навыки воинской службы. Уклад их жизни без крепостного помещичьего гнёта, с выборностью всем обществом представителей сель-

ской и волостной власти, членов мирского суда, общественным распределением земли, повинностей, податей более походил на уклад жизни в казачьих регионах страны. Поэтому многие переселенцы первой половины XIX века могли быть причислены к Оренбургскому казачьему войску и начать свою жизнь на новом месте со службы на Оренбургской линии, призванной в то время охранять российские рубежи от Хивинского и Кокандского ханств, от многочисленных кочевников.

Как часто в советский период наши политики и, к сожалению, учёные клеймили позором переселенческую политику проклятого царского режима, описывали ужасы переселения и массовой гибели переселенцев, пугали читателей невыносимыми условиями на новых местах! А сколько вылило ушатов на так называемые «стольпинские вагоны»! Стыдливо отворачиваясь и не замечая, что именно благодаря этим вагонам позже были осуществлены грандиозные выселения в Сибирь и на Север миллионов раскулаченных, политзаключённых, репрессированных народов.

Попытаемся разобраться в реалиях того времени.

История

Для водворения назначались местности, где по расчёту на душу было: в степной полосе – более 15 десятин, в не степной – более 8 десятин, здесь же заранее отводились для водворения переселенцев участки от 4 до 5 тыс. десятин каждый. Во время следования переселенцев правительственные органы доставляли им продовольствие, устраняли затруднения, заботились о заболевших, на местах водворения для них заготавливался хлеб сено, рабочий скот и земледельческие орудия, а также отпускался лес на постройку жилья и денежное пособие в размере от 10 до 60 рублей на семью. Кроме того, переселенцам предоставлялись 6-летняя льгота от воинского постоя, 4-летняя полная и 4-летняя половинная льготы от податей (налогов), сложение (прощение) всех прежних недоимок, и на три набора они освобождались от рекрутской повинности.

С 1831 по 1866 г. на этих основаниях было переселено до 320 тыс. душ. Данные, собранные уже в 1880-е гг. позволяют думать, что дело было поставлено в целом неплохо, чиновники на местах входили во все детали устройства переселенцев.

Большинство основанных в то время поселений достигло высокого благосостояния, и старики с благодарностью вспоминали окружавшую их при переселении заботливость. Были, однако, и трудности – отдельные поселения бедствовали, иногда распались. Происходили они чаще всего из-за неудачного выбора места водворения. Наряду с организованным правительственным осуществлялось и самовольное переселение. Так, из Тамбовской губернии с 1838 по 1846 г. самовольно выселилось 7876 душ. На местах водворения практически все «самовольщики» также приписывались и наделялись землёй.

Вопросами переселения в то время ведали Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ. Заведование переселением крестьян на местах выхода возлагалось на земства, на местах водворения – на присутствия (ведомства при губернском правлении) по крестьянским делам, а в пути – на переселенческие конторы. Постоянно действовала переселенческая контора в Сызрани. Кроме того, в 1886 г. в Екатеринбург, Оренбург, Златоуст, Тобольск, Томск для содействия

Лавка Челябинского потребительского общества „Переселенец“. Рис. 18.

переселенцам были командированы особые чиновники. В 1889 г. был окончательно утвержден Закон о переселенцах, упорядочивший многие аспекты государственного и самовольного переселения, который в последующие годы был дополнен рядом узаконений и распоряжений. В узловых пунктах Перми, Тюмени, Томске, Иркутске возникли частные переселенческие комитеты, а также Общество вспомоществования в Петербурге. На деньги, отпущенные особым правительственным комитетом, и на частные средства была устроена на переселенческих путях система врачебно-питательных пунктов, благодаря чему заболеваемость уже в 1893 г. сократилась в 4 раза, а смертность среди заболевших – вдвое. На содержание этих пунктов, число которых превысило 15, в 1897 г. было отпущено 400 тыс. рублей. Ссуды на домообзаведение на местах водворения стали достигать в иных местах до 100 рублей на семью, в степных районах заранее для переселенцев сооружались лесные склады.

Особенно интенсивно осуществлялось переселение из Тамбовской губернии в Сибирь, на Дальний восток и Алтай в последней четверти XIX века. Так, за семь лет с 1887 по 1893 г. на границе Сибири было зарегистрировано 6796 семей переселенцев из Тамбовской губернии. По количеству переселенцев её опередила только Курская губерния, далее шли со значительным отставанием Воронежская, Вятская, Самарская, Полтавская, Рязанская, Пензенская и др.

Регистрация переселенцев, проведённая в Алтайском округе с 1884 по 1893 г., показала, что наибольший их приток приходится на выходцев из Тамбовской губернии – 37918 душ, затем из Курской – 35150 душ, Воронежской – 21823, Рязанской – 17138, Пензенской – 7023 и т. д. Ещё в первой половине XIX века на Алтае выходцами из Тамбовской губернии было основано село Тальменка. По некоторым данным, основали его братья Ерофей и Антон Казанцевы с сыновьями из села Горелое и Степан Худяков из Пушкарей [других сведений пока не получено. – *Примеч. автора*]. Из села Кочетовка Изосимовской волости Козловского уезда на Алтай переселилось большое семейство во главе с Яковом Лазаревичем Нечаевым, 43 лет, с женой, тремя

взрослыми сыновьями, дочерью, внучками и 80-летним отцом Лазарем. В настоящее время потомки кочетовских Нечаевых живут на Алтае, в Приморском крае, среди них – сотрудники прокуратуры, крупные фермеры, военнослужащие. О своих тамбовских корнях помнят.

Когда-то ещё в XIX веке потомками пришедших в Сибирь с Ермаком казаков было основано село Колыванское Павловского района Алтайского края, а в 1890 г. к ним была подселена крупная партия выходцев из сёл Тамбовского уезда. По переписи 1911 г., в этом селе значилось 8 семей Стрыгиных, 7 – Загузовых, 6 – Татариновых, 5 – Дряневых, по 4 семьи – Скоковых, Корякиных, Пудовкиных, по 3 – Синельниковых, Макаровых. Помимо упомянутых здесь проживали также Филатовы, Воротниковы, Банниковы, Бирюковы, Кобзевы, Мещеряковы, Хаустовы, Воеводины, Горшковы.

Вместе с этой партией, спасаясь от нужды и безземелья, в Колыванское прибыл и житель села Беломестная Криуша Тамбовского уезда Лукьян Спиридонович Скворцов с женой и тремя сыновьями. Прибывшие на Алтай Скворцовы, как и основавшие оренбургскую Скворцовку, являлись потомками известного по периоду освоения Тамбовского края в первой половине XVII века есаула беломестных казаков Григория Скворца. Один из сыновей Лукьяна Спиридоновича участвовал в русско-японской войне и был отмечен Георгиевским крестом, два других уже во время Первой мировой войны дослужились до офицерских чинов. Особым бесстрашием и героизмом отличался Фёдор Лукьянович. До войны он состоял на сверхсрочной службе и встретил её в чине подпрапорщика. За неполные восемь месяцев Первой мировой Фёдор становится полным Георгиевским кавалером, получив все 4 «Георгия», за проявленные неоднократно храбрость и мужество. В это время в критических ситуациях или при убытии командира он замещает должность командира роты, поэтому неслучайно уже через год с начала войны ему присваивается первый офицерский чин. Войну он закончит в звании штабс-капитана, заслужив ещё 3 офицерские ордена, будет неоднократно ранен и контужен. По прибытии на родину

он вначале будет арестован и чуть не расстрелян колчаковской контрразведкой, якобы за демонстративный отказ встать при исполнении гимна «Боже, царя храни» и большевистские суждения, затем насильно мобилизован в колчаковскую армию и погибнет в бою с красными в Пермском крае.

В истории Фёдора Скворцова имеется примечательный факт, свидетельствующий о том, что в первые десятилетия после переселения «тамбовские сибиряки» ещё долго поддерживали связи с оставшимися на тамбовщине родственниками: с фронта Фёдор Скворцов писал письма и даже направлял небольшие суммы денег с первого офицерского жалования своим родственникам в Беломестную Криушу. Потомками криушинско-колыванских Скворцовых являются наши современники – художник с мировым именем Олина Вентцель (в девичестве Скворцова), работы которой хранятся в музеях Парижа, Копенгагена, Амстердама, в США; доктор исторических наук, сотрудник РАН, Президент международной организации ученых-кавказоведов Александр Крылов.

Переселение тамбовчан на Амур и в Приморье пока ещё исследовано недостаточно. Известно, что в 1860 г. от Хабаровска вниз по Амуру ими вместе с переселенцами из других губерний было основано 9 новых поселений, в том числе Тамбовское (ныне райцентр Хабаровского края Тамбовка), позже основаны Верхнетамбовское и Нижнетамбовское и другие.

О том, что в освоении Приамурья участвовали и тамбовчане, может свидетельствовать и такой факт. В 1924 г. на территории Амурской области вспыхнуло крестьянско-казачье восстание против Советской власти, аналогичное «Антоновскому», названное историками «Зазейским». Повстанцы даже попытались создать свою народную крестьянскую республику, но были жестоко подавлены. Среди активистов и участников мы находим Алатырцевых, Баженовых, Воропаевых, Колодиных, Сяпиных, Шабановых, Тараниных, Токмаковых, Бородиных. Фамилии, столь распространенные на Тамбовщине, что возможно предположить – участниками восстания были потомки некогда переселившихся на Амур тамбовчан.

О судьбе одной из переселенческих партий в эти дальние края стоит рассказать отдельно. В 1859 г. в Тамбове была организована вторая (значит, была и первая) партия переселенцев-добровольцев на Амур из 175 человек. Основу её составляли выходцы из Куксово и Татаново Мамонтовы, Колягины, Чуксины, Кочергины, а также Арзамасцевы (с. Городище Бондарского района), Астафуровы (с. Прудки Знаменского района), Плотниковы, Поповы (с. Сурава Тамбовского района), а также Губановы, Жариковы, Пырковы, Камынины, Плетневы и другие. Долог был их путь, без малого три года потребовалось, чтобы прийти на берег Амура и основать здесь село Троицкое.

Жизнь в новых социально-экономических и, прежде всего, природных условиях на новом месте внесла серьёзные изменения в материальный быт и структуру занятий. Многие стали заниматься охотой, рыболовством, заготовкой дров для ходивших по Амуру пароходов, извозом, кустарными промыслами. Часть новопоселенцев, не желая оставлять привычное хлебопашество и находя условия для него на Амуре недостаточно подходящими, решила переселяться дальше в Приморье.

Около 200 человек из сёл Троицкое, Тамбовское, Пермское в 1864 г. переселилась на берега Японского моря в район гавани Святой Ольги. Что называется, «...и на Тихом океане свой закончили поход». Бывшие татановские крестьяне основали деревню Новинка, но и здесь часть из них не усидела из-за частых наводнений и переселилась в пригород Владивостока, где ими было создано село Шкотово. Память о переселенцах сохранилась в топонимике здешних мест до сих пор – Мамонтова падь, Пырково озеро, река Арзамазовка, Колягина падь, Мамонтов ключ, Пашкеева пристань и другие.

Видимо, именно в Шкотове неугомонные куково-татановские мужики нашли «землю обетованную». Распахивали десятки десятин пашни, заводили заимки, имели в хозяйствах по десять и более лошадей, много прочего скота. К примеру, хозяйство Ивана Константиновича Мамонтова, чуть ли не первого дальневосточника, родившегося ещё в с. Троицком на Амуре, на 1931 г. имело 10 оленей, 8 рабочих лошадей, 6 коров, 12 свиней,

два дома, заимку, сдавало на кабальных условиях 10 га пашни китайцам. Его дядька Герасим Григорьевич Мамонтов имел в своем хозяйстве 12 лошадей. Как сами понимаете, такой *вопиющей несправедливости* Советская власть потерпеть не могла, и все наши куксово-татановские дальневосточники сполна вкусили прелести коллективизации и раскулачивания. Многих уничтожили просто как класс. К слову, именно этими «мироедками» в Шкотово была построена и открыта первая школа, на себя они взяли также денежное содержание нанятого учителя [Невольно вспоминаешь описи имущества раскулаченных в Татанове, Сураве, Б. Криуше и понимаешь, какого действительно высокого благосостояния достигли на новом месте переселенцы. По сравнению с ними на Тамбовщине раскулачивали нищих! – *Примеч. автора*].

Но живучесть русского человека, в данном случае тамбовского мужика, вам, разумеется, известна. И сейчас среди потомков тех, кто ушел с Тамбовщины осваивать Сибирь и Дальний Восток, есть известные учёные, врачи, геологи, капитаны дальнего плавания, мэры дальневосточных городов.

Согласно определению закона от 18 июня 1892 г., переселение на Амур «совершается желающими *за собственный их счёт*, без всякого денежного пособия со стороны казны». При этом переселенцы освобождались от подушной подати навсегда, от рекрутской повинности – на 10 наборов, от оброчной и поземельной податей – на 20 лет, от земских повинностей – на 3 года. На семью отводилось по 100 десятин земли. По истечении 20 лет со времени водворения общества и семьи могли выкупать землю в собственность по 3 руб. за десятину. Отведённые земли следовало обработать в течение пяти лет под страхом отобрания в распоряжение казны. Местности для отвода земли переселенцам намечались правительством, но самый отвод участков производился по собственному избранию переселенцев. По закону 18 июня 1892 г. переселение на Амур допускалось для всех тех крестьян и мещан, которые выполняли требования закона относительно выхода из состава прежних обществ и оказывались имеющими средства, достаточные для переселения и водворе-

ния в новом месте жительства без всякого пособия от казны.

Наиболее широкого развития достигли две группы мер, осуществляемые правительством в лице его ведомств и в незначительной степени благотворительными организациями и сообществами самих переселенцев. Меры эти имели между собой мало общего: создание сельскохозяйственных складов и церковное строительство в переселенческих поселках. Склады, первоначально возникшие в ведомстве Министерства земледелия в 1897 г., были переданы в ведение Переселенческого управления, в распоряжение которого был предоставлен и значительный оборотный капитал – свыше 300 тыс. рублей. Обороты складов быстро достигли весьма значительных размеров. За один 1902 г. было продано 7176 плугов, 1597 сабанов, 1034 сенокосилки, 1062 конных грабель, 1261 жатвенных машин, 603 веялки, 157 молотилок, много кос, серпов, невыделанного железа и т. п. Деятельность складов часто критиковалась за чрезмерно коммерческое направление, за недостаточную согласованность их работы с местными условиями и с видами улучшения агрономической техники у переселенцев и т. п., и эти обвинения, по-видимому, имеют немало оснований. Тем не менее, заслуга складов очень велика: они широко раскрыли двери для проникновения к переселенцам и сибирским старожилам орудий и машин заводского производства.

Церковное строительство происходило за счёт частных пожертвований, сбор и заведывание которыми были возложены на Подготовительную комиссию Сибирского комитета. До 1 августа 1903 г. в так называемый «Фонд императора Александра III» поступило для этой цели 1823127 рублей. На эти деньги была предпринята постройка 218 церквей и 184 школьных зданий, из которых 146 церквей и 167 школ к тому же времени были готовы и освящены. По принятой комиссией системе на постройку каждой церкви и школы ассигновалась только часть необходимых средств; остальное относилось на счёт добровольного участия заинтересованного населения.

В период столыпинских реформ царское правительство, в первую очередь, стремилось по возможности расширить и уси-

лить переселенческое движение и этим способом разрядить на местах выхода ту напряжённую атмосферу, которая выражалась в погромах и иных аграрных беспорядках 1905 года. Сибирский комитет, в чьих руках с начала 1893 г. сосредоточивалось высшее заведывание переселением, в конце 1905 г. был официально закрыт; законодательные и сметные вопросы перешли в ведение Государственного совета, распорядительные – в ведение подлежащих ведомств. Указом 6 мая 1905 г. Переселенческое управление и все дела, касающиеся переселения, переданы из Министерства внутренних дел в Главное управление земледелия и землеустройства [бывшее Министерство земледелия. – *Прим. автора*]. С начала 1906 г. вводится новая местная организация, при которой землеотводные партии сливаются в одно целое с учреждениями по водворению и устройству на местах переселенцев.

Если большинство правительственных чиновников смотрело на переселение с опасением и недоброжелательством, то со стороны прогрессивно мыслящих представителей общественности делались постоянные попытки доказать неосновательность такого отношения и показать важное положительное значение переселения в общей системе аграрной политики. Ещё князем Васильчиковым была высказана мысль, что «никакой аграрный и социальный строй не может быть признан довершённым, полным и прочным, если он не дополняется правильной системой колонизации». Россия – это подчеркивалось многими авторами – поставлена в этом отношении в особо благоприятные условия, так как у нас переселение не имеет характера эмиграции и не приносит государству никакой потери в населении, а напротив, способствует приобщению к культуре обширных незаселённых территорий и увеличивает мощь народа и государства. Писатели народнического направления подчеркивали, что «колонизация есть самое могучее средство к расширению народного землевладения» (Южаков). Непосредственное следствие колонизации – разрежение населения там, где ничтожный земельный надел ведёт к ненормальному повышению арендных цен и понижению заработков; поэтому переселение – необходимое звено в цепи

мероприятий, направленных на улучшение условий крестьянских заработков и аренд (Южаков, Тернер).

В заключение хотелось бы сказать, что предложенный читателю материал лишь в малой степени приоткрывает пласт отечественной истории, связанной с переселением и освоением огромных территорий Южного Урала, Алтая, Сибири и Дальнего Востока, и касается в основном переселения из Тамбовской губернии. Данная тема настолько объемна и многогранна, что требует самого тщательного и детального исследования. Её актуальность связана ещё и с реальной угрозой потери некогда освоенных нашими предками дальневосточных земель в результате «тихого и мирного» давления со стороны южного соседа [о том, что угроза реальна автор, долгое время изучавший Китай, может судить достаточно обоснованно. – *Примеч. автора*]. Об особенностях постепенного заселения китайцами Хабаровского и в Приморского краев с цифрами в руках и аналитическими выкладками на ближайшие десятилетия (ныне большинство из них подтвердились) ещё в конце 1980-х годов предупреждала Жанна Антоновна Зайончковская, создатель и долгие годы руководитель Центра миграционных исследований [На одном из переселенческих форумов в конце 90-х годов в Москве автору посчастливилось немало общаться с этим замечательным исследователем и человеком и обсуждать как раз проблемы «китайской» миграции. – *Примеч. автора*]. Жанне Антоновне принадлежат слова: «От миграции прямо зависит будущее России. Ведь «демографическое одеяло» нашей страны слишком тонкое. Если натянешь в одном месте, образуется прореха в другом. Поэтому без мигрантов нам никак не обойтись». Не профессор, не доктор наук, она стала, тем не менее, той авторитетной «инстанцией» в вопросах миграции, к которой обращаются «за последним словом» журналисты, отечественные и зарубежные учёные и даже Президент страны.

Нынешнему российскому руководству, придающему должное внимание такому колоссальному с точки зрения экономического потенциала региону страны, как Сибирь и Даль-

ний Восток и делающему некоторые шаги в создании заинтересованности людей закрепляться в этих районах (достаточно вспомнить «дальневосточные бесплатные гектары»), необходимо обратить внимание на огромный столетний опыт дореволюционной России по переселению и освоению этих земель. Разумеется, экономическая и, в первую очередь, демографическая ситуация в стране очень отлична от той, что вызывала переселение из избыточных людским ресурсом центральных районов России в XIX – начале XX века. В этой связи на память приходят мои собственные наблюдения о двух поездках, имевших место с разницей почти в тридцать лет. Первая относится к началу 1990-х, когда, будучи в командировке в Хабаровском крае, я обратил внимание на обширную делянку молодого леса в сотню гектаров. На моё замечание о заслуживающей похвалы деятельности лесоводов местный собеседник угрюмо пояснил, что это тайга «наступает» и «самосевом» осваивает бывшие пашни бывшего колхоза. А ещё запомнился одинокий бородатый и белый, как лунь, старик на завалинке своего дома в некогда многолюдном селе на высоком берегу Амура, покинутом его жителями. Последний житель умершего села, судя по возрасту, вероятно, помнивший ещё первопоселенцев. Вторая поездка связана с «Золотым кольцом», исконно русскими районами Ярославля, Владимира, Суздаля. Свернув с «благоустроенных» туристических трасс, я почти полдня ехал по приличной асфальтовой дороге, которая следовала через заброшенные русские деревни с почерневшими дивными наличниками и заколоченными накрест ставнями. Как и то дальневосточное село, эти деревни были покинуты жителями. И это всего в двухстах километрах от Москвы.

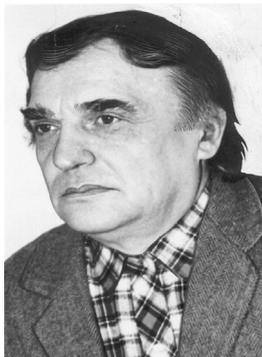
Проблем, связанных с построением продуманной миграционной политики не перечислить. Тем не менее, хочется верить, что Россия как всегда найдёт решение и этих проблем. Найдёт, как это часто бывало в её истории, не благодаря кому-то и чему-то, а вопреки. Найдёт непременно, следует только чаще обращаться к собственному, хоть изрядно и подзабытому опыту.

Автор выражает искреннюю благодарность представителям администраций и жителям оренбургских сёл Адамовка, Романовка, Скворцовка, Баженовка, Н. Гумбет и других за помощь в сборе материалов о «тамбовских» переселенцах и их потомках и, прежде всего, Наталье Алексеевне Колубаевой, потомку тамбовских переселенцев из с. Адамовка, известному оренбургскому краеведу, этнографу, за многолетнее плодотворное сотрудничество.

Список использованной литературы

1. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие. СПб., 1877.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2786. Л. 32, 35.
3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 49. Оп. 1. Д. 167.
4. Заселение и освоение Приамурья в документах. URL: <http://www.amurobl.ru/wps/portal>. Загл. с экрана.
5. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
6. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии. СПб., 1895.
7. Краткий очерк Алтайского горного округа. СПб., 1896.
8. Крылов А.Б. Сибирские полки на германском фронте. М., 2014.
9. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М., 1896. (Записки Приамурского отделения Географического общества. Т. II. Вып. 2).
10. Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского права / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. С. 327-360.
11. Ольгинско-шкотовский родословец. История в родословных и документах / П.П. Ковальков [и др.]; Примор. гос. объедин. музей им. В.К. Арсеньева, Дальневост. Арсеньев. центр. Владивосток, 2006.

12. Отчёт статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела // Русские ведомости. 1897. Вып. 76; 90.
13. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 347. Оп. 1. Д. 982. Л. 1-3.
14. Справочные издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. 18. Переселение в Сибирь. СПб., 1905.
15. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае. Иркутск, 1889.
16. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. 1-е изд. СПб., 1882; 2-е изд. СПб., 1892.

ИВАН ЕЛЕГЕЧЕВ

Иван Захарович Елегечев родился 24 июля 1927 года в деревне Кожевниково Томской области. Он считал себя и сибирским писателем, и тамбовским. А правильнее, и с полным основанием, его можно назвать русским писателем. У него было нелёгкое детство, как и у большинства людей его поколения, чьё взросление пришлось на 1930-е годы. Он служил в армии, прошёл такую трудовую школу, которая закалила его характер, дала силы на последующие десятилетия жизни и творчества.

В 1962 году Елегечев окончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская А. Я. Каплера), работал редактором Томского книжного издательства, около десяти лет руководил Томской областной писательской организацией. В Сибири он написал несколько романов, повестей, рассказов, которые печатались не только в местных издательствах, но и в Москве. Книги «Дивкорень», «Тунгузский бор», «На Чулым-реке» и другие не остались незамеченными и в Москве, и вскоре произведения писателя стали издаваться и в столице.

В Тамбов писатель приехал в 1976 году. И сразу стал самым активным автором Центрально-Чернозёмного книжного издательства. В Тамбове им созданы произведения на исторические темы: романы «Мангазея», «Зима». Он первым из тамбовских писателей решился на разработку широкомасштабной темы – о пребывании в Тамбовском крае поэта и государственного деятеля Гаврилы Романовича Державина. Елегечеву удалось, на основе архивных материалов, силой своего таланта,

создать истинно человеческий образ Державина. Роман «Губернатор», изданный в 1987 году, - это огромный историко-художественный, краеведческий пласт, поднятый сибиряком, не знавшим до 1976 года (времени приезда в Тамбов) об особенностях Тамбовской губернии, но сумевшего за очень короткий срок «войти в тему».

Позже Елегечев написал на основе романа «Губернатор» пьесу «Что есть истина», поставленную Тамбовским областным драматическим театром и имевшую огромный успех. Через двадцать лет после написания пьесы «Что есть истина» у Ивана Захаровича Елегечева вышел в Тамбове под таким же названием однотомник-трилогия с подзаголовком: «Приснопамятный рассказ о России». В аннотации к нему говорится: «Книга Ивана Захаровича Елегечева “Что есть истина” была издана в Тамбове в 2003 году за счёт средств автора. Тираж её был всего 50 экземпляров. По этой причине трилогия, в которой с наибольшей полнотой раскрывается образ Г. Р. Державина, в библиотеки области не поступила. В вышедшем в 1987 году в Воронеже романе Елегечева “Губернатор” были сокращены несколько глав. В новом издании он опубликован полностью. Учитывая интерес к личности поэта и государственного деятеля, управление культуры и архивного дела Тамбовской области приняло решение издать трилогию Ивана Захаровича Елегечева, которая и вышла в 2008 году тиражом в 500 экземпляров. Книги писателя не простаивают на полках: их читают, по ним не раз проводились читательские конференции в школах, их используют на уроках краеведения. Очерк о жизни и творчестве Ивана Захаровича Елегечева, фрагменты его произведений вошли в учебник «Литературное краеведение» для 8 - 9-х классов, а фрагменты произведений – в хрестоматию.

Автор очерка о писателе – профессор ТГУ им. Г.Р. Державина, доктор филологических наук Лариса Васильевна Полякова - напоминает: «В мае 1988 года в Тамбове проходило выездное заседание совета по прозе Союза писателей РСФСР. Тогда, в общем, положительную оценку Сергея Есина получил роман Ивана Елегечева «Губернатор». Московский прозаик от-

метил, что произведение написано с любовью автора к своим героям, со знанием истории, что в романе господствует стихия просвещения, радуют этнография и язык текста. Вместе с тем он говорил и о некоторой эскизности характера Державина, о нарушении чувства меры в использовании языка отдалённой от нас эпохи, о приглушённости звучания наиболее актуальных сегодня вопросов чести, совести, нравственности, в силу чего роман, по его мнению, сохраняет лишь краеведческое значение. Со стороны присутствующих в зале были предприняты попытки оспорить последнее положение Есина. И, конечно, эти попытки небезосновательны...»

«Да, - продолжает Лариса Васильевна, - работа тамбовского прозаика вызывает споры. Ряд вопросов к автору можно выстроить достаточно внушительный. Надо ли было, к примеру, столь очевидно, как это сделано в романе, - и есть ли для этого бесспорные исторические основания, - раскрывать царистские иллюзии Державина? Можно ли «Губернатора» назвать «исторической хроникой», как он представлен в издательской аннотации? Как вообще можно написать исторический роман на основе столь ограниченного географического и хронологического отрезка и менее чем трёхлетнего пребывания Державина в должности наместника на Тамбовской земле? Эти и другие вопросы – знак сложности, многомерности авторского замысла, но вовсе не слабости его художественного исполнения. В том-то и особенность романа «Губернатор», что на полянке жизненного материала распахано романное поле, на сугубо краеведческой основе создано произведение о России 80-х годов XVIII столетия. Действие переносится в самые разные концы империи, вплоть до Сибири, прочные нити связывают «забытый богом» Тамбов со столицей, раскрыты нравы двора. Произведение явно написано с проекцией на современность. В полный голос звучит тема истинного, действенного патриотизма. И здесь фигура Державина оказывается наиболее удачным материалом для писателя...»

Иван Захарович Елегечев прожил долгую, богатую на события, плодотворную жизнь, 1 июля 2011 года писателя не стало

Сочинения:

Елегечев И. В русском лесу: Рассказы. – М., 1981.

Елегечев И. Мангазея: Роман. – Воронеж, 1982.

Елегечев И. Зима: Роман. – Воронеж, 1984.

Елегечев И. Губернатор: Исторический роман. – Воронеж, 1987.

Елегечев И. Оккупация: Роман. Тамбов, 1991.

Елегечев И. Избранное в 2-х т. – Тамбов, 2002.

Елегечев И. Бью челом!...: Трагедия. – Тамбов, 2006.

Елегечев И. Голгофа: Роман-трагедия в 2-х т. – Тамбов, 2007.

Елегечев И. Что есть истина: Приснопамятный рассказ о России. – Тамбов, 2008.

Губернатор

(фрагмент романа)

1. Находка

Шел 1787 год. Было начало лета. Раззеленелись, раскудрявились леса. В низинах всхлипывали, надрывно стонали лупастые лягвы. С веток деревьев вторили им соловьи - птицы, чья усладительная песнь может разбередить самую черствую душу.

По ухабистой дороге близ Тамбова, подпрыгивая, катилась коляска, запряженная парой гнедых. В коробке, сплетенном из краснопрутника и черемухи, восседали трое - два господина и возчик. Господа - это Матвей Петров сын Бородин, купец первой гильдии, и чиновничек губернский Михайло Иванович Ушаков. Купец в серьезных годах уже был, телом заматерел, будто ветла корявая, пустившая в глыбь земли прочные корни. Смотрел на мир уверенно и смышлено, в движениях - сила и независимость, обретенные трудами долгой жизни. Говорил он немного и не спеша, зная себе цену. Борода у него богатая, с кучерявостью, нос прямой и толстый, - что говорило о нраве неуступчивом и крутом. Летний купеческого покроя кафтан туго облегал его налитую, кряжистую фигуру.

А Михайло Ушаков был еще не стар. В мелких чертах его заурядного лица ничего примечательного, и только глубоко

посаженные, маленькие глазки глядели вокруг с какой-то особенной, настоженной завистью. В Тамбове после начальника губернии он занимал второе видное место председателя Казенной палаты и вице-губернатора в одном лице, в связи с чем он никогда не расставался с синим дворянским мундиром, подаренным ему, как и всему русскому дворянству, ея императорским величеством совокупно с некоторыми вольностями: освобождением от обязательной для всех военной службы, разрешением заграничных поездок и кое-чего другого. Ввиду сырости и прохлады раннего утра на Ушакове поверх мундира была надета плащевая накидка, а шляпу с пером он бережно удерживал в руках, оставаясь в парике, посыпанном не то пудрой, не то мукой. Гнедыми правил, сидя на облучке спиной к господам, крепостной человек Ушакова, парень лет восемнадцати, Аким Босой, одетый, как и все его крестьянское сословие, в хрящ да лыко.

Час был ранний. Утро едва занималось. Из леса, застилая дорогу, волнисто наплывал туман. Оранжевое небо на востоке предвещало вёдро. У Михайлы Ушакова с Матвеем Бородиным давнее взаимовыгодное знатство. На паях совместно они держат винокуренный завод, небольшой, правда, но вполне достаточный, чтобы, при нынешнем спросе на хлебное горячее вино, благодарить судьбу и прославлять вольности, дарованные нежной Матерью Отечества царицей Екатериной. При прежнем начальнике губернии Григории Дмитриевиче Макарове, человеке сходственном, слабым и попустительным ко всяким нарушениям законности и порядка, эта винокурня, или корчма, не считалась тайной, и в Медвежий лог, где она располагалась, вела торная дорога. Но при новом начальнике губернии, действительном статском советнике Гаврииле Романовиче Державине, некогда служившем экзекутором в канцелярии генерал-прокурора Вяземского, винокурню пришлось объявить тайной, а на проторенную ранее дорогу навалить дубовую засеку. С тех пор и приходится нашим винокурщикам, дабы не платить большого налога за винокурение или, хуже того, по царицыному указу не угодить на каторгу в Сибирь или на солдатскую службу, пробираться в Медвежий лог, а также и выбираться обратно темными

чащобами через колдобины и корневища.

Неудобная лесная дорога, доставлявшая путникам немалое беспокойство, располагала к невеселым размышлениям, и они повели беседу о нынешнем начальнике губернии, по милости которого приходится нести такие необычные лишения, кои раньше и не снились им.

- Умен, умен, ничего не скажешь, - с кривою усмешкою на лице начал Михайло Иванович. - Кажется, разбуди его среди ночи - спросонок ответит наизусть любой параграф. Начальный человек, персона! И смел, и дерзостен. Макаров тихо жил: ни в сенат с письмом, ни насчет повышения в чине - ни о чем таком и думать не могли. Державин иной. Да и то, друзей в сенате, что грибов в лукошке. Все это для нас бы и славно, да одно худо: дотошен. Взять ту же нашу с тобой соль. Оно, конечно, скажу справедливости ради, наши люди, пристава то есть, при продаже завышают цены. Это верно. Однако не вмешайся он, не понесли бы мы с тобой убыток...

- То-то и оно, - видя, что Ушаков замолчал для передышки, начал в свою очередь Бородин. - Сам знаешь, я человек простой, за границей меня всяким премудростям не обучали, при дворе я не скоморошничал, как иные прочие, трюфелями да вустрицами не набивал брюхо, дедовскою пищею измлада довольствуюсь. Пришел, знаешь, к нему с визитом, ну, как водится, и дары от простоты душевной с собой прихватил. Подношу - не берет да еще и сердает. Ну, думаю, тут что-то для нас и вовсе неясное. Ведь как у нас: дают - бери, бьют - беги. А ежли ты нюх, значит, воротить на сторону, то ты ненашенский. Кто может взять, тот и даст. Неберущий опасный, что волк...

- А ведь не все этак-то рассуждают, - сетовал Ушаков. - Некоторые почтение ему, да еще какое, оказывают. Возьми того же Петра Чичерина, верхнего расправщика.

- А как же иначе, Михайло Иванович? - ровно бубнил Матвей Петрович. - Петра Чичерин чего хочет? Патент на звание надворного советника. А как заполучит он патент в свои лапушки, так Гавриил свет Романович ему от века веков не нужен сделается. Петра Чичерин - голова, вся губерния у него в подчинении. Ему,

знаешь, Петре Васильичу, незачем, как нам с тобой, горемычным, по винокурням ночами шмыгать, чтоб удостовериться, что вино курится без остановки. Ему на дом, чего его душенька ни заприхотничит, то и притащут в мешке али в коробе, да еще и в ножки упадут из благодарности, что не обидел - принял. Так-то, друг мой! И жена у него, у Петры, Аксинья Егоровна, голова. Ох, голова!.. - Матвей Петров сын Бородин засмеялся, обнажив желтые, зубы. - Она, знаешь, самолично каждому подсудному назначает дар, какой тот должен принести. Ты, братец, говорит, в убыток меня не вводи. Мне, говорит, для лакея надобно новую ливрею пошить, а она, ливрея-то, по нынешним ценам кусается. И коляску обить опять же по-новому надобно. Так что, говорит, меньше, чем на тыщу, мы с тобой, братец, не сойдемся!..

- А ежели его раскусит Державин? - скривил в улыбке уголок рта Ушаков.

- О-хо-хо! - с насмешкой выдохнул Бородин. - Оглядишь, родимый: много ли за взятки по тюрьмам людей страждет? Ни одного. Еще царь Петр Первый, сказывают, взяткобрателей притеснял, да и тот никакого успеха не добился. А при нынешних порядках... Снизу доверху... Зато и нам, доброхотным давателям, никаких притеснений. Взаимно...

Так по-душевному сетовали между собой великатный купец с губернским чиновником. А молодой кучерок, кудлатый красавчик в рубахе из хряща и новых, из лыка лаптях, лишь краем уха вслушиваясь в речи начальных людей, негромко понукал коней и, глядя по сторонам, весело, по-молодому по-свистывал. Душа его ликовала при виде зари и наступающего дня. Он радовался, что побывает в губернии, то есть в Тамбове, высадив господ, он непременно сходит на городское шумное торжище, купит у коробейника леденцов, для чего у него давно сохраняется полушка, поглазеет на людей, позубоскалит с городскими разряженными девками, полюбуется, может быть, если пофартит, дракой посреди улицы. Доволен был Аким Босой в то утро всем светом и по-своему счастлив. Он полагал, что ему повезло в жизни как никому. В деревне Блудовой, что возле Лысой горы, где он жил когда-то с отцом и матерью, крепост-

ными господина Ушакова, его донимали тягостной барщиной, приходилось зачастую и ночами робить. А в Медвежьем логу, на винокурне, он - подкурор, помогает винокуру в ночных работах. Правда, и тут не разоспишься, зато не строжится над тобой бур-мистр и не грозит плетью...

Неожиданно мысли Акима о своем подневольном счастьеце оборвались. Тпр-р-ру! Остановив коней, он забросил на спину кореннику волосяные вожжи, спрыгнул с облучка и отбежал в сторону. Задрав кверху кудлатую льняную голову, так и замер на месте.

- Чего ты, Акимка, самовольничаешь? - Строго обратился к своему человеку Ушаков. - Некогда, надобно ехать!

- Глядите, глядите! - будто не слыша приказа барина, радостно кричал Аким Босой. - Чудо! Смотрите же! Батюшка барин, чудо!

- Какое такое еще чудо? ,

- Чудо! Чудо! - в радостном удивлении вопил Аким. - Отродясь не видывал!

Делать нечего, хоть и торопятя дельцы, но и его степенством, купцом, но и его превосходительством, председателем, овладело любопытство. Вылезли они из коляски и приблизились к зашедшемуся в крике холопу.

- Гляньте, гляньте! Паутинка...

Винокурщики вгляделись туда, куда указывал рукой Аким, и то, что они увидели, потрясло их. Невысоко над землей, между нижними ветками дерева, на толстых нитях была натянута чудная мизгириная тенёта. Причудливую красоту замысловато переплетенных нитей подчеркивала осевшая на тенёту ночная роса. Как нарочно, в ту минуту, когда взгляд людей был прикован к лесной диковинке, начался солновосход. Луч света, тронувший тенёту, заставил мельчайшие капельки росы на тонких нитях заиграть чудесно всеми цветами. Тенёта вдруг затрепыхалась, радужные тона волнами побежали по ее поверхности - внимание всех привлекла запутавшаяся в этой тенёте малая птичка с красным хохолком - поползень.. Поползень бился крыльями и попискивал, но вырваться из силков не мог. Птичка

билась, но к ней уже, покинув кокон величиной с воронье яйцо, полз на многих быстрых ножках головастый мизгирь.

Позар был восхитительный. Михайло Иваныч с Матвеем Петровичем, позабыв про дела, залюбовались тем, как мизгирь ускорял конец попавшейся в его ловчие сети жертвы, - опутывал ее клейкой, бесконечно вытягивающейся из него нитью.

- Каждый день я взираю на свет божий и, чем ни больше живу, все сильнее дивлюсь: преизобильна и велика земля русская есть! - по своему обыкновению бубнящим голосом растроганно заговорил купчина. - И чего у нас только нету! И птица Сирин, и Жар-птица, и сова, и филин, и орел! А из зверей - и вепрь, и чекалка, и волк, и медведь, и этот мизгирь! Но все это открытое и видимое. А как много своих чудес земля сохраняет в тайне! Благословенна наша земля, всему свету на удивление, а нам на радость...

Дельцы, наблюдая за расправой мизгирия над малой птичкой, философствовали. Сами не замечая того, они словно уподоблялись ныне царствующей во Христе Екатерине, на римский лад названной правительствующим сенатом Матерью Отечества, которая, переписываясь с великими французскими вольнодумцами Вольтером и Дидро, на всю Европу вещала о свободе, равенстве, братстве и воле для народа, а сама тем временем опутывала крепостными тенетами все новые и новые толпы русского крестьянства.

Что до Акима Босого, крепостного паренька, то он, не слышавший никогда о Вольтере и Дидро, не рассуждавший о свободе для русского человека, побуждаемый естественным в сем случае стремлением - помочь слабому, схватил с земли корявую ветку и хотел убить мизгирия. Однако хищник, ловкий на ноги, ускользнул с быстротою молнии куда-то вверх. Аким, приподнявшись на цыпочки, осторожно освободил поползния от нитей и отпустил его на волю. А тенёту, величиной с добрый полшалак, снял с дерева и натянул между рогульками ветки, которою он чуть было не прикончил мизгирия.

- Ну-ка, дай посмотрю, что за штука! - Бородин взял из рук Акима ветку с натянутой на нее тенётой и стал рассматривать.

- Вот так находка! Кто поверит, что сие выткал мизгирь? Дело рук искусного ткача - вот что это такое!..

- Удивительно! - восхищался и Ушаков, рассматривая со стороны чудесную находку. - Будто кто нарочно повесил...

- Ладно, любуйся не любуйся, а товар чужой, его, наверно, ни за какие деньги не купишь, - пробубнил Бородин и протянул ветку с тенётой Ушакову. - Бери, Михайла Иваныч, владей! Раз твой человек нашел-твое.

- Не надобно! - брезгливо отстранился Ушаков.- Кто заручится, что сии узоры не нечистого рук дело?

- Зря брезгуешь, - изрек Матвей Бородин. - Анчутке такое не по силам выткать, сие дело божье. Не берешь - я приму, может, для чего и пригодится...

Аким, сидя на облучке, больше не насвистывал, сердясь на жадного купчину. Он был крайне раздосадован: удивительная находка уплыла у него из рук.

Как большинство губернских городов России, выросших на месте старинных острогов, коими в старину Русь оборонялась от набегов недружелюбных степных народов, Тамбов-град поначалу утвердился на высоте над рекой Цной да над речушками поменьше в размерах - Студенцом, Гаврюшкой, Ржавцом и Чумарсой. К 1787 году от старинного острога в Тамбове почти ничего не осталось - ни бревенчатых палисадов, ни башен. Лишь сохранившиеся названия напоминают о сравнительно недавних временах, когда Тамбов, уподобляясь воину, вел бессменную сторожевую службу на российской Украине. Названия эти: кремль - сердцевина города, Стрелецкая слобода вкупе с Полковой и Пушкарской, а также и Инвалидной - все звучит напоминанием о героической эпохе, пережитой в свое время Тамбовом.

А всего в Тамбове слобод пять. Кроме перечисленных есть самая, пожалуй, большая слобода - это Покровская и еще посад, что находится на западной окраине города. По всем слободам Тамбова, и на посаде, и на городском торжище, и на слободских торжках, и в винных лавках, и в питейном заведении «Таврида», и в Теплом трактире - повсюду только и слышно, что

о диковинной тенёте, найденной в ближнем лесу купчиной Бородиным, Тенёта сравнительно невелика, как сказано, с полушалоком, но людская молва, склонная к преувеличениям, приписывает ей размеры необыкновенные. Иные утверждают, что тенёта величиною с сажень, а иные - в две. Находятся и такие, кои клянутся и божатся, что тенёта так велика, что ее можно сравнить с рыбацкой сетью, с помощью которой рыбаки на Волге ловят белугу. Разговоры, мечтания, мысли, и работный, и мещанин, и ремесленник или еще кто-нибудь из нечиновных мнит сам про себя каждый: а что за находка, что за тенёта? Говорят, красы неопикуемой! А кто ее сплел?.. Долго ломает голову какой-нибудь мудрец, лежа на полатях: кому приспичило повесить на древе в лесу чудную тенёту? Вдруг подпрыгнул мудрец, вскрикнув от боли, ибо в задумчивости головой столкнулся с потолком, стал слезать кряхтя... Ушаков - чиновный, дворянин, учен, давно в просвещенных ходит, - как увидел ту тенёту, так тотчас и осенило: анчуткина эта работушка! А мудрецу на полатях надо было целый день затратить в размышлениях, чтобы догадаться: дело рук черта! И как только дошло это до возлежащего на полатях, так он тотчас слез с высоты - и в подполья. А в подпольях у него железная банка зарыта, а в той железной банке казна сложностью в полтора рубля. Изъяв из железной банки три-четыре копейки, со всех ног летит, осененный, в Теплый трактир, ввиду лета открытый для всех, послушать, что глаголят там о купецкой находке. Отыскал за щербатым столом для себя местечко, пристроился, озирается, притрагивается губами к железной кружке с пивом, слушает.

Среди осененных пивных и винных сидельцев восседает Тришенька, искусный Преображенского собора звонарь, в морщинах, тощий, с тоненькой, будто соломинка, шейкой. Рядом с ним его друг, однодворец из города Козлова Петр Михайлович Захарьин, прозванный Аполлониусом. Захарьин невысок, мордаст, глаза светлые, рот чувственный - знак, что до вина охотник. Тришенька четверть часа назад изводил изречь истину, а винные сидельцы уметнулись распространять ее по городу. Теперь Тришенька окружен новым застольем, ждет, когда его угостят, а он

в ответ изволит понову для удовольствия слушателей сообщить истинное.

Нетерпение пивных и винных сидельцев будто железка на огне накалилось. На середину стола, как выкуп за желанную всеми истину, поставлены железные кружки, наполненные до краев хмельным напитком. Захарьин, или Аполлониус, толкает Тришеньку в бок локтем, дескать, пора, начинай! И звонарь, еще чуть-чуть помедлив для весу, делает сообщение.

- Своими глазами я видел эту тенёту, - говорит, не моргнув, Тришенька. - На телеге ее везли. Для пробы на площади растянули во всю длину. То не простая тенёта - из жил. А какие жилы, то ли человечьи, то ли бычьи, я не разобрался. Слышно, ею купцы хотят город оплести.

- Погибель, что ли, Тришенька, на нас надвигается? - испуганным голосом спрашивает мудрец с дымных полатей. - Как же так? А власть-то где же? Ужель на купчину управы нету?

- А вот насчет этого не мое дело, - отвечает Тришенька. - Знаю, что из жил она сплетена, что ею город Тамбов хочет оплести, а больше ничего.

«Ой-ой, беда-то какая! - Шепчут вполголоса сидельцы. - Из жил». Испив до дна свою чашу, пивные и винные один по одному уметываются из трактира - распространять повсюду добытый во хмелю истинный глагол. Среди них и мудрец с полатей, А Тришенька с Аполлониусом сидят за столом, скромно пригнув плечи, ждут, когда вокруг них соберется новая толпа людей, охочих до сногшибательных слухов.

Вначале слух о диковинной паутинке посетил черные избицы простонародья. Далее, обрастая все новыми и новыми подробностями, слух птицей влетел через открытые по лету окошки и двери в казенные заведения, где подьячие и писчики, стряпчие и письмоводы, привыкшие все истолковывать вкривь и вкось, придали фантастическому слуху земное назначение. Так, в Казенной палате, коею ведал господин Ушаков, ничтоже сумняшеся утверждали, что паутинка есть не что иное, как аллегория, рассчитанная на дураков. Никакой тенёты-паутинки на свете нет, все сие досужий вымысел. Просто Матвей Петров

сын Бородин собирается за винный откуп заплатить Казенной палате меньше, чем следует. А хлебных вин, как чужого, так и собственного производства, он хочет продавать в два-три раза больше. А по деревням он намерен понастроить побольше винных выставок, завести новые погреба, и погребки, и лавки, и лавочки, на перекрестьях и раздорожицах воздвигнуть новые трактиры, - вот и готова будет паутина для всей губернии, в нее не только что простой мужичонка угодит как муха, - там найдется место и для добычи покрупнее, например для дворян, кои без службы, обрета вольные вольности и синий мундир, проживают в своих поместьях и праздно бездельничают.

А иные из стряпчих более дальновидно стояли на том, что Бородин намерен, преследуя цели выгоды, объявить себя банкротом, а чтоб не заподозрили его в притворстве, обвешать себя погремушками, как писали в газетах о некоем петербургском купце, и провозгласить себя королем Мальты.

Слух о паутине наконец достиг домов и дворянского сословия. Благородные дворяне, облаченные по приказу в новый мундир, с женами и дочерьми, принаряженными в причудливые платья новейшей французской моды, отправились группами и в одиночку с визитом к именитому купчине. Кто только в эти дни не побывал у Матвея Бородина! Ехали в каретах, шли пешком. Конечно, случись такое необыкновенное происшествие лет сто пятьдесят тому, когда в Тамбове из правящих зданий стояла одна съезжая изба, где заседал за столом воевода, не умевший даже расписаться и действовавший все больше рукоприкладно, когда на весь острог был лишь один грамотей - письменный голова, ведавший всеми как частными, так и казенными письменными делами, - являться тогда с просвещенными визитами к купцу или кому-либо другому было бы просто некому. А сейчас, полтора века спустя, многое переменилось. Вместо одной съезжей избы столько зданий понастроено, что со счета можно сбиться. И губернское, или наместническое правление, и Приказ общественного призрения, и городской магистрат, и банковская контора, и казначейство, и Почтовый двор... А судов! И Нижняя-то расправа, и Верхняя - расправляться покруче; и Совестный суд - судить по совести; и

губернский суд - судить всех поголовно. В каждой палате, конторе, суде и расправе - свои начальные люди, советники, их помощники, помощники помощников и еще раз помощники. А у последних помогал - свои подручные и вымогатели. А у подручных - писчики. А у писчиков - копиисты. Чиновное преизобилье! И все это многолюдство в тыщу и больше сотоварищей, будто сговорясь, из любопытства далеко не праздного, валом валит к Матвею Бородину - посмотреть на удивительную находку.

Показывая ее каждому из гостей, слыша слова восхищения и зависти, Матвей Бородин изрекал каждый раз одно и то же.

- Да, господа, преизобильна и богата земля русская есть, - говорил он. - И чего в ней только не обретается! Звери снедные и хищные, и птицы, и рыбы, и насекомые. Чудо из чудес земля наша русская есть. Обойди весь свет, где ты сыщешь такую тварь, коя соткала бы на дереве такие чудные узоры! Эти узоры, скажу вам, господа, по совести, не стыдно будет преподнести в дар не токмо что какой-нибудь княгине, но даже и самой государыне царице-матушке.

Этими словами Бородин встретил и Матвея Дмитриевича Булдакова, посетившего дом его любопытства ради. Булдаков, полковник и кавалер, исполняющий должность коменданта и городничего в одном лице, уже в годах, дороден; мундир ему несколько тесноват, ибо к старости Матвей Дмитриевич заметно полнеет. Как городничий Булдаков опекает город, следит всюду: на торжках и торжищах, в церквах и на площадях, - за порядком. Как комендант он командует губернской ротой, состоящей из солдат-курьеров, кои несут охрану казенных зданий и совершают курьерские поездки с пакетами в города ближние, а также в Москву и Петербург. Булдаков кругл лицом, носаст, брови клочкастые, седые, глазки маленькие, густой бас его и оглушительный смех знакомы каждому обывателю Тамбова. Чиновные люди и купечество относятся к нему с опаскою: Булдаков в тесном дружестве с губернатором Державиным.

- Находка, господин Бородин, в самом деле ценная, - сказал Булдаков. - Только послушайся ты меня: ушли ее куда-нибудь подальше, чтобы у нас в Тамбове смуты она не сеяла. Раз-

ное говорят. -И, больше ни слова не прибавив, удалился.

- А фигу от меня не хошь! -; вслед Булдакову в сердцах проворчал Бородин, когда за ним закрылась дверь. - Так я тебя и послушался, губернаторский прихвостень!..

И все же владеть диковинной паутинкой Бородину не довелось. На другой день после посещения Булдакова к нему наведались супруги Чичерины - Петр Васильевич и Аксинья Егоровна. Председатель Верхней расправы Петр Васильевич Чичерин - человек еще не старый, некогда послуживший в Измайловском полку; при перевороте, в июне 1762 года, он дежурил в солдатской поварне, по этой причине отличен и пожалован ничем не был и, пользуясь своим правом, удалился в отставку в чине сержанта. За помещьем его с двумястами душ, с рыбными ловлями и бобровым гоном на реке Цне, с пахотными землями, сенокосными угодьями следит толковый управляющий, а сам Петр Васильевич совместно с женой Аксиньей Егоровной крепко удерживает в руках место судейского председателя, очень выгодное и доходное, если доверять суждению Матвея Бородина. А как не доверять, ежели в самом деле лакей у него разодет в ливрею, какие носят лакеи питерские, стоящие у дверей самых именитых господ империи. И слуг он одевает роскошно, напоказ. А разъезжает Петр Васильевич в карете раззолоченной, кони же у него породистые - с завода его сиятельства графа Воронцова.

Повелителем и распорядителем в доме Чичериных, как утверждал в разговоре с Ушаковым Бородин, была Аксинья Егоровна. Это не злословие - истина. Аксинья Егоровна руководит и помещьем, и слугами, и Верхнею расправою. Приговор над подсудным сначала изрекает Аксинья Егоровна, а вслед за ней от имени правительствующего Сената, императрицы и законов изрекает его в суде Петр Васильевич. Аксинья Егоровна дородна, темноволоса, у нее черные как сажа глаза и мужеподобное лицо. Одевается Аксинья Егоровна, полагаясь на свой личный вкус, а также и на моду: до тринадцати юбок, придающих ей особую дородность и вальяжность, носит.

Осмотрев тенёту и восхитившись ею, Аксинья Егоровна изрекла:

- Эта паутинка, Матвей Петрович, мне пришлось по нраву, - твердо выговорила она. - Позволь, ваше степенство, я поблагодарю тебя за сей подарок. - И расправная судыха, приблизясь, приложилась щекой к бороде купца. - У тебя эта находка будет пролеживать место в твоей избе без дела, только, может, ради похвальбы. А мне она сослужит великую службу.

Матвей Петров сын Бородин не ожидал подобной выходки со стороны судыхи и растерялся, не зная, то ли ему сопротивляться, то ли покориться судьбе. Подумав и сообразив, он решил на последнее, ибо расправного суда боялся больше огня.

- Я рад, Аксинья Егоровна, что угодил персоне вашей милости. Бери и владей навечно! Ежли признаться, то я и приберегал-то ее до твоего прихода, чтобы тебя, мою красавицу, обрадовать.

- Вот мы с тобой и сговорились, - победительно молвила Аксинья Егоровна. - Мы с тобой, Матвей Петрович, люди простые, но с понятием, на полету излавливаем мысли один другого.

По уходе расправных повелителей Тамбова Матвею Бородину захотелось напиться, тем более что любопытные шли и шли, а хвалиться больше было нечем: уплыла из рук паутинная диковинка.

«С.-Петербург, Зимний дворец, статс-секретарю графу Александру Петровичу Ермолову.

Сиятельнейший граф! В ответ на Ваше письмо имею честь с великой радостью сообщить Вам, Александр Петрович, что деревенька в 200 душ, кою можно было бы купить в Тамбовской губернии, мною подыскана. Место благодатное, чернозем глубокий, сенокосные угодья близко, лес не тронут, рыбные ловли изобильные, крестьяне расторопные. Если соблаговолите приказать, я от Вашего имени произведу сию покупку и обо всем тотчас поспешу уведомить Вас письмом.

Вы изволили, сиятельнейший граф, искренно обрадовать меня поручением подыскать для Вас доброго выездного коня рыже-соловой масти. Спешу сообщить с извинениями, что оный жеребец для свершения покупки еще, к сожалению, не найден, но мне на днях докладывали, что есть достойный Вашего сиятельства

на примете рыже-соловый конь, потребно только уговорить хозяина, который чего-то ломается и гнет цену. Но сие я беру на себя, так что вскоре я буду рад доложить Вашему сиятельству о свершении покупки и о высылке коня в Петербург.

Вместе с этим письмом Вы получите диковинную находку-паутинку. Человек, нашедший ее, дворянин, председатель Верхней расправы Петр Васильевич Чичерин (дело его, между прочим, о пожаловании ему звания надворного советника находится на рассмотрении в сенате), осмеливается припасть к священным стопам ея императорского величества и всепокорнейше просить монархиню принять от него в дар сию диковинку-паутинку как некое чудо, которое взор ея величества усладить и обрадовать может.

С низжайшим почтением к Вашему сиятельству

Гавриил Державин».

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА

«Я верю, что ничто не проходит бесследно...»

Чеховский след в истории и культуре

купеческого Моршанска

Герою чеховской повести «Моя жизнь» принадлежит слова: «Я верю, что ничто не проходит бесследно, и каждый шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни».

В удивительной истории семьи А.П. Чехова особое значение сыграл купеческий Моршанск, место, где родилась мать выдающегося писателя. Моршанск – крупнейший внутрироссийский речной хлебный порт рубежа XVIII–XIX столетий – явился той культурной средой, которая повлияла на формирование жизненного уклада и быта семьи Чеховых, нашла отражение в таланте Антона Павловича.

Обладая природой наблюдательностью, способностью разбираться в людях, подмечать типажи и их характеры, мелкие детали обстановки, А.П. Чехов мастерски изобразил объемную реалистичную картину повседневной жизни российского провинциального обывателя и его внутреннего мира, наполненного

Григорьева Лидия Викторовна родилась в г. Тамбове, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина, факультет культурологи по специальности музейное дело и охрана памятников. С 2014 г. - заместитель заведующего Моршанского историко-художественного музея. Лидия Викторовна - автор оригинальных музейных экспозиционных и научно-просветительских проектов, а также ряда научных и научно-популярных публикаций на историко-культурную и краеведческую темы.

душевными драмами и нравственными исканиями. Особым даром писателя стал его притягательный язык, доступный, легкий и ясный, льющийся, как чистый и свежий родник.

Творческая личность Чехова, происходившего из купечества, вобрала в себя все лучшие качества этого особенного сословия. Именно купечество владело наибольшими практическими знаниями о людях, изучало пристрастия и вкусы своего разноликого покупателя. Купечество представляло собой кровеносную систему страны. Не будучи привязанным к земле, оно было мобильным, двигалось вслед за течением капиталов, часто перемещалось на значительные расстояния, накапливая колоссальный житейский опыт. Купечество играло роль связующего звена между сословиями, хорошо знало жизнь и крепостных и дворян, объединяя народную патриархальную и учёную демократическую культуры.

Одним из центров купеческой жизни стал стремительно развивавшийся Моршанск, преобразованный в 1779 г. из села Морша в город. Он выгодно расположился на самой южной границе приокской водной системы. Формировавшийся на пристанях города транзитный торговый караван, получивший название «моршанский хлебный караван», приобрёл общероссийскую известность как весьма прибыльное занятие, позволявшее при удачном стечении обстоятельств обогатиться в один год.

Первый моршанский краевед, основатель музея, П.П. Иванов описывает жизнь Моршанска в период работы каравана следующим образом: «С установившимся санным путем купеческие приказчики, маклеры и частично сами купцы отправлялись ни места скупать хлеб. Хлеб свозился на Моршанскую пристань на подводах со всей Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской и Пензенской губерний. Всю зиму Моршанские улицы, площади и пригороды были заставлены подводами с хлебом. Скупленный хлеб ссыпался в обширные купеческие амбары, сараи и кладовые.

В 1783 г. 7-го марта в Моршанск въехало 11560 подвод с хлебом, а выехало 3829 подвод; а 8-го марта въехало 13191 подвода, а выехало 7 102 подводы.

В это время бойко производилась купцами и мещанами мелкая (розничная) торговля разной снедью.

Водяная мельница графа Кутайсова в 50 поставов, 200 ветряных мельниц, 100 круподерок работали полным ходом: рожь и горох превращали в муку, гречиху – в крупу. В зимнее время от 700 до 1000 судов располагались на стоянке по реке Цне на 40 верст (от города Моршанска до села Носины).

В начале января месяца в город Моршанск прибывали из разных городов Поволжья купцы (гости) покупать хлеб, сортировать, молотить и грузить его на суда. К 25-му марта (на Благовещение) из Рязанской губернии и частью из дальних сел Шацкого уезда в Моршанск приходили пешком крестьяне – бурлаки, нанятые уже ранее на местах и получившие задатки, а некоторые наниматься вновь. Их приходило от 24000 до 35000 человек. Раннею весною эти бурлаки наводняли Моршанск, размещались в пригородах и ближайших селах по реке Цне... В марте месяце приходили и грузчики из ближайших к Моршанску сел: Устья, Карели, Алкужи и Серповое...

Как только полая вода пойдет на убыль, начинается отправка всего каравана судов с соблюдением очереди: последними отплывали суда от Моршанской набережной. На набережной у собора стояла мачта, на которую в день отправки судов поднимался царский трехцветный флаг; купцы служили молебен с водосвятием; торговый депутат (начальник хлебной биржи) делал распоряжения и отправлял суда. Водный депутат (водяной барин) сопровождал в пути весь караван судов. В летнее время торговая деятельность в Моршанске замирала. Купцы и мещане прохлаждались...» .

Моршанский торговый караван для многих крепостных центральной России был единственным путем стать свободными, основать свои купеческие династии. Он кардинально изменил жизнь предков Чехова по материнской линии, крепостных крестьян деревни Фофаново близ с. Хотимль (ныне Ивановской обл.) Дед Евгении Яковлевны Чеховой Герасим Никитич Морозов зарабатывал отхожим промыслом, был офеней, торговал в разнос «красным товаром» (текстилем), присоединился к мор-

шанскому каравану, приобрел собственные баржи. Накопив достаточный капитал, Герасим Никитич в 1817 г. выкупил на волю у помещика А.И. Татаринцева себя и свою семью. Получив вольную, он приписался к купцам Гавриловского посада Владимирской губернии. Благоприятные обстоятельства позволили ему в дальнейшем открыть постоянную мануфактурную торговлю в Моршанске. Торговля шелковыми, хлопчатобумажными, шерстяными тканями, а также чаем, сахаром, москательным, кожаным и мелочным товаром, фарфоровой, глиняной, деревянной посудой и самоварами в первой половине XIX в., помимо продажи сельхозпродукции, являлась основным занятием моршанцев.

Продолжая жить на родине, Г.Н. Морозов в 1823 г. приписался к моршанским купцам, а в 1825 г. перешёл в моршанские мещане. В этом же году Герасим Никитич умер от паралича и был похоронен в с. Хотимль.

Вдова Герасима Никитича Татьяна Леонтьевна и дети Алексей, Яков, Федор и Мария переселились в привлекательный для предприимчивых людей Моршанск. Губернские власти уделяли пристальное внимание развитию молодого города, особенно тщательно проявляли заботу о процветании приносящих прибыль в казну мещанам и купцам, создавая наилучшие условия «полезным» сословиям для занятия своими промыслами. Благодаря устремлениям тамбовского наместника Г.Р. Державина, ещё в 1786 г. наместническим правлением было принято постановление, предписывающее выделять земли купеческому и мещанскому сословиям для заселения по центральным улицам и площадям, где им удобнее заниматься своим трудом.

«В 1830-е гг. в Моршанске насчитывалось 5 церквей (4 каменных и 1 деревянная), 137 каменных и 651 деревянный домов, 32 моста, 12 гатей, 3 площади, пристань, почтовая станция с 8 лошадьми, 80 каменных лавок и 69 деревянных, 6 «ренсковых погребов», магазин, 300 «амбаров хлебных», 6 тракторов, 2 харчевни, 6 питейных домов и 2 «публичных гульбища»... Больница и богадельня».

В памяти моршанцев сохранилось место проживания

матери А.П. Чехова, Евгении Яковлевны и её семьи. Данные о доме Морозовых были выявлены ведущим моршанским краеведом и журналистом И.А. Озарновым. Рубленный деревянный дом на высоком каменном фундаменте с пятью продолговатыми окнами по фасаду существует и в настоящее время. Обветшавшее здание в начале двухтысячных было обложено кирпичом. Дом находится в престижном районе, на центральной улице города, бывшей Тамбовской (Интернациональная, 37). Так, например, поблизости от Морозовых, в огромном каменном особняке, построенном в конце XVIII в. в романо-готическом стиле, обитали влиятельные купцы-хлеботорговцы, меценаты и общественные деятели Платицины, с противоположной стороны – хлеботорговцы, владельцы ветряков и барж Житковы. Неподаляку от дома Морозовых прямо по улице открывалась Базарная площадь, а через два небольших квартала вдоль Набережной протекала Цна с обустроенной пристанью.

Темой неизвестных страниц моршанской ветви рода Чеховых в разные годы занимались тамбовские краеведы А.М. Белкин и А.С. Чернов. А.С. Черновым в Государственном архиве Тамбовской области впервые было обнаружено метрическое свидетельство с записью даты рождения Евгении Яковлевны, поставившее точку в спорах места и даты рождения матери Антона Павловича. Историком М.К. Акользиной в монографии «Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX вв.)» опубликованы записи метрических ведомостей и ревизских сказок Софийской соборной и Покрово-Вознесенской церковью за 1825–1838 гг., хранящихся в ГАТО и позволяющих досконально проследить моршанскую родословную Морозовых в первой половине XIX столетия.

Дед А.П. Чехова Яков Герасимович родился в деревне Фофаново около 1800 г., в 1820 г. женился на Александре Ивановне – дочери московского купца Ивана Матвеевича Кохмакова из крестьян-иконописцев деревни Сергеево близ Палеха. Яков Герасимович с супругой Александрой Ивановной прожили в Моршанске не менее десяти лет. «После 1820 г. имя Якова совсем не упоминается в метрических книгах хотимльской церкви,

вероятно, он уже к тому времени прочно обосновался в городе Моршанске Тамбовской губернии». Юношей он помогал отцу в торговле мануфактурой. После смерти отца, по всей вероятности, Яков Герасимович вместе со старшим братом Алексеем унаследовали его дело, участвовали в моршанском караване в 1826 г. В 1827 г. Алексей Герасимович записался в моршанское купечество. Видимо, братья разделились и стали вести дела обособленно. Яков Герасимович продолжил заниматься торговлей мануфактурой, работая с большим размахом: «знался с французами, которые называли его «мосье Морозофф», часто бывал в разъездах на значительной территории – от Владимирской губернии до Новочеркасска. В 1831 г. он был записан в моршанские купцы 3-й гильдии.

В Моршанске родились дети Я.Г. Морозова и были крещены в Софийской соборной церкви, старейшем каменном храме города. Он строился в традициях деревянного зодчества на средства московских купцов Копейкиных, был освящен в 1753 г. Главный храм моршанского края типичный своей конструкцией: восьмерик на четверике с трапезной и пристроенной двухъярусной шатровой колокольней, – отличался богатством внутреннего убранства. Его особенностью были встроенные с внешней стороны колокольни часы – необходимый атрибут деловой жизни портового города. Софийская церковь возвышалась на просторной площади у Моршанской пристани – месте торжественной отправки торгового каравана. Дочь Евгения, согласно метрической ведомости, родилась 15 декабря, крещена 17 декабря 1830 г.

К середине 1830-х гг. торговые дела Якова Герасимовича в Моршанске расстроились, и в 1834 г. он приписался к таганрогскому купечеству, стал комиссионером бывшего таганрогского градоначальника П.А. Папкова, имевшего на Донбассе суконную фабрику, открыл торговлю сушеной рыбой в Ростове. Скорее всего, к этому времени семья покинула Моршанск.

На время долгих отлучек мужа Александра Ивановна часто с детьми гостила у сестры Марии Ивановны Пряхиной в Шуе. В 1847 г. в одной из торговых поездок, находясь в Новочеркасске, Я.Г. Морозов скоропостижно умер от холеры. В это

время Александра Ивановна была в Шуе, где случился сильный пожар, в котором пострадало имущество Морозовых. Собрав жалкие пожитки и забрав дочерей Феодосию, которой было 22 года, и Евгению 12 лет, она пустилась в опасное путешествие на телеге через безлюдную степь искать могилу мужа и его имущество. В Новочеркасске Александра Ивановна не нашла пожитков супруга. Семья вновь отправилась в тяжелую поездку, но уже в Таганрог, где после длительных скитаний нашла приют в доме П.А. Папкова. Сын Иван с детских лет сопровождал отца в коммерческих делах. Смерть Якова Герасимовича застала 19-летнего юношу в Ростове. Иван переселился в Таганрог к своей семье и поступил к купцу Кобылину в колониальный магазин, где работал его знакомый Павел Егорович Чехов.

В Таганроге Евгения была определена в частный институт благородных девиц, через брата Ивана познакомилась с Павлом Чеховым и в 1854 г. вышла за него замуж. Молодая чета Чеховых в первые годы прожила в доме Папкова у Морозовых. Евгению Яковлевну всегда отличало гостеприимство. Она была прекрасная хозяйка, очень заботливая и любящая, жила исключительно жизнью детей и мужа. Иван и Феодосия принимали участие в воспитании детей Чеховых. Феодосия, выданная замуж за торговца красным товаром А.Б. Долженко, была «ласковая, спокойная, с выдержанным характером... оказывала большое влияние на детей, будучи одарена фантазией и юмором, рассказывала интересные истории». Иван очень дружил с мальчиками Чеховых. Отличался глубокой порядочностью, был всесторонне одаренным человеком: играл на музыкальных инструментах, владел несколькими иностранными языками. Рисовал портреты и композиции, умел исключительно готовить, мастерил различные механизмы и модели, но совершенно не имел коммерческой жилки.

Семейства братьев и сестры Якова Герасимовича по всей вероятности осели в Моршанске. Старший брат Алексей был дважды женат на представительницах знатнейших моршанских купеческих семей – Фоминых и Тюлюкиных. Второй брат Федор, состоявший в мещанском моршанском обществе,

повенчался с вольноотпущенной крестьянкой влиятельнейших тамбовских помещиков Нарышкиных Анной Петровной Щелаквиной. Сестра Мария Герасимовна вышла замуж за купецкого сына Петра Казьмича Рязанова. Рязановы, как и Тюлюкины, держали по берегу Цны солотопни, бывшие одним из самых прибыльных занятий.

Можно предположить, что с моршанскими родственниками семья Якова Герасимовича имела сдержанные отношения. Попав в тяжелую ситуацию, Александра Ивановна не обратилась к ним за помощью и не искала приюта в их домах. Традиционно в патриархальных купеческих семьях с обособленным капиталом снохи принимались неохотно. Обедневшая вдова с дочерьми, которым необходимо готовить приданое, едва ли была желанным родственником. Данное обстоятельство объясняет, почему в семье Антона Павловича забылись и долгое время оставались неизвестным место и даже дата рождения горячо любимой детьми Евгении Яковлевны. Сложные и драматические отношения в купеческих семьях, где деньги играли наиважнейшую роль, были предметом внимания А.П. Чехова и показаны во многих его произведениях, наиболее ярким из которых является повесть «В враге».

Чеховская тема в современном Моршанске прослеживается в собрании Моршанского историко-художественного музея, сосредоточившего в своих фондах историко-культурное наследие края. Среди его шедевров есть коллекция купеческого портрета XVIII – начала XX вв., сохранившая образы современников Якова Герасимовича Морозова и его семьи – купцов, участвовавших в «моршанском караване». Среди персонажей портретной галереи есть фамилии знакомых Морозовым семейств Медведевых, Скосыревых, Фоминых и др. Эта коллекция живописно демонстрирует картину провинциального моршанского купеческого быта. Портреты выполнены художниками-самоучками, их стиль и характер отражает представления об искусстве городских обывателей. Подобные портреты были необходимым атрибутом в доме, служили не только показателем определенного жизненного уровня и положения в обществе, но и являлись

символом власти глав семейств, надолго уезжавших по торговым делам, в их отсутствии.

Купеческий портрет наиболее близок по своему звучанию к образу художественного мира, созданного А.П. Чеховым. Исследователь творчества Антона Павловича М.П. Громов отметил: «Боль и страдания, страсть таятся от внешнего мира, скрываются от посторонних глаз, и не должно казаться удивительным, что Чехов так часто писал о молчании». Персонажи, изображенные на портретах, безмолвно смотрят на зрителя, который, изучая черты лица, мимику, позу и жесты, одежду, раскрывает историю героя, написанную художником.

Журналист Н.М. Чуженькова отыскала любопытную легенду, бытующую в Моршанске и свидетельствующую, что горожане по-прежнему ощущают свою причастность к личности А.П. Чехова: «Некий моршанец рассказывал о том, что его покойный знакомый хранил удивительный снимок А.П. Чехова. Писатель запечатлен на нём со своим моршанским родственником. Этот снимок якобы был сделан в Моршанске, о чем говорит и подпись на фото».

В истории и культуре Моршанска семья А.П. Чехова оставила глубокий след, став своеобразным символом его купеческого прошлого. Изучение моршанской ветви родословной прославленного писателя позволяет узнать в деталях, как протекала будничная жизнь портового города и его обывателей, делает живыми и красочными страницы истории моршанской провинции.

АНДРЕЙ КРУЖНОВ

Говорливый Баран

(Рассказ, Лауреат конкурса «Бумажный ранет – 2014» г. Москва)

Свой путь в большое искусство Фёдор Семёнович Большаков выбирал не сам: он не стоял на перепутье, мучительно раздумывая над вопросом «стоит или не стоит», не переписывал в два столбика все за и против, он позволил судьбе взять его за шиворот и вытащить прямо на театральную сцену. Но обо всём по порядку.

До своего большого пути в искусство Фёдор Семёнович, вернее, тогда ещё Федя, работал сантехником в маленьком районном городке Лоснёвске. Он чинил унитазы, менял водопроводные трубы, ловко наворачивал паклю на резьбу, не отказывался, если давали на «поллитру», и был душой компании, когда все работяги собирались в курилке, резались в карты и травили скабрёзные анекдоты. Он в лицах рассказывал анекдоты про русских и чукчей, мог показать своих заказчиков, у которых только что

Кружнов Андрей Эдуардович, родился в 1962 г. в Гродно. Закончил режиссёрско-театральное отделение ТФ МГИК и Литинститут им. Горького (отделение драматургии). Автор сборника пьес «От сказки до фарса», книги «Юмористические рассказы об актёрах, о любви и глупости» и др. Печатался в альманахах, журналах Москвы, Тамбова, Махачкалы и Кинешмы. Монодрама «Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера» дипломант трёх театральных фестивалей. Лауреат литературной премии «Бумажный ранет-2014» в Москве. Член Союза писателей России

менял кран или раковину, пересмеивал их манеры, что-то при-
вирал, что-то преувеличивал, но всегда всё получалось очень
смешно и его даже прозвали Артистом. Этим прозвищем Федя
гордился и порой сам подсказывал новичкам, как его следует
называть.

К вахтёру Евсеичу иногда на работу заживал внук,
приносил ему кильку в горчичном маринаде, которую тот любил
так же, как «остограться перед обедом». Внук, все его звали
Кореш, был рыжий и весёлый, он играл на гитаре в городском
саду на танцплощадке, поэтому считался продвинутой лично-
стью и пользовался авторитетом у простых работяг. Правда, во
время разговора их больше интересовало, сколько баб было у
Кореша, скольких он успел «шпокнуть» и есть ли шанс у про-
стого сантехника подцепить на ночь «классную чувиху». Не
надо забывать, что это были времена Советского Союза, когда
слово «секс» и «проститутка» считались только ругательными.

Однажды Федя и Кореш встретились в курилке после
обеда, когда хорошо остогранные мужики хлопали ко-
стяшками домино об истёртый линолеум на столе и над ними
висело сизое облако папиросного дыма. Кореш встал напротив
Фёдора, но крикнул почему-то всем мужикам: «Мужики, кто за
двадцатку дурью хочет помяться?» «Мы тут все дурью маем-
ся, прохрипел ему кто-то под общий смехок. Чего делать-то?»
После того как Кореш объяснил, что надо делать, все потеря-
ли к нему интерес и продолжили забивать козла. «Вона Федьку
возьми, он у нас артист, ему на людях что в рейтузах, что в каске
всё по барабану», съязвил кто-то. Фёдор не воспринял это как
оскорбление, снисходительно улыбнулся и ответил: «А чего же
отказываться, если приглашают. Искусство я люблю».

А дело было вот в чём: к какому-то молодёжному праз-
нику в городском саду готовили концерт. Этот концерт готовился
для областного комсомольского начальства, поэтому все творче-
ские силы Лоснёвска стягивались для одного мощного культур-
ного удара. Тут был местный народный театр, детский хор и хор
ветеранов, танцевально-акробатическая группа из спортшколы,
вокально-инструментальный ансамбль «Лоснёвские рассветы»

с Корешом и ещё россыпь местных талантов. Группа Кореша должна была исполнять модную тогда песню Пугачёвой «Арлекино» и для большего эффекта они хотели выпустить на сцену клоунов и силачей. Клоуны быстренько нашлись в народном театре, а вот с силачами вышла загвоздка, из спортшколы никто не хотел дурачиться перед земляками, а те кто хотел дурачиться, по внешнему виду не подходили на эту роль. Федя Большаков был настоящей находкой! Небольшого роста, коренастый, с надутыми бицепсами, бычьей шеей и кривыми мускулистыми ногами. Кажется, он говорил, что в школьную пору серьёзно занимался штангой. На Фёдора надели полосатый костюм циркового борца, дали пенопластовые гири и показали, что надо делать.

Во время концерта Федя старался сверх меры: бегал по сцене, размахивая гириями, вылезал на авансцену, хотя ему это было строго-настрого запрещено, чтобы не перекрывать музыкантов и певца. Кореш во время номера, отвернувшись от микрофона, шипел, что он «сухой будет завалит этого барана», но... Концерт начальству понравился, и федины неуклюжие шалости сразу же забылись. Вернее, не просто забылись, а стали предметом доброго зубоскальства.

Во время обширного банкета, который был дан для областного начальства, худрук народного театра пригласил Федю в свою труппу. Фёдор не стал противиться судьбе и решил, что если она даёт ему шанс, то было бы глупо им не воспользоваться. Молодой, говорливый, крепкий парень сразу же понравился артистам-любителям, тем более что такого типажа в труппе не было.

Фёдор стал приходить на свою старую работу в галстук и в белой рубаше, чем вызвал изумление мужиков и оторопь начальства. Перестал в обед со всеми выпивать, травить анекдоты и частенько заглядывал в книжный магазин неподалёку. Мужики решили, что он просто выделяется, и однажды по пьяной лавочке хотели ему наkostenять. Подвернувшийся под пиво Кореш наплёл им, что ихний сантехник-артист влюбился в одну артисточку, всю из себя, мол, ищет к ней подкаты, но пока безрезультатно. Когда всё быстро и легко объяснилось стремлением к

бабскому телу, мужики махнули рукой на Федыку и вывели свой неутешительный диагноз пацан пропал.

Сколько бы этот «актёрский бзик» длился неизвестно, но через два года жизнь парня сделала крутой поворот. Из соседнего райцентра в Лоснёвск приехал главный режиссёр городского профессионального театра Зигмунд Верховецкий. Он был в приятельских отношениях с худруком народного театра, поэтому попросился посмотреть у того молодых актёров для массовки в своём спектакле про Дон Кихота. Когда Верховецкий увидел на сцене скуластого крепкого, будто вытесанного топориком, Федю Большакова, он даже подскочил на стуле: «Это мой Санчо Панса! Отдай мне его, Христом-богом прошу!» Он тут же пообещал Фёдору дать однокомнатную квартиру и пригласил работать в профессиональный театр.

Фёдор не стал взвешивать все за и против, написал заявление об уходе и тётке, у которой жил в квартире, сказал, что не собирается гоняться за синей птицей удачи, но если уж она сама летит в руки, то зачем швырять в неё камни.

Для начала молодого артиста поселили в общежитие от завода полимеров, дали подъёмные и в первый же день начали вводить на роль Санчо Пансы. Режиссёр был так очарован внешним обликом Большакова, что готов был терпеть его неумение говорить и держаться на сцене. Всю его текстовую роль сильно сократили, оставив незначительные реплики, чтобы не мучить слух искушённого зрителя. Фёдор, как по команде: улыбался, кланялся, бегал, падал, смотрел влево и вправо, чесался, пил, стучал себя по животу, взмахивал руками, фыркал губами, притопывал и даже громко икал, чем вызывал гогот публики. Бывшая любовница Верховецкого, а ныне просто заслуженная артистка Аида Салтанова, сеяла за кулисами панику: «Он сошёл с ума, посмотрите, кого он выпустил на сцену! Это же не артист, это механическая кукла!». Но Верховецкий был и в самом деле загипнотизирован зрительским смехом и коренастым новичком, который, наверное, единственный изо всех артистов, кто даже морщил нос и моргал по команде режиссёра.

Иногда в театре бывает ситуация, когда очень сложно

определить, получился спектакль или нет. С одной стороны, публика смеётся и аплодирует, с другой стороны, взыскательные театралы и заслуженные артисты недовольны, называют спектакль дешёвкой, сиюминутной халтурой, говорят, что режиссёр заигрывает с обывателем и опускается до пошлых приёмчиков. В такой щекотливой ситуации главный режиссёр театра, как правило, уверяет, что он протягивает руку зрителю, дабы затем поднять его до своих высот. Вот и сейчас, когда непрофессиональный, неопытный артист, как говорили в труппе «мальчик с улицы», был сразу же поставлен на ведущую роль, главный режиссёр стал играть роль мудрого удачливого авантюриста, которого затерзали глупыми вопросами. «Фактурный парень, ну что вы в самом деле! Верховецкий пыхтел сигаретой и шагал по кабинету, где с серьёзными лицами сидели члены художественного совета театра. У нас в сказках даже Ивана-дурака сыграть некому». После этих слов Аида Салтанова поднялась с места во весь рост и произнесла: «Неправда, Зигмунд Давудович, у нас есть молодые артисты, которые только что окончили театральное училище». «Это доходяги, а не артисты! парировал Верховецкий. А в вашем театральном училище их учили только читать басни с выражением, вместо того чтобы научить их проживать на сцене жизнь своего персонажа!» «Извините, но я сама окончила театральное училище...» «Я тоже, знаете, не на помойке нашёлся, обрезал сразу же главный режиссёр. Если вам не нравится наш театр, я вас не держу». В общем, главный режиссёр одержал свою маленькую победу и с этого момента началась театральная карьера Фёдора Большакова.

Вернее было сказать, не карьера, а работа в театре, потому что через год Верховецкий улетел за синей птицей удачи на Сахалин, да так и остался там. Многие говорили, что изжила из театра его «бывшая», Аида, мол, она несколько раз ходила к городскому начальству и требовала спасти театр, вырвать его из рук пошлого непрофессионала. После отъезда Верховецкого спектакль про Дон Кихота убрали из репертуара.

Крупных и серьёзных ролей наподобие Санчо Пансы у Фёдора Большакова теперь не стало. С тех пор ему приходилось

играть только в детских спектаклях, да и то лишь в эпизодах. Чаще всего эти спектакли игрались не на основной театральной сцене, а где-нибудь на выездах в холодных сельских клубах, в детских садах или в школьных спортзалах. Кто-то Фёдора жалел, кто-то подсмеивался над ним, а кто-то издевался и хамил в лицо. Как правило, хамили молодые артисты и заслуженные: молодые считали, что за ними будущее, а заслуженные были уверены, что держат в руках настоящее. Тётушки из гардероба и с вахты его жалели, а подсмеивались над ним монтировщики и рабочие сцены. «Федька, иди к нам в монтировщики, балагурили они, растаскивая декорации после спектакля. Хватит уже кроликов играть. Здоровый мужик, в штанах вон дети пищат, а прыгаешь по сцене в колготах, как пидорас какой-то». Но в характере Фёдора было ещё и упрямство, наверное, воспитанное в деревенском детстве тяжёлым и монотонным трудом. Хотя многие называли это твердолобостью: Федя мог посмеяться над самим собой на насмешки он никогда не обижался или устало отмахнуться, но все знали, что и завтра, и послезавтра, и через месяц он будет прыгать зайчиком в этих дурацких полинявших лосинах, так же будет в стареньком автобусе после спектакля жевать ливерную колбасу вприкуску со сгущёнкой и рассказывать анекдоты про русских и чукчей...

И вот, как пишут в голливудских фильмах, прошло двадцать восемь лет. Федя превратился в артиста Фёдора Семёновича Большакова. Его сверстники-актёры либо стали заслуженными, либо спились и были уволены, либо уже давно поменяли профессию и ушли кто в бизнес, а кто на госслужбу. Но в жизни Большакова не произошло серьёзных изменений. Он по-прежнему играл небольшие роли, чаще всего в сказках. Роли для него подбирались бессловесные или с незначительным количеством букв, так как в театре сложилось устойчивое мнение, что Большаков глуп и косноязычен. Когда после спектакля в каком-нибудь полуразвалившемся клубе Фёдор Семёнович залезал в театральный «пазик», подсаживался к молодым артистам и начинал рассказывать анекдоты про чукчей или смешные истории из своей дотеатральной жизни, молодёжь закатывала глаза к потолку

и тяжело вздыхала. Если Фёдор Семёнович не пересаживался, молодёжь сама потихонечку рассасывалась по автобусу, и Большаков оставался один смотреть в забрызганное грязью стекло на развороченную непогодой российскую грунтовку... Когда в театре о ком-то создаётся плохое МНЕНИЕ, разрушить его бывает практически невозможно! Хоть присуждайте несчастному Нобелевскую премию, хоть снимайте его в Голливуде, всё равно за спинами будут шептать, что это плохой артист и все его награды - это блат и деньги. Большакова за глаза прозвали Чемоданом, и дружить с ним было признаком дурного вкуса. И трудно было понять, почему же сам Фёдор Семёнович не обижается на молодёжь, не требует у начальства дать ему заслуженного артиста, не выбивает у режиссёров главных ролей, не стучит себя в грудь кулаком, провозглашая: «А ты знаешь, какой артист во мне умирает, а? Гигант!» Ничего этого он не делал и не говорил.

Два раза в месяц после небольшой зарплаты и скромного аванса Большаков заходил в книжный магазинчик и покупал книжки, как правило, в твёрдых переплётах с золочёными вензелями, в каких обычно выходят произведения классиков литературы. Об этом в театре узнали от гардеробщицы, дочь которой сидела на кассе в этом самом магазинчике. «Ну правильно, самообразовывается, рассуждал начальник вахтенной службы. Только уж теперь ничем не поможешь. Смолоду учиться надо». На театральных банкетах Фёдор Семёнович, бывало, читал стихи известных поэтов, когда поднимался из-за стола с бокалом для тоста. Все томительно ждали, когда он закончит, перешёптывались и украдкой бросали себе в рот кусочки сыра и колбасы.

Личная жизнь Фёдора Семёновича в театре никак не складывалась: при виде такого низкорослого партнёра женщины снисходительно улыбались или же высокомерно смотрели поверх него. За пределами театра с женщинами Большаков замечен не был. Однажды, правда, у него чуть было не вспыхнул страстный роман с одной приезжей травести, которая в театр так же как и Фёдор Семёнович пришла из самодеятельности. Но она вовремя опомнилась и укатила в Северную столицу по приглашению какого-то главного режиссёра, где вскорости и вышла за-

муж. Её фотографию Большаков увеличил и повесил у себя над столом в гримёрной, где внизу на глянцевого уголке подписал: «Судьбе противиться не надо лишь терпеливых ждёт награда».

И вот через двадцать восемь лет безупречной службы в театре за Фёдором Ивановичем стали замечать некоторые странности, он вдруг во время спектакля самовольно подходил к рампе и начинал общаться со зрителями. Делал он это, не выходя из образа, поэтому зрители, как правило, ничего такого не замечали. Сначала помощники режиссёра закрывали на это глаза, списывая всё на «одичание и врождённый дебилизм» несчастного. Но однажды их терпение лопнуло и вот как было дело.

В одном из сельских клубов игралась очередная сказка про то, как кот, петух, баран и собака сбежали от своих жадных хозяев в лес, построили на полянке избушку и стали там жить самостоятельной и счастливой жизнью. Фёдору Ивановичу досталась роль барана: в грузном каракулевом полушубке, с массивной бараньей головой из папье-маше и фанеры он больше походил на астронавта из фантастического фильма, который прилетел с далёкой планеты, и сейчас, тяжело ступая по сцене, хочет что-то важное рассказать землянам. При появлении на сцене барана обычно беспокойная детвора замирала. Большаков относил это к своему талантливому исполнению роли и ещё более грузно шагал по сцене, широко расставляя руки и ноги. «Это что за терминатор! Что за биоробот с планеты уродов! неврас-теническим шёпотом орал за кулисами актёр Саульский, который играл собаку. Тоня! шипел он в ухо растерянной помрежке (помрежем в театре называют помощника режиссёра). Или ты пишешь на него докладную на имя главрежа, или я пишу докладную на тебя!»

Когда Большаков ввалился за кулисы в перерыве между эпизодами, к нему подбежала Тоня и начала слёзно умолять его не ходить по сцене как терминатор: «Иначе Саульский обещался написать докладную. Вы ведь знаете, он может». Фёдор Семёнович сдвинул брови и пятернёй вытер потный лоб под фанерным шлемом: «Собака она и есть собака: и сама не ест и другим не даёт. Эх! Догадал же меня чёрт родиться в России с умом и та-

лантом!» процитировал в финале он Пушкина и вновь затопал на сцену. Сам эпизод, на который он вышел, был совсем крохотный баран выскакивал на заснеженную поляну в поисках кота, тот ушёл на охоту, да так и не вернулся. Баран вглядывался в тёмный зал, озирался по сторонам, но, никого не увидев, скакал дальше в противоположные кулисы. В общем, весь эпизод занимал от силы секунд тридцать-сорок, но на этот раз всё пошло по-другому: баран вышел и вдруг сел на край авансцены! Вместо того чтобы вглядываться в темноту, он задрал огромную голову в потолок и стал мечтательно разглядывать воображаемое звёздное небо. «Сегодня всё небо усеяно звёздами, как новогодняя ёлка, загудел из своего фанерного шлема баран. Когда я гляжу на звёзды, я представляю себя маленьким принцем, который живёт во-он на той самой яркой звёздочке!.. он показал рукой вверх, и все дети тоже задрали головы. Если бы у меня была ракета, я бы, наверное, облетел все звёзды, чтобы посмотреть, где живут самые счастливые люди. Я знаю, например, что на одних планетах растут конфетные деревья и с небес льётся леденцовый дождик; а на одной большой-пребольшой планете живёт одинокий дракон, который очень любит играть в прятки. Вы ведь тоже любите играть в прятки?» спросил баран у детей и тут же услышал громкое многоголосое «да». «Когда-то у меня было очень много друзей, таких же баранов, как и я, продолжал Большаков, но потом они мне надоели, и я попал к людям. Теперь, скажу вам по секрету, мне надоели и люди. Поэтому я сбежал в лес. Здесь можно просто сидеть и смотреть на звёздное небо...»

За кулисами в это время творилось что-то невообразимое: Тоня с всклоченной головой, вылезая из-за портала, на глазах зрителей почти в полный голос умоляла Большакова покинуть сцену; монтировщики ржали до слёз, подначивая Семёныча продолжать в том же духе; а артисты Саульский и Бабков, то есть собака и петух, крыли трёхэтажным матом этого «недоноска из народного театра», этого «тупоголового уroda из художественной самодеятельности» и грозились задушить его голыми руками сразу же после спектакля. Эпизод длился уже минут

десять и неизвестно сколько бы ещё он шёл, если бы на сцену не выскочили собака и петух. «Эй, баран, крикнул петух, хлопая крыльями, полетели, за тобой уже звездолёт приземлился!» Баран искоса глянул в сторону, но так и не пошевелился. «Ты что, не видишь, у него же ноги отмёрзли!» догадалась собака и они, подхватив под руки неуклюжего барана, поволокли его за кулисы. По дороге баран потерял одну из своих кожаных чуней, за которой, стелясь по полу, проползла помрежка Тоня и вновь исчезла. В зале стояла гробовая тишина, потому что дети ни на минуту не засомневались, что в этой сказке именно так и должно быть, из-за кулис они услышали только голос собаки, который доносился как будто бы издалека: «Прощай, бара-а-ан!.. Не забывай нас на своём Ма-арсе-е-е!..» До конца спектакля барана на сцене больше не видели.

Потом были разбирательства у главного режиссёра, докладные директору, угрозы лишить его премии, злобные перешёптывания за спиной, но Фёдор Семёнович держал себя снисходительно и просто, а на все упрёки отвечал: «В тот день был очень контактный зал. Я зацепил их и потащил в сказку». «Вы слышали, что сказал этот гуманоид? возмущалась на худсовете Аида Салтанова. Он потащил их в сказку! В задницу он их потащил! Я не понимаю, как можно было столько лет держать в театре такого дебила?!».

Несмотря на инцидент, никто Фёдору Семёновичу не предлагал уволиться, просто он сам как-то зашёл к директору и тихо положил заявление на стол: «В принципе мне всего год до пенсии, пробормотал он, но я уж лучше где-нибудь в другом месте...» И Фёдор Семёнович исчез. Исчез не только из театра, но и из города, где была его однокомнатная холостяцкая квартира.

Через год по театру прошёл слух, будто Большаков устроился в другой театр, что был в соседней области, поменял туда квартиру и женился на пенсионерке. Другие говорили, не женился, потому что стал сильно занят в репертуаре, играл большие и серьёзные роли, например, капитана Блада, толстяка Ламме из «Тиля Уленшпигеля» и ещё что-то из Шекспира. Третьи говорили, что он снялся в хорошем фильме, но на съёмках поте-

рял зрение и умер во время операции, и уже посмертно получил премию за лучшую мужскую роль на каком-то фестивале. Что здесь было правдой непонятно, зато каждый мог выбрать себе самую красивую версию и рассказывать её новичкам и молодым артистам. «Мда, хороший был человек, говорил начальник вахтенной службы молодым актёрам, которые заходили к нему вскипятить чаю, и артист был хороший! Не то что эти ходят морду воротят: ни здрасьте, ни до свидания. Если помер, душа его за все муки в раю должна быть. Господи, помилуй душу мою грешную!» вздыхал он и крестился, глядя сквозь заиндевшее окно на порхающие в воздухе снежинки.

Самогон на мандариновых корках

(Почти что было)

Вячеслав имел удивительную особенность - вкусно, смачно говорить. Замечательный актёр - и с этим мало кто спорил, - но когда им произносились слова, ему не было равных. Каждое слово становилось осязаемым, имело свой вкус и запах, казалось, он не говорит, а вылавливает пельмени из кипящего душистого бульона и аккуратно укладывает их в тарелку, приправляя сверху жирной сметаной и ароматной зеленью. Даже когда он читал сонеты Шекспира или рубаи Омар Хайяма, философская глубина текста окрашивалась какой-то гастрономической загадкой.

Работницы театрального буфета Славу просто обожали, в день, когда он играл обжору и выпивоху Фальстафа, буфет за время антракта пустел, как привокзальный ларёк у вагона с дембелями. В первом акте зрители просто исходили слюной, глядя, как Слава смачно пил закрасненную под вино воду и закусывал это варёной курятиной, а если он ещё и начинал смаковать свои вкусовые ощущения, то, казалось, зритель стонал от обилия желудочного сока. Это было начало девяностых годов, когда даже водка и макароны продавались по талонам и никаких гастрономических излишеств люди позволить не могли. Видимо, это

только обостряло любовь к его таланту.

Вячеслава пустые прилавки магазинов несколько не беспокоили, он ходил на рыбалку, за грибами, засаливал капусту с огурцами в смородиновых листьях и гнал отличнейший самогон, который настаивал на мандариновых корках и ласково называл «мандариновкой». Иногда Слава приносил в театр солёных маслят и мандариновой самогонки, как он говорил «на пробу». «Душа человек! Эпикурец!» - восклицал актёр Сан Саныч, опрокинув стопочку. Потом вдруг замирал, словно прислушиваясь к себе, и блаженно поглаживая живот, произносил: «Ах ты!.. Как будто Бог в тапочках прошёл!»

Жена Таня, или как ласково её звали Тотошка, была моложе Вячеслава лет на пятнадцать, и актёры в театре поговаривали, будто бы он увлёк девчонку своими кулинарными талантами и лёгким отношением к жизни. Сама Таня только усмехалась, мол, а что такого, ну нравится ей, как он рассказывает анекдоты и солит капусту с тмином. Капуста с тмином была ещё одним фирменным блюдом, которое все в театре обожали...

В общем, когда после премьеры спектакля вставал вопрос, куда всей толпой идти отмечать это грандиозное событие, то после секундных колебаний между буфетом и Славой чаша весов склонялась в сторону Славы. Потом много лет спустя эти вечеринки, порой длившиеся до рассвета, многие вспоминали с наслаждением и тихим восторгом.

Жили они в бревенчатом доме, пахнущем древесиной и влагой, отчего казалось, что находишься в нерастопленной русской бане. Тотошка накрывала стол на застеклённой веранде, выставляла разносолы и пузатый графин с нежно-оранжевой мандариновкой. Слава обожал эти долгие, говорливые застолья, где можно было вслух смаковать тексты Бабеля, Мандельштама, Венечки Ерофеева, Хармса...

Когда Вячеслав прочитал рецепт коктейля «Слеза комсомолки», все быстренько наполнили рюмки и потянулись к закуске. «Славу-уля-я, ты чу-удный!.. - растроганно запел звукооператор Жека, размахивая дымящимся блином. - Я предлагаю выпить за настоящее Искусство!» И снова захрустели огурцы,

загремели вилки, и над столом покатился смех и ни к чему не обязывающая болтовня.

Была у Вячеслава давняя мечта купить моторную лодку с мощным мотором. «Жека, живём на Волге, а ведь разбитой посудины нету, - сказал он со вздохом, когда они вышли покурить на крыльцо. - Рыбалка, костерок. Ушица наваристая, тройная... с дымком... мм... Тройная уха - это песня!» - восклицал Слава и, не дожидаясь ответа, начинал живописать прелести готовки тройной ухи. Ещё Жека знал заветную мечту Славы проплыть всю Волгу на моторной лодке и добраться до Каспия. Ибо только там, утверждал он, можно отдохнуть душой и телом!

Прошёл год, но Слава так и не купил моторной лодки. Он сетовал, что постоянно не хватает денег, что вертится как белка в колесе, но, честно говоря, никто особой суеты не замечал. К тому времени Тотошка родила девочку, милую розовощёкую куколку с ямочками на щеках, и в глазах Вячеслава появилось беспокойство. Звукооператор Жека сказал, что вроде бы заметил Славку за сбором пустых бутылок в районе Городского сада, но в это никто не поверил. Только Сан Саныч в сердцах сплюнул и ушёл в гримёрную.

«Деньги - зло, - говорил Сан Саныч, уставившись в зеркало и размазывая вазелин по физиономии. - Но всем хочется, чтобы этого зла было как можно больше». - «Куда денешься, - вздыхал Вячеслав, тоже размазывая крем по лоснящемуся лицу, - либо мы их, либо они нас!..» Сан Саныч взглянул на сгорбленную фигуру Вячеслава, на его растерянное лицо и сердце у него ёкнуло: «Слушай, Славка, а ведь из тебя классный тамада выйдет. Знакомая у меня есть, банкетами занимается. Вот, телефончик её!» Сан Саныч из кармана пиджака вместе с крошками хлеба достал замусоленную визитку: «Я уж старый перед пьяными Ваньку-то валять, а ты – давай заарканивай!»

Это знакомство оказалось как нельзя кстати, после первого же банкета Слава стал нарасхват. Уже через год Вячеслава в городе знали практически все, включая детей и старушек. Его ни сколько не смущало, что в такой сногшибательной популярности виновато не театральное искусство, а его работа тамадой.

«А что, работа творческая, такие спектакли там закатываю, - улыбаясь, рассказывал он Сан Санычу. - Хочешь, давай вместе, а? Особо не разбогатеешь, зато на хлеб с маслом всегда будет». Сан Саныч только отмахивался и кривил рот, словно от лимона: «Не в моём возрасте на двух лошадях пахать, обойдусь».

На одном из таких банкетов с Вячеславом познакомился управляющий рекламной компанией из Москвы. В курилке Слава обрушивал на него самые модные анекдоты. Казимир Кимович, так звали управляющего, был ужасно смешливым человеком и после каждого анекдота его и без того узкие глаза превращались в две щелочки. «Азиатом удобно быть, - смеялся управляющий. - Все думают, что ты ржёшь и ни фига не видишь!»

После банкета Казимир Кимович и Слава продолжили своё знакомство и отправились на несколько дней рыбачить. Вячеслав притащил его на одно из своих любимых мест далеко от города, где в Волгу впадало сразу несколько притоков. «Это не места, это Третьяковская галерея! - Вячеслав восхищённо раскрытой ладонью провёл вдоль угасающей черты горизонта. - Левитан сейчас просто рыдает!» Конечно, там была тройная уха, разговор по душам и знаменитая славкина мандариновка...

А через месяц неожиданно для всех Вячеслав подал заявление об увольнении из театра. Прошёл слух, будто бы он решил совсем уйти в свадебно-банкетный бизнес, будто бы Тотошка стала капризной и требовала денег всё больше и больше. А вахтёр Ерофеич всем по секрету выдал, что у ребёночка славкиного какое-то загадочное заболевание, от которого доктора есть только в Америке, мол, собираются горемычные эмигрировать!..

Наверное, доля правды в последних словах была, потому что Вячеслав с Тотошкой из города пропали, и почти два года никто и ничего о них не слышал. Кто-то видел, как Тотошка с маленьким ребёнком приезжала к матери на такси и так же быстро и незаметно уезжала. Кто-то уверял всех, что мельком видел Славика в московском метро. Постепенно неутолённое любопытство к ним испарилось, как утренний туман, и каждый продолжал жить и работать там, где определила ему судьба.

И неожиданно Жека потряс всех сногшибательной новостью - он был в гостях у своего «чудного Славули» в Москве! «Квартира просто огромная! - взхлёб говорил Жека. - Я говорю, Славик, ты что, в футбол тут играть собрался? А он говорит, я буду теперь на широкую ногу жить. Хватит, говорит, с Тотойшкой в нашей халупе намучались». - «А работает-то где же, - осторожно спросил Сан Саныч, - в театре, что ль?» Жека округлил глаза на него, как будто увидел рядом с собой призрак: «Сан Саныч, это в каком таком театре денег на квартиру зарабатываешь?! У него ещё перед домом джипяра стоит вот такой вот! Как танк! - Жека неимоверно развёл руки в стороны. - Он теперь заместитель какого-то директора по рекламным, по этим... По видеорекламе что ли... Он мне там долго объяснял, я в этом ни черта не разбираюсь!.. Вот коньячок прислал импортный, просил за его здоровье выпить...» Жека вывалил из сумки свёртки, вытащил большую квадратную бутылку и хлопнул об стол. «А сам-то в гости не собирается?» - опять осторожно спросил Сан Саныч. «Может через годик - сейчас, говорит, дел невпроворот», - вгрызаясь в буженину, проорчал Жека.

Но Вячеслав появился только через три года. Он сильно растолстел, поэтому вылезал из монстроподобного джипа неловко, словно первый астронавт на Луну. На служебный вход из театра вышло всего два актёра, а с ними Сан Саныч и Жека. «Ну что, Саныч, - после неловких объятий сказал Слава. - Поехали в кабак - я угощаю. Посидим как раньше, языками почешем». - «Да не, Слава, я по кабакам не любитель, - как будто смущаясь за собственное негостеприимство, пробормотал Сан Саныч и усмехнулся. - Там же этой мандариновки-то нету!» - «А, ну да... - как-то растерянно выговорил Вячеслав. - Мандариновки нету».

Он забрался в джип, круто развернулся и газанул из поржавевших театральных ворот.

ЕЛЕНА ЛУКАНКИНА

Медное время

Рассказ

Железный кит лежал на боку. Без движения - старый, слабый, грузный. Его скелет изъела ржавчина. Давным-давно этот исполин, прирученный людьми, бороздил морские просторы. Капитан выходил на мостик. Матросы стояли на вахте. На борту грозно смотрели в море боевые орудия. Сердце кита - огромный двигатель - прокачивало в день столько мазута, что могло разогнать гиганта до тридцати узлов.

- Как думаешь, сколько он тут лежит? - спросил Андрей, разглядывая глыбу. Запрокинув голову, он смотрел на эту беспомощную мощь, и чувствовал себя песчинкой рядом с ним.

- Не знаю. Лет десять, наверное, - ответил Медный, перебирая мета ллические останки по косточкам. - А, может, и больше.

Берег мертвецов... В белом налёте снега с проступаю -

Луканкина Елена Львовна - поэтесса, прозаик, публицист, Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Державина, факультет журналистики. Двенадцать лет работает в тамбовской прессе. Автор романа и нескольких стихотворных сборников. Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» им. В. Маяковского. Лауреат литературной премии им. Е.А. Баратынского. Член Союза писателей и Союза журналистов России

щими медными пятнами на скелетах, привкусом железа и йода в воздухе. Андрей то и дело оглядывался, ему мерещились звуки. Казалось, что те, кто нашли здесь последнее пристанище, зовут на помощь. Ветер играл в их прохудившихся телах страшную музыку. Музыку неприкаянных и неуспокоенных.

- Служили стране, а теперь она их тут бросила умирать, - с грустью заключил Андрей.

- Всё, сделанное руками человека, имеет свой срок жизни, - деловито разъяснял Медный, спиливая ножовкой скрюченную медную проволоку. - И когда это время истекает, их отправляют на металллом. По-моему, так и должно быть. А разве с человеком не так?

- В смысле?

- Ну, отслужил человек срок и его с почестями спроводили на переработку червям, - цинично продолжил тот, не отрываясь от процесса. - А потом из удобренного перегноя взошла трава, выросли растения и деревья. Только вот из этих, - он поднял голову и окинул взглядом останки судов, - ничего уже не вырастет.

- Медный, ничего святого для тебя нет! - бросил Андрей.

- Святое? В наше-то время! - ухмыльнулся в ответ Медный. - Тебе толпа голодных людей рёбра не пересчитывала, когда ты с карточками на макароны и сахар стоял? Мне вот пересчитывала, - Медный утёр нос рукавом дутой куртки, и ножовка снова запищала.

Андрей в этой толпе был. Он знал её пещерный нрав - как перемальывают эти жернова. Даже ребёнка - мальчика с серыми, как дождливое небо, глазами. Андрей помнил то стадное чувство - когда очередь шевелилась, и все её органы приводились в движение. А он испуганно озирался, ощущая всем своим детским восьмилетним тельцем, как толпа сжимала мышцы, и вталкивала его в открывшиеся двери магазина. В этом туловище людей он был маленькой косточкой, которую не ровен час - сломать. Но заметит ли это голодный гурт? Толпа просила хлеба. Зрелищами её накормили вдоволь.

Медный накручивал на локоть трофей и продолжал по-

иски. Глаз на цветмет у него был набит. Не зря прозвали его во дворе - Медный. Вовка Рыков, так его звали в миру, - тёртый калач ещё с малолетства. Семья неблагополучная. Это всё, что о нём знал Андрей. Так говорили, а что за этим стояло - мало, кто понимал. Он был говорливый малый. На клею сидел крепко. Заводной, как каждый голодный подросток. Здесь, в закрытых посёлках, в середине 90-х такие были через одного.

Выживать он привык сам, зарабатывая на жизнь - чем придётся. В последнее время скручивал медную проволоку на здешнем кладбище кораблей. Бывало, и дюралюминиевую обшивку с труб отопления срывал и сдавал. В Заполярье такие трубы, похожие на кишки большого огромного животного, оплетали многие посёлки. Их нельзя было вкопать в промёрзший грунт, поэтому утепляли и пускали по воздуху. Жутковатое зрелище они из себя представляли.

Андрей смотрел на Медного заворожённо. Тот, как зверёк, чуявший падаль, шнырял в округе. Он почти слился с этими кораблями. По клубам воздуха узнавал он его среди металлических скелетов. Голыми и чёрными от грязи руками Медный переворачивал куски обшивки, приборы, в которых искал кабели, медные катушки, трубки. Добывался любой цветмет, попадались здесь и латунь, и дюралюминий. Но медь являлась высшей наградой. За неё давали больше.

Развороченные корпуса и прочая механика были разбросаны по побережью. Одни корабли стояли в заливе по нос - в воде. Другие лежали, как раненные, на суше, на своём последнем приколе.

Андрей впервые увидел военные корабли Северного флота в таком жалком виде. Некогда гордые суда гнили в холодной красоте бухты Кольского залива. Вдали его окружали заснеженные сопки, покрытые соснами, елями и жидкими берёзами. Андрей ходил между павшими динозаврами и не решался достать из рюкзака ножовку.

Даль фьорда в сумерках была потрясающе красивой - глаз не отвести. Зимой залив практически не замерзал, благодаря сильному тёплому течению. С этой стороны берег бухты –

обрывист и скалист, словно не тронут человеком. Андрей любил суровые ворота Арктики, гористый ландшафт залива, со множеством высоких утёсов и небольших песчаных мысов. Здесь был его дом.

Для Медного дом был там - где пристанет. Андрей не вошёл с ним дружбы, но как-то так вышло - что они вместе вернулись на кладбище кораблей. От посёлка до этого места пешком - час - не больше. Но попасть сюда - на закрытую территорию военного объекта - дело, пахнущее керосином. КПП, колючая проволока, охрана... По-хорошему, не соваться бы сюда. Но Медный настаивал, что скруток там - страсть сколько, и не надо дрейфить.

Андрей был не из робких, но к здравому смыслу прислушивался. Первый поход за медью увенчался успехом, и всё тогда благоволило. Но фортуна - девица капризная. И всё же Андрей решился. После школы, ближе к вечеру, Медный зашёл за ним, и они отправились за добычей.

Первые личные деньги Андрею, в его тринадцать лет, принесли эти брошенные корабли. Точнее, то, что от них осталось. Они стояли в бухте без дела, ожидая достойного ухода в небытие. Спрятанные от глаз шпионов и диверсантов за забором, последние из советских могикан за полярным кругом ещё могли сослужить службу местным ребятам в лихое время.

Шестьсот пятьдесят тысяч рублей смог выручить за них Андрей. Худой мужик с руками бурого цвета в гараже на окраине посёлка, где нелегально принимали цветмет, протянул их школьнику.

- Держи! - напутствовал тот.

И Андрей держал их в своём кошельке нетронутыми, как память о первом заработке. Он мог купить на них пива, сладостей, жвачек, обновок и много чего ещё, ведь по тем временам это была неплохая сумма - треть месячной зарплаты. Но он не смог - так был потрясён лёгкими деньгами.

Это кладбище, где можно сколотить себе первый маломальский капитал, показал один коренастый паренёк, местный авторитет – Фадеев-старший. Старший - среди братьев, которые

знали - как выжать из этого Богом забытого северного посёлка свои кровные. Он привёл их сюда, показал лаз и места, в каких можно спрятаться от охраны, под какой теплотрассой отлежаться, когда будет обход. В общем, ввёл в курс дела. А на дело Медный с Андреем отправились вдвоём.

В первый раз Андрей так боялся скрежета, который издавал ветер, врываясь в железную рваную плоть, и наступающей темноты, что орудовал ножовкой, как заговорённый. Улов на медь оказался скор. Медный диву давался, как его напарник работает, и был несказанно счастлив такому трудовому аппетиту. В таком же запале он взялся за кормящий его инструмент. И две ножовки тихо запели на кладбище кораблей песнь почившим героям.

Но не тут-то было - Андрей вдруг резко дёрнулся и, сломя голову, побежал к месту вылазки. Добежав до наспех засыпанного лаза, он освободил его от снега и выскользнул из него, как морской котик. Не дождавшись Медного, побежал со скрутками проводов через поля.

- погоди! - кричал тот ему вслед.

Но Андрей остановился, когда дышать ледяным воздухом уже не мог. Горло горело, как раскалённая печь. Он обернулся и увидел Медного, который тяжело бежал.

- Ты куда так втопил? - выдавливал по слову запыхавшийся подельник, водянисто кашляя.

- Мне показалось, кто-то идёт, когда ты к тому баркасу пошёл.

- Это ветер. Меня чуть Кондратий не хватил, - сдавленно процедил Медный и сплюнул чёрную мокроту. - Пошли костёр разжигать, - приказал он, и рукой указал в сторону гаражей.

Отдышавшись, туда они и поплелись. Это место Медный облюбовал уже давно. Между воздвигнутой непонятно зачем стеной и гаражными спинами кряду был выжженный пятачок, здесь они и задымили. Отогрелись немного - руки у обоих закоченели. А потом принялись освобождать провода от оплётки. Некоторые из них бросали в огонь, чтобы легче снимать защиту от жилы. Изоляция плавилась, и легко срывалась, оголяя золо-

тисто-рыжий цвет медной наготы. Цвет, похожий на ржавчину, только чистый, благородный что ли.

И сейчас, глядя на эту ржу, которой суждено покрыться отслужившему кораблю, он вспоминал первый поход сюда. Попав на корабельное кладбище снова, Андрей решил - не торопиться и осмотреться вокруг. Вот они - растерзанные детища загнивающей индустриальной эпохи некогда великой страны. Он обходил их с разных сторон, вспоминал живыми. Его отец служил на флоте, и Андрей не раз видел, как эти богатыри входили в гладь морскую владыками.

Медный, памятуя об андреевой прыти, не мог понять - чего тот медлил. И в перерывах поглядывал на него. Но Андрей не спешил. Следующие шестьсот тысяч рублей могут и подождать. А вот Медный ждать не мог. Большой желудок просил, и штаны прохудившиеся просили.

Просила и голова - забыться и снов наяву. В такие удачные дни, когда появлялись деньги, Медный тут же заправлялся: в один карман - тюбик с клеем, в другой - целлофановый пакет. Ядовитые пары растворяли нескончаемую серость полярной ночи, заволакивая сознание приятным медленным туманом.

Половина двора тогда была нюхачами. Медный - в том числе. И на кладбище он шёл, как свой - точно на зов. Если люди гибли за металл, то Медный убил бы за «Момент». «И однажды он его погубит», - подумал Андрей, видя, как того ломает и как отчаянно он бьётся за каждую скрученную змейку, словно маленький худой Геракл. На медь Медный летел, как на мёд.

Андрей же изучал могильник и заметил неподалёку огромный корабль, упавший на бок. Он пошёл к нему. Уже темно, и мороз кусался пуще прежнего. В полумраке корабль-призрак был похож на ковчег, из которого вот-вот вылетят птицы и выбегут животные. Стальные листы корпуса прохудились. Корма провалилась. Вид этой глыбы завораживал.

Исследуя громадину, Андрей взобрался на неё и увидел открытый трюм, в который каждому мальчишке хотелось бы спуститься. Заглянув внутрь, он оторопел. В корабельном чреве чернела жижка, словно свёрнутая кровь. Трюм был заполнен

мазутом, обломками железа и трубами. Упал он сюда – и всё – конец. Никто не найдёт школьника в этой нефтяной трясине, распоротого лезвиями. Андрей испугался даже мысли о том, что он мог совершить неловкое движение и прыгнуть вниз.

Он осторожно покинул трюм. Обогнул остов, как вдруг в его лицо ударил яркий свет.

- Вохрушки! - заорал Медный. - Валим!

Андрей машинально дёрнулся в сторону, но жёсткая рука схватила его мёртвой хваткой. Медный не оставил напарника и сдался сам.

Расхитителей военного добра вели на КПП. Женщина в форме, с кобурой на ремне, которая к ужасу Андрея не была пустой, толкала задержанных вперёд. И они, не сопротивляясь, шли в будку.

Усевшись на тёплый стул, Андрей поник. Медный вида не подавал, держался бодро - не впервой, видать.

- Будем вызывать кого положено или как?

- Или как, - не раздумывая, игриво ответил Медный, и не к месту соорудил глупую гримасу.

- Отец знает, чем ты промышляешь? - строго спросила дежурная, поворачиваясь к Андрею.

- Нет, - буркнул тот, понимая, что вызов отца - самый благоприятный исход этой операции, и немедля едва ли не потребовал. – Звоните!

Вооружённая охранница покачала головой и набрала номер.

Андрей закрыл глаза. Раздражающий треск лампочки под потолком нарастал, и он с головой погружался в него, лишь бы не слышать того позора, который обрушился на его отца – капитана третьего ранга.

- Недоброжелательные вы тут, - выпалил Медный, понимая, что дело почти в шляпе.

- А вы, молодые люди, - преступники! - ответила та, складывая медный улов и две ножовки в шкаф.

- Чего это вы? - возмутился Медный.

- Конфискация орудий преступления и собственности

ВМФ! - отчеканила вохрушка.

- Я провода эти принёс с собой, они не отсюда, - выкручивался Медный.

Стражница, ничего не отвечая, села за стол и открыла какую-то книгу. Андрей смотрел на эту женщину пенсионного возраста, полноватую, тяжёлую, в военном бушлате, ватных штанах и валенках, с сединой в волосах, забранных в пучок. «У неё ведь и внуки теперь, - думал он, - которых поднимать надо. Вот и сидит на этом кладбище, охраняет мёртвые корабли, и гоняет таких – горе-предпринимателей».

Он приподнялся и разглядел на странице знакомые столбики кулинарных рецептов. Вот что волнует вохрушку – чем она будет кормить вечером домашних. Что приготовит из синюшней курицы, чудом оставшейся в продторге, и сухпайка родной российской армии?

А Медный тем временем не унимался.

- Эти корабли здесь сгниют, никому они не нужны. Мой батя уже полгода зарплату на заводе не получает. Хорошо вам тут сторожить этот металлолом...

Андрей знал, что родителям до Вовки дела нет, как и ему - до них. Никакие вырученные деньги им не перепадут. Все на клей спустит. Зарплату и военным задерживали - какой уж тут секрет. И вохрушка, поди, на мели сидит.

- Хватит, Медный! - Андрей вскочил со стула и подошёл к окну.

Твёрдую походку отца он узнал даже в завьюженной дали. Хотя это была всего лишь маячащая точка. Но Андрей знал - отец идёт. Что он скажет сыну? И что сын скажет ему? Секунды сыпались быстрым снегом.

- Здравствуйте! – непринуждённо сказал мужчина с рога, отряхивая от снега бушлат.

- Вечер добрый! Ваш? - указывая на Андрея, спросила женщина.

- Мои. Обоих заберу. Ждите за дверью, - скомандовал он освобождённым, и те вышли.

Через несколько минут вышел и Андреев отец. Ничего

не сказав, он пошёл вперёд. Отогревшиеся в будке поспешили за ним. Шли молча. Начинаясь метель. Темень и мгла со всех сторон. Сугробы, как сдоба, поднимались на глазах. Ветер выдувал оставшееся тепло. Холод пробирал до костей. Сопок не видно - мгла затянула всё кругом. И когда попавшие в снежный буран перестали чувствовать ноги, вдалеке забрезжили огоньки, а потом и знакомые панельки. Дом! До него сил хватит.

Матери ещё не было – с работы не пришла. Андрей, разулся и, не раздеваясь, побежал на кухню к батарее.

- Есть хочешь? - непринуждённо спросил отец и открыл холодильник.

- Ага, - ответил и вправду проголодавшийся и продрогший Андрей.

- Макароны с котлетой есть.

- Буду, - с благодарностью ответил тот.

- Раздевайся и садись.

Вечером они больше не обмолвились ни словом. И это был самый важный разговор в судьбе Андрея. В тот день он, кажется, понял - как нужно жить, чтобы не встать на последний прикол.

Медный нашёл себе другого поделщика, а потом и вовсе пропал куда-то. На кладбище кораблей Андрей больше никогда не был. Но всякий раз, когда в посёлке редела метель, и ветер бился в оконный карниз, ему казалось, что это железные умирающие киты стонут - там, за колючей проволокой.

ВИКТОР ОСТРИКОВ

«Жак»

Электрический чайник запыхтел, извещая - вода закипела. Пора заваривать чай. Трое художников, трое старых приятелей, выпускников Ленинградского художественного училища, в перерыве между оформлением выставки, посвящённой сорокалетию своего выпуска, вспоминали студенческие годы. Было, что вспомнить: и то, как сдавали экзамены, какие были преподаватели, что дали будущим художникам городские музеи, делились впечатлением о методике преподавания в художественном заведении, и всё это вспоминалось спустя сорок-то лет. И вот дошли, наконец, до того курса, когда открывалась постановка на обнажённую натуру. Здесь разговор пошёл живее.

Запивая крепким чаем конфеты, вспоминали студенческое житьё-бытьё. В те годы и одежда была поношенная, и ботинки стоптанные, и сыты бывали не всегда. Но эти проблемы как – то проходили стороной, незаметно, и теперь, по истечению

Остриков Виктор Сергеевич родился в г. Уральске 9 июня 1949 года. Служил на Северном флоте. Закончил Ленинградское училище им. В. Серова по классу скульптуры. С 1980 года проживает в Тамбове. Участник городских, региональных и всесоюзных выставок. Печатался в журнале «Литературный Тамбов», в «Рассказ-газете». Награждён Почётной грамотой области, Серебряной медалью Союза художников России. Лауреат Государственной премии ЦФО за 2008 год. Член Союза художников России.

целой жизни неловкие истории вызывали смех, казусы - улыбку, а потаённые чувства - лёгкую грусть. Только теперь начинаешь понимать, студенческие годы, молодость - вот оно истинное творческое счастье.

Алексей, глубокий и тонкий живописец, единственный из нас, кто закончил художественную академию, поставил чашку с чаем на стол, его глаза зажглись лукавым огоньком, и он воскликнул:

- А знаете, как мы однажды, где-то на четвёртом курсе, искали натурщицу для позирования? Такой интересный и неожиданный поворот сюжета получился.

И сделав ещё несколько плотков душистого напитка, откинулся на спинку стула, с интересом поглядывая на реакцию приятелей. Всю следующую минуту он деликатно молчал.

Олег, художник, каких поискать, а заодно и успешный дизайнер, поглаживая окладистую бороду, предвкушал интересные «картинки», а я, отодвинув бокал от края стола, повернулся к Алексею в ожидании рассказа. Мы - художники, и уж, конечно, знали этику поведения с натурой. Но то, как, закинув голову, улыбался Алексей, интриговало. Как-никак, то были студенческие годы, молодые, романтические.

-Ну, давай, не томи.

-Так вот, - наконец продолжил он, - учился я на четвёртом курсе. Мы писали мужскую обнажённую натуру. Оставалось два дня. Рядом со мной за мольбертом сидела однокурсница Татьяна. Среднего роста, симпатичная, общительная девушка. Брови дугами. Карие блестящие глаза. Тёмные волосы вокруг белого лица. Фигурой же она напоминала героиню полотен Рубенса.

Приходила Татьяна всегда со своим другом Жаком, небольшим спаниелем, чем-то неуловимо похожим на свою хозяйку. Сам серый, голова чёрная с белой отметиной на лбу. И глаза у Жака были такие же тёмные, блестящие и озорные, как у Татьяны. Вся группа его любила. И даже педагог, профессор, относился к его присутствию в нашем классе снисходительно.

Войдя в класс, Татьяна отстёгивала поводок. Жак только этого и ждал. Свобода! Наперво он начинал подлизываться, ви-

лять коротким, но крепким хвостом. Тёрся о ноги то одного, то другого студента, и когда окончательно привлекал к себе внимание, начинал гоняться по классу между стульями и мольбертами. Студенты - за ним. Пытались поймать и потрепать за широкие, хлопающие на бегу уши, а Жак визжал от удовольствия. И так вся перемена до начала занятия была во власти Жака.

Когда входил педагог, объявляя о начале занятия, и натура садилась на подиум, спаниель становился смирным. Как будто понимая важность момента. Он ложился слева у стула Татьяны, голова с белым пятном опускалась на лапы, и пёс затихал. Только игривые глаза ходили влево-вправо, вслед за ботинками преподавателя. Изредка, правда, Жак напоминал о себе и в нетерпении стучал хвостом по полу.

Сорок минут проходили быстро. Перерыв. Профессор направлялся к двери, и Жак вскакивал. Низко опустив голову, он в нетерпении ждал, когда же педагог закроет за собой дверь. Его глаза блестели. Нос подёргивался. Лапки переминались в желании прыгать. Голова Жака опускалась всё ниже, передние лапки подгибались, хвост вилял... И вот дверь захлопывалась. Уши спаниеля взлетали. Щёлкнув зубами, Жак уже с визгом летел меж ножек стульев, а за ним топали башмаки. Все снова бегали, пытались поймать его, потрепать. Со временем это стало ритуалом. Но когда Татьяна приходила без него, наступала скука и зевота. Говорили, правда, о разном. Спорили. Но вольно-невольно все ждали Жака. Вот такой он был напарник нашего живописного класса.

Алексей замолчал, с улыбкой вспоминая прошлое. Вздохнул. Обведя взглядом всех, в котором отразилось далёкие студенческие годы.

-Ну? - Вдруг с нетерпением вмешался Олег. - А что ты о натуре хотел сказать? О каком таком повороте? И причём тут спаниель?

-Сейчас, сейчас. Не спеши, - спокойно ответил Алексей.

За несколько дней до окончания задания - изображение мужской обнажённой натуры - педагог объявил:

-У нас возникла проблема с женской натурой. Наталия заболела.

-Как вы знаете, - обратился к нам Алексей, - в учебных заведениях нашего профиля есть штатные натурщики. Когда кто-то заболел, замену искали сами. Так что проблема касалась и нас. Минут через пятнадцать я посмотрел на Татьяну. Скользнул взглядом сверху вниз и неожиданно предложил -

- Может, ты нам попозировешь? Нас хорошо знаешь, ма-
ньяков и озабоченных нет. Да и фигура у тебя вроде бы ничего.

-Что ты? - Девушка чуть покраснела, польщённая моим отзывом, но молча продолжила рисовать.

Жак почувствовал перемену в хозяйке, поднял голову.

-Вот, и Жак не против. Глянь, как он на тебя смотрит.

-Не знаю, - наконец, ответила она с растяжкой. - Получится ли у меня?

-Да что там, не танцевать же тебе! Посидишь на подиуме, к стипендии прибавится. Жаку что - то вкусненькое купишь, - я потрепал спаниеля за ухом. Тот от удовольствия завилял хвостом.

-Видишь, как он доволен. Так что?

-Подумаю, - тихо ответила Таня, - только не говори пока педагогу. Я сама.

-Замётано!

-Так вот, - продолжал Алексей, повернувшись ко мне, - Виктор, налей погорячее.

И сделав глоток, воскликнул:

-Такого бы чая в те годы! Дух какой! А то пили «грузинские дрова». А «со слоном» - по праздникам.

-Дальше, дальше что? - Снова подстегнул Олег.

-На следующий день, - улыбаясь в бороду, продолжил Алексей - Татьяна пришла без Жака.

-А где Жак? - Спросил я.

-Он, кажется, расстроился, - ответила она, - не пошёл. Лежит на половике, отвернулся. Одним словом, не захотел.

И Таня виновато опустила глаза. Как будто не Жак, а она отказалась идти на занятия. Не поняв намёка, я задал прямой вопрос:

-Как вчерашнее предложение?

Таня, подняв взгляд, посмотрела мимо меня. Пауза затянулась. Хотел ещё раз спросить, но она опередила:

-Ты знаешь, я вчера попробовала. Разделась и села на пуфик перед зеркалом. Посмотрела на себя. Поправила причёску и стала изучать.

Голова и шея, кажется, правильно и красиво поставлены. Плечи округлены и чётко переходят в плечевой пояс. Вроде бы и ноги стройные. Повернулась на пуфике так и этак. Подняла руки, закинула волосы, приколола их сверху. Правда, груди хотела бы иметь поплотнее. Но когда плечи подняты, недостаток незаметен. Поворачиваясь, искала новую позу. Даже, ты знаешь, Алексей, залюбовалась собой. А я, оказывается, ничего! Вот, думаю, ребята полнубоются.

И вдруг в зеркало увидела Жака и оторопела. Я таким его никогда не видела. Он замер. Сидел с вытаращенными глазами, челюсть отвисла, и язык свесился набок. Не придав этому значения, повернувшись к зеркалу, я продолжила выбирать позу. Через минуту опять взглянула на Жака. Он также сидел в окаменевшей позе. «Жак, Жак! Иди ко мне!» - И похлопала по бёдрам. Но он сидел и тарачил на меня глаза, не сдвигаясь с места.

«Ну, как я?» - Попыталась развеселить его и стала крутиться на пуфике, меняя позу ног и вертя бёдрами. Он не шевелился. Прямо окостенел. Я встала, желая погладить и успокоить его, но Жак уклонился. Поднялся. Тихо семеня лапками, ушёл в коридор. Там лёг на половик и, свернувшись в клубок, отвернулся к двери.

«Мальчик мой! Иди ко мне!» - позвала его вторично. Но он даже ухом не повёл. И так весь вечер молчал и не подходил к еде. Думала, заболел, волновалась. Потрогала нос. Влажен! Но он весь вечер лежал без движения, и только ворчание выдавало его недовольство.

-Вот такие дела, - поправив чёрные, густые волосы, Татьяна закончила, - Нет, Алексей! Я не смогу. Если на моего Жака это так подействовало, то как вы ко мне отнесётесь?

-Нет! - закончила она твёрдо. Жак мне не простит! -

и, помолчав, добавила - Давай лучше вместе искать натуру.

Таня повернулась и пошла к своему мольберту. И зачем я с таким вопросом к ней обратился? И почему именно к ней? Столько лет прошло, а вот вспомнил. Может, чем - то привлекала к себе?

-Так и закончилась попытка однокурсницы помочь нам в сложном положении, - закончил Алексей, улыбаясь в бороду. Держа на весу чашку с чаем, он, как мне показалось, ещё не вернулся из тех лет.

-Ого! – воскликнул Олег. - Вот это оборот! Это какая - же она обнажённая, что даже спаниель оторопела от удивления? Наверное, и впрямь с полотна Рубенса?

-Незнаю, - ответил Алексей, потягивая уже остывший чай.

-А ты больше её не уговаривал? - продолжил настаивать Олег. - Может, надо было лично попросить на позирование. Не пробовал?

-Нет, - уже задумался и Алексей.

-А жаль! - смеясь, продолжил Олег. Его аккуратная седая борода, подалась вперёд. - Может тоже сидел бы и, свесив челюсть, тарачил глаза на её рубенсовские формы всё занятие?

Мне стало интересно, что ответит Алексей. Вот сейчас, когда минуло сорок лет. Он молчал, а потом, поставив бокал на стол, хлопнул ладонями по коленям:

-Может и надо? Эх, надо было пригласить! - уже утвердительно закончил Алексей. - Была ведь, кажется, взаимность? Но Жак! Жак бы нам этого не простил.

Марина Струкова

Мёртвый, Добрый

Рассказ

- Вставай, а то царствие небесное проспичь! - Кто-то трясёт Мишку за плечо. Он открывает глаза. В большой комнате темно. Только слышится надсадный бабкин храп за ситцевой занавеской.

Над Мишкой кто-то стоит. Мальчик всматривается и истошно кричит. Дождавшись, когда его вопль стихнет, дед строго, но добродушно спрашивает:

- Чего орёшь, окаяшка? Режут тебя?

Мишка снова визжит, но тут голос садится, переходит в хрип.

Деда вчера похоронили. Тогда почему он снова здесь, да ещё и разговаривает? Этак мирно:

-Вставай, внучек. Яведьиз-затебянисветнизаряподнялся.

Струкова Марина Васильевна родилась в Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет и Высшие литературные курсы. Работала учителем, корреспондентом, литредактором. Публиковалась в изданиях «Наш современник», «Нева», «Независимая газета», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «Дон» и другие. Публикуемый рассказ «Мёртвый, добрый» занял 1-е место на конкурсе «Российской газеты» «Страшная комната, или Паустовский в жанре хоррор»-2017. Член Союза писателей России.

Через сорок дней будет невмочь, а сейчас в самый раз.

Мишка чувствует, что, несмотря на тепло в избе, по коже бегут морозные мурашки. Он кутается в одеяло с головой и сипит:

- Не пойду я никуда. Да воскреснет Бог... - Но продолжение молитвы от нечистой силы теряется в памяти.

Дед стягивает одеяло:

- Хватит прохлаждаться! Что за молодёжь растёт!

Мишка вскакивает, как ошпаренный, отбегает к печке, возле которой сушится обувь.

- Вот-вот, сапоги обувай, там сыро. - Советует дед.

- Конечно, сыро! - Мишка помнит, что вечером прошёл дождь, и в могилах, наверное, вода. Ведь не иначе дед пришёл забрать его!

Почему? Десятилетний Мишка знает объяснение: в селе говорят, что если ты обижал родственника, а он внезапно умер, то придёт за тобой и уведёт в мир иной. А Мишка перед дедом виноват – когда тот слёг за месяц до смерти, то внука часто просил то книгу подать, то папиросы принести, то чай заварить, если бабушки дома не было, а Мишка медлил, ленился, убежал из хаты играть с соседскими мальчишками. Вот и доигрался...

- И куртку с капюшоном надень, чтоб за шиворот не сыпалась роса.

Да, на кладбище много кустов, росы на них должно быть порядком, - соображает Мишка.

Почему же бабушка не просыпается? Храпит по-прежнему, словно не слышала воплей внука.

- Деда, я покойников боюсь. - Шёпотом признаётся Мишка.

- А чего нас бояться? - Буднично замечает дед.

Мишка хочет включить свет, поскольку стоит как раз возле рубильника, но страшится увидеть мертвеца во всей красе. Уж лучше тёмный силуэт.

Отправили Мишку родители к бабушке с дедом на всё лето, а тут такая оказия - не увидеть им больше сына. Мишка начинает тихо плакать.

- Ньюни распустил! Хлеба возьми да колбасы, или сыра.

Что есть-то будешь? Appetит там отменный!

- В могиле аппетит? - У Мишки волосы на голове встают дыбом. Он представляет, как сидит в яме на дедовом гробу и ест бутерброды.

Бабушка особенно громко всхрипывает.

- Не домовой ли душит? - С тревогой замечает дедушка. А при жизни ругался:

- Эк её разрыгает! Так бы и прикрыл подушкой!

Трясущимися руками мальчик открывает холодильник, берёт плавленый сырок. Отламывает горбушку хлеба от лежащей на столе буханки. Суёт снедь в карман.

- Пойдём. - Говорит дед и открывает дверь.

Мишка плетётся за ним. Во дворе стоит, словно окаменев, их чёрная тонконогая собака Жулька, уши висячие в разные стороны - не лает, но и хвостом не виляет, наверное, кажется ей хозяин очень странным.

Дед берёт Мишку за руку - никогда прежде так не водил, они выходят за калитку и шагают по дороге. Пальцы у мертвеца крепкие. Вырваться боязно.

Высоко в небе сияет полная луна. Деревня спит. Стреко-чут кузнечики, журчащий хор лягушек слышен издалека. Мишка оглядывается вокруг - всё кажется ночью другим, таинственным.

- Погляди-ка направо! Банника заметил? - Показывает дед туда, где зашуршала трава. - Веник берёзовый понёс. Хозяи-ственный.

Мишка никого не различает. Бросает косою взгляд на деда, замечает острый нос, тёмные провалы вокруг блестящих глаз.

- Погляди-ка налево, вот бесстыжая, - сплёвывает дед. У соседского сарая мелькает баба в сорочке. - Ведьма идёт чужих коров доить... Ты не озяб ли, окаяшка?

Мишка на свежем воздухе немного опомнился и приобо-дрился. Только сейчас он понимает, что направляются они с де-дом вовсе не к кладбищу. Вот миновали соседнюю улицу, клуб, магазин...

Мишка думает, что дед изменился. Раньше называл бы чертякой, да ещё и подзатыльники отвешивал. А теперь и рассказывает что-то внуку и заботится, чтобы тот не простыл. При жизни бы так! А то скажет им с бабушкой: «Одна брюзжит, другой визжит», и уходит неведомо куда с чекушкой водки.

Спускаются под гору. Впереди раскинулся широкий луг, трава отликает серебром под луной, кое-где видны круги и полумесяцы покосов. Топают по влажной дороге.

Но Мишке всё равно страшно, потому что непонятно - зачем дед ведёт его в противоположную от кладбища сторону? Вдруг там что-то ещё хуже?..

Вот и озеро. Долгим чёрным зеркалом вытянулось оно на опушке смешанного леса. Окружено прошлогодним сухим камышом вперемешку с молодыми острыми стеблями. Через заросли то тут, то там ведут тропинки.

Вдруг Мишка замечает шалаш. Дед наклоняется, извлекает оттуда лопату, протягивает внуку и командует:

- Копай!

Могилу! - Холодеет Мишка и жалобно лепечет:

- Дедуня, прости. Я знаю, что плохо себя вёл, не слушался. Ей-Богу, я всё понял! Отпусти, пожалуйста. Я буду бабушке помогать - картошку полоть, кур кормить, воду носить из колодца... Учиться стану на одни пятёрки.

- Так ты же сам просился! - Воскликает дед. - Всё время ныл: возьми да возьми. Вот я и подумал, что виноват перед внуком. Не будет моей душе покоя, пока на рыбалку не свожу! Ну, довольно слёзы лить. Копай червей! Удочки в шалаше. Надо до третьих петухов вернуться - тебе домой, мне в домовину.

ЕЛЕНА ЧИСТЯКОВА

Представляю небольшой монолог «Об жизни», написанный южно-великорусским тамбовским говором, который сложился к 15 веку и на котором разговаривали наши предки.

Речь Тамбовщины относится к восточной группе южно-великорусских произношений. В её составе, наряду с Тамбовской - Липецкая, Воронежская, Рязанская, Тульская и Калужская области. Посетив их можно услышать близкий и понятный нам говор. Речь эта проста и самобытна, но за диалектными словами история, культура и мышление народа. Тамбовский говор приятен для слуха, он напевно растянутый, Акающий и Якающий, с окончанием на ТЬ.

В Тамбовском говоре отсутствует средний род: (колясо кривая, окно грязная), так же отсутствует звук Ф: (конхвета, хвартук) и это только малая особенность нашего говора, которая не портит речь, а делает её самобытной, музыкальной. Тамбовский говор красив и уникален. Видимо поэтому

Елена Викторовна Чистякова - прозаик, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием самобытного южнорусского говора. Автор сборника повестей «Житейские истории», двух популярных книг «Сказы деда Савватая», а также автобиографической книги «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в Тамбовском альманахе, в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов, вышедших в издательстве «Художественная литература» (г. Москва). Член Союза писателей России.

я, как автор «Сказов деда Савватя», решила использовать, для большей глубины восприятия, южно-великорусский говор, так любимый и понимаемый и так чувственно воспринимаемый читателями, будто встреча с давно ушедшими предками.

С течением времени всё реже слышатся ранее привычные для слуха слова и выражения, но в сёлах говор жив, понимаем и привычен. Встречаясь с читателями, я с благодарностью принимаю и пополняю словарь новыми, ранее не слышанными диалектными словами.

Об Жизни

МОНОЛОГ

- Ой, эта чаво жа, нешта к мене?

- Вона тибуреточка, иди, садися, мил моя. Гость ко времени не в убытак.

- Счас табе штец дам, мил моя, поишь покуда не простыли. Колготится.

- Нету, нету, ни кобенсьи дажа, надоть. Ты ж у мене вроде как в гостях, надоть поить! Аль гребуишь бабкою-та? Нету? Тады давай, хлябай, на здоровычко! Опосля кашку с маслом сливошной накладу. Ох, уж скусна, огнЯная, прахОвая. А хошь, так вона картоха в мундирах сварЁная, да с гурком, а хошь с салой, тож ладна будить. Вишь, кожурки-та? Ет я с сользой давеча навярнула. А ты хлебца-та, хлебца-та бяри. Мягонькай, прям дыхаить.

- ДочкА давеча заводила тесту, да пякла, мене дала, я-та уж не в силАх таперя.

- В обчем, всё табе тута на любка, по скусу.

- Ишь да слухай, мотри. Мене-та об чём ни то хотца поразговарьвать, а то всё молчкма, всё молчкма, цельными днями. А чаво жа? Моим-та неколи мене слухать. А и то верна, старай чугунок чаво жа нового-та выдасть?

- Я надясь попёрлася в гарод, тама усё прахом идёть. Морква да репа сё лета квёлыя стоять, счаврилися, скурёжили-

ся. Нонишний-та год лета гнялая, сырь да мокрень. Ета в том годе, летась, коляная зямлица была, все овоща заострилися, попяклися, а ноня льёт и льёт, ногУ ня вытягнишь. В избу-та возвяртаюся када, скрябу свои рязинвай калоши, а зямля-та липкыя, страсть! Склизь да морось, грязЯ, грязЯ. Тако-та лета хужее осени.

Тяжело вздохнула.

- Сену ворохать надоть, а вить жа ня сдюжишь, силов ня хватить, руки пряма не цапАють у мене. Да и ня всяк мужик подымить вилАми, пупок поди развяжица, аль грызь, кила выскочить, с натуги. Како лето, тако и сено, старики сказвали.

- А я-та, сама, простыла наменди, занядужила. Продуло мене, сквизняком! С пячи дён пяток не сползала, грелася. В старой-та кости сугрева нету. Ночию дОхала, дОхала, опосля ажник задвухАлася. ДочкА мене молоко горячую принясла, ну вроде как ба отпускаить поманеньку. Легше мене делаица.

- Да ничаво, поднимуся, выправлюся. Неколи на пячи дрыхнуть-та, гарод поди ждёт, дуица тама всё поманеньку, за травянело, страсть как! Вот уж чаво тама пышить да прёт, так сор всякай. Хошь ни хошь, а надоть итить дёргать яво.

Тяжело вздохнула.

- Ой, вота чаво обскажу-та. Клушу подавчЁра в решато посадила! Чуешь? Поздновато поди надумалася, а куды дениси? Ходить, квохчить, глупАя. Гляди ещё в кустах иде присядить, чаво доброва-та? Нету уж, лучшЕе пушай у мене тута на глазах сидить, срамница этакая.

- А энтии кочетА, бусурмане, стоптали давеча мене, разворОшили усю пятрушку. Главно, посадила-та чуток, так для сабе, поисть, она дюжа пользительная, сказвають. Так нет жа, грябуть и грябуть, окаяныя. Оне вообще-та в малине сабе хоромы сооружають кажнаю лету, тама им ндравица. На бочок припадут, лягут, клювик тах-та разинуть, глазыньки закотють и дрыхнуть.

Засмеялась беззвучно, приложив краешек фартука ко рту.

- Ой, чаво было!

Встрепенулась.

- Летась лиса утягнула мово красавца! Был у мене кочет наряднай, яркай. Уж кричала я об ём, кричала! Жаль мене взяла, а чаво тута поделаишь? Главна такой на всю сяло один! Все-та белыя, а энтот был как ганярал - грудастай, голянастай, породистай. А гребень у яво, прям цвяток, розан! А эта гадина, лиса, сожрала таперя яво.

Горестно покачала головою.

- О-хо-хо-нюшки, хо-хо!

- А вот ящѐ чаво скажу, табе пожалюся, об сынке своѐм.

Поглядела в окно, помолчала с минуту, как бы решая, говорить ли?

- Детки радость, оне ж, детки и горе.

- Пьѐть и пьѐть, за ворот закладаить, стярвец этакий, прости Господи!

Крестится.

- Всюю душу мене повывярнул, слязьми умываюся денно и ношно. Горюшка!

- Кричу об етим, да и робятѐнков, унуков куды как жальчея, да и Нюрку, сношку тожа. Опеть жа тяжѐла ходить, к Покрову поди, рОдить. И куды кляпАють с такой-та жизнею? Доходить ли до сроку- ня знай. Опасаюся. Шибко молотить еѐ, прям смертным боем лупцуить бабу. Вот вить назола у мене кака!

Всхлипнула.

- Без матки и пчѐлки пропащия детки. Вот вить чаво.

- Кому пожалисси, прям ня знай. От обчества соромно мене, да и опасливо, вдруг да загрябуть, заарестують, посодють в каталажку-та?

- А чаво жа? Он зенки зальѐть, чумуруднай да шаталомнай делаица враз. А када твярѐжай-та работящай, безотказнай, все на яво хрябту ездють, а посля заливають яму в глотку. Лучшая ба конхветак дали, аль мясца в семью - та. Верна вить?

- Детишкав он любить. Посадить тах-та на колону, покачваить, ласкаить, жамочку, гляди дасть. Оне папку-та тожа любять. Улыбнулась.

- Пьянай-та не соображаить, кого бить, да и ня помнить, кем сам-та битай бываить. Верна, жа?

- Да ты ишь, ишь простыло поди. Мому-та хозяину, царстве яму нябеснае, дюжа шти ндравилися.

Перекрестилась.

- Сидить бывалоча, исть, употеить ажник, взмокреить рубаха на ём. А чаво жа, штец поел - будта ба шубу надел. Чавкаить, сопить, причмокваить, хлябаить, сёрбаить, када огняЯныя шти, а ложку-та не откладаить. Дуить, чарёпаить, загрябаить с донушка гушу-та, там самай скус. А када съисть, ложку оближить, утрёца рукавом рубахи, да попросить добавку. Чумички две яму подолью, а сама дивуюся - и куды лезить?

- Елось ба да елось ба, да ещё хотелось ба.

- Справнай у мене мужик был,- вздохнула горько,- тож закладал за ворот, так и помер,- всхлипнула,- ни за понюшку табаку. Ляжить таперя на погости осьмой годок.

Тут же, завертев головою по сторонам.

- Кыса, кыса, иде ты, кыса? Бяги шибче, мяска табе дам, кошатина этакай!

И повернувшись с сожалением.

- Ой, чаво жа, неуж-та уходишь, мил моя? Бабка табе поухам ялозила-ялозила. Ну ты уж не серчай на мене, на глупую.

Старай-та гудошник, всё на старой лад граить. А мене так уж схотелоса с человеком об жизни покалякать. Будто ба водицы с родничку напилася досыти.

Ну, прощевай, мил моя! Ступай с Богом!

Крестит вслед, затворяет дверь, опускает щеколду.

Южно - Великорусский Тамбовский Говор

шти - щи

колготится - суетится

прахОвая - рассыпчатая

огняЯная - горячая, огненная

гурок - огурчик

счаврились - съёжились, ослабли
скурёжились - подсохли, вялые
коляная - раскалённая
не чапають - не хватают, не держат
грызь, кила - грыжа
дохать - кашлять
кочет - петух
летась - прошлый год, прошлым летом
кричать - плакать в голос
назола - здесь: печаль не проходящая, тоска
чумурудный - чудной, странный
шаталомный - шаткий, как чумной
жамочки - прянички
чумичка - большая разливная ложка, половник
калякать - разговаривать, просторечное, предполож. из тюркско-го языка

В тексте десять (10) пословиц, поговорок, присказок

Шатун

(сказы деда Савватея)

Тётка Пелагея, отодвинув цветастую задергушку на маленьком оконце и выставив губы дудочкой, задышала на разукрашенное морозным узором стекло. Скрюченным пальцем протёрла махонький «глазок», через который можно было увидеть белый свет и что делается там, на дворе.

Увиденное её обрадовало. Бушевавшая всю ночь, да и прошлый вечер непогодь угомонилась. А намело-то порядком! - Аль вылязу с избы-та, - страшась, подумала Пелагея, - давишный год откапывали мене мужуки, прям артелью цельнай. Боязно, а итить надоть. Чай, Святки! Робятёнки гостинчика ждуть!

Да, в прошлом году завалило снегом по самую соломенную крышу избу Пелагеи. Многих тогда одиноких да вдовых пришлось выручать из плена снежного. Каждый год в Рожде-

стенские Святки ходила Пелагея Грызунова к племяннице с угощением для малых её детей. А как же? Их там пятеро уж народилось. Сама-то Нюрка, племянница и единственный теперь уже родной человек Пелагеи, всё рожала детишек из года в год, и нет у неё свободного часу, отойти от дому. Кружится всё по хозяйству.

- Вот уж подрастут, Христа славить прибягут, а таперя-та што жа, сама потопаю, поди, - обречённо вздохнула Пелагея.

Дорога неблизкая, на другой конец деревни, а растянулась та деревня вдоль тракта без малого на полторы версты, это старой мерой, конечно. За жизнь Пелагеи деревня не увеличилась, только короче да короче становилась, вымирал деревенский люд. Летом-то прогуляться одно удовольствие. На скамеечке возле дома какого присесть, побалагурить о том, о сём с бабами. Знакомцев повстречать мило дело. А в распутицу или в непогоду или вот как этот день, после метели, трудненько идти.

Принялась Пелагея обряжать себя обстоятельно. Начала с ног. Простые чулки с круглыми резинками, да толстые самосвязанные носки, да панталоны байковые до колен. Потом лиф, сама шила, удобный, фланелевый на костяных пуговках. Да рубаха нижняя, тоже свойская, батистовая с плетёным кружевом на груди. Юбки две – простая, да шерстянка. Кофты – сатиновая да шерстяная, вязаная. Уж больно Пелагея гордилась, что сама шьёт да вяжет себе наряды. Впрочем, как и многие бабы в деревне. Рукодельничали, при этом уверенно говорили:

- Не накуписси тута, а своя та одёжа красивши и дешевши будить.

Сунув ноги в чёрные новые валенки, она прошлась в них по избе туда-сюда и с сожалением стряхнула с ног, поставив в угол. Как кандалы, право! Ещё не разношены, только недавно сваяли. Давили под коленом и были жёсткие, колом стояли.

- Надоть отнесть, размяли, разбили штоба, да обрезали маненько, - решила Пелагея и с сожалением обула серые, старенькие, с кожаными заплатами на пятках, но зато мягкие, лёгкие и привычные.

А хотелось-то пофорсить в гостях!

Да и то сказать, на другой конец села переться – в тех бы не дошла.

По пёстрым домотканым дорожкам прошествовала хозяйка до комода, что стоял как раз напротив входной двери, взяла баночку крема «Молодость», которым уж года четыре пользовалась. Вот и запах его неприятный стал со временем – ну это не важно. Старое, замутнённое от времени зеркало повернула Пелагея так, чтобы свет, пробивающийся из окошка, падал через замёрзшее стекло на лицо. Зацепив указательным пальцем чуть-чуть, ровно горошинку, белого пахучего маслянистого крема, намазала на щёки и, как следует, втёрла, чтобы не обморозить их. Конечно, гусиным жиром было бы лучше, но хоть и шёл Пелагее седьмой десяток, модниться она ещё пыталась и даже из почти пустой гильзы когда-то давно купленной и уже истраченной помады мизинцем что-то черпанула, ковырнула и, сложив куриной жопкой ставшие уже ниточками тонкие губы, алой помадой намазала их, оставшись собой довольна. Гребнем подобрала ещё густые седенькие волосы, гладко зачесала и повязала ситцевый платок, на него – пуховый. Сняла с гвоздя и надела плисовый, на ватине сак, который бабы по-простому называли – полупердень.

- Не в куфайке жа тащиться! Праздник, чай! – сказала сама себе женщина, - всё! Прифиндюрилась, прибралась! Можно итить.

Взяла Пелагея подготовленную с вечера и выставленную в холодные сени сумку из серого дерматина, наполненную гостинчиками. Блинцами, пресняком – пресным пирогом с морковью, сладеньким. Бутылку козьего молока налила, хотела четверть – да не дотащить.

- У пляменницы корова, а козье-та скуснея и для детишк-кав пользителнее будить, - рассудила так.

А ещё кулёчек конфет ирисок, да носочки из козьего пуха малышам. Больше-то забоялась брать:

- Тяжалёхонько будить снег мясить, взапрею поди, распотеюся. Как ба не простыла я, не слягла потом. Кому за мной ходить-та? – только этот разумный довод и остановил, а то набрать чего-то ещё можно.

Последние годы редко Пелагея отлучалась со своего двора, поэтому присела на лавку, как перед дальней дорожкой. Решительно поднявшись, покрылась сверху ещё большой клетчатой шерстяной шалью, взяла палку от старого сломанного ухвата собак, ежели пристанут, отгонять и вышла за дверь в сени, оттуда уж на крыльцо.

Вышла и зажмурилась, смухортилась от нестерпимой рези в глазах, аж на слезу прошибло. Солнце пронзительно яркое, небо удивительно чистого голубого цвета, снежные сугробы блестят и переливаются самоцветами, лёгкая позёмка-завирушка хулиганит, закручивая и вздымая вверх снежные «кудряшки». Вот были следы, и уже нет их, присыпаны снежной «мучкой», сглажены. Пойди-ка, отыщи протоптанный, проторённый кем-то путь! То-то и оно! Тяжело будет идти. Да и морозец заметно стал крепчать.

- К ночи-та прижмёт, уж прижмёт, без сомнений, - потревожилась Пелагея, но решение своё менять не стала и двинулась вдоль дворов.

На улице, несмотря на полдень, пустынно. А чего шараться, праздник же! Дома печи протоплены, тепло, уютно. Кабанчиков перед праздниками, с наступлением морозцев, закололи. Теперь и холодец наварен, и сало усолело. Есть и горькая и сладенькая, всё своё. Казёнку-то душа у мужиков не принимает, нагнали своей потиху. А в печи тыква дошла, только тронь ножом – развалится на дольки да с холодным молоком, да вприхлёбочку! Картошечка разварная со спахтанным свежим маслом да рубленой капусткой, а захочется и творожок принести из каморы, с холоду можно, да сверху него густой сметаны или с верхками да мёдом. Ум отъешь!

Хлебушек ржаной напекли бабы, да и сдобы, завитулек разных целые тазы. На все праздничные дни наготовлено. Угостить родных, соседей, да и ряженных, да и тех, кто Христа славить придёт, святочные песни петь станет. А уж когда управились с хозяйством, коли совсем истома взяла, леность подкралась, так вон калёные семечки целое решето, да тыквенные сушёные. Сиди себе на печи, грызи, расслабляйся! А то бери

гармошку да наигрывай, пой, горлань от души частушки. Куда зря с добром!

Нет! Ничто из тепла не вытянет народ, не заставит покинуть уютные свои гнёздышки. Ну, если только какой-то удивительный случай или беда, не приведи Господи!

Взбивая валенками сыпучий снег, тётка Пелагея, преодолевая препятствия, погружаясь почти по колено, двинулась в путь. Идти тяжело. Держась поближе к заборам, прошла уже два двора, когда неожиданно внимание её привлёк странный, еле уловимый ухом звук. Будто урчала собака, у которой отнимали кость! Да так угрожающе! Пелагея встала, как вкопанная, и принялась озираться по сторонам, но ничего подозрительного не увидала. Взяв половчее палку, выставив её вперёд, она сделала ещё два-три шага и уже более отчётливо услышала насто-роживший её звук. Приглядевшись попристальнее, как только было возможно при ярком солнце, наконец заметила, что над высоким сугробом, как раз за двором Тишки Трюхина, из под-таявшего небольшого отверстия тонкой струйкой поднимается парок. Вот именно оттуда, из сугроба, шёл и звук!

- Чавой-та, - опешила тётка Пелагея, - страсти какая! Чаво деится!

Не медля, она, подобрав юбки, затрусилась к калитке дома Трюхиных. Нервно что-то бормоча себе под нос, вошла на крыльцо и резко забарабанила в дверь железной накладкой. В доме враз услышали этот нетерпеливый, взволнованный стук, и вскорости в проёме распахнутой двери появился сам хозяин в мятых портках и майке, в накинутах на плечи полушубке.

Ковыряя спичкою в зубах, наверное, после сытного обеда, Тишка вопросительно уставился не совсем трезвыми глазами на Пелагею:

- Ну и чаво бунишь? – спросил он после некоторой паузы.

- Тама вона хтой-та хыркаить в сугробе, - показала рукой ещё не успевшая отдышаться после быстрой ходьбы Пелагея. – Пойди, сам глянь!

- Чаво буробишь-та, старая? Я с сеновала рухнул штоль?

Али мене делать боля нечаво? – вопросительно прищурился на неё мутноватым взглядом Тишка.

На эти его слова Пелагея дюже осерчала. Она, стало быть, переживает, а этому дурню – всё едино.

- Ну, гляди, - резко проговорила она, - как хотишь. У тва-во двора хыркаить, а мене-та, како дело?

Тишка поскрёб пятернёй волосатую грудь и призадумался. Потом решительно проговорил:

- Лады, погодь тута, - и захлопнул перед носом Пелагеи дверь.

Правда, довольно быстро вышел, хотя жена его Нинка кричала в сенях вслед ему:

- Куды несётъ-та, накой попёрси, ходок? – и угрожающе, подозревая, видно, в чём-то нехорошем, пригрозила:

- Гляди у мене, добегаисси, шебуняй! Вот уж брындаить он! Вот уж брындаить!

Но выплянув на крыльцо и увидев там тётку Пелагею с озадаченным лицом, сразу заткнулась и скрылась в избе, смекнув:

- Кажись, дела пахнуть тута карасином, чавой-та стряслося, поди, - наматывая кое-как платок, рванула с гвоздя доху, одновременно всунув ноги в валенки.

Тихо, крадучись, приблизились к сугробу.

- Мать чесная! Кажись мядведь-шатун тута прилэг! – обомлел Тишка и полушёпотом бабам, замеревшим позади, - бягитя, мужуков покличъя. Пушай бяруть дреколье, да рогатины, скрябки аль вилы! Да к деду Сидору не забудъя, у няво берданка.

Нинка и Пелагея, уже взъерепененные, взбудораженные, ринулись по обе стороны улицы скликать мужиков. Они долбили в двери и оконные переплёты так громко и нахраписто, что мёртвого могли поднять, а не только дремавших после праздничной трапезы, под хмельком или даже в сильном подпитии деревенских жителей. Ох, что тут началось! Дети завопили в избах на все голоса, до визга испугались. Собаки залились громким истошным лаем и рвались с цепей. Бабы взвыли, предчувствуя какую-то неведомую беду. Но что именно беду – не сомневались даже!

Мужики, нетвёрдо опираясь на колья и рогатины, шарахнулись к месту событий. Шарахнулись, да не все. Иные поостереглись соваться в неведомое:

- Не ровён час, отхватишь тама.

Другие, и таких немало, разумно рассудили:

- А надоть обзгодить, пушай поперва ети сбегают, разнюхают, чаво почём. А уж опосля и мы подтянимси, коли за-требуется.

Бабы с ревушими младенцами, закуляхтав их, кое-как повыскакивали из изб, да бежать не решились.

- Куды с малыми-та? Простынуть, - в спины ругали их из-за дверей старухи.

Кормящие, с завидками глядя на бегущих, потоптались у порога, попробовали поймать за шиворот юркую, изворотливую мелюзгу – те прямо из-под материных подолов пролезали, выскакывая и блестя соплями, которые то слизывали на бегу языком, а то утирали рукавом, толкая друг друга, поспешали, лихо загребая большими растоптанными валенками, догоняя спешащих взрослых.

Мужики матюкались, прогоняли ребятишек из-под ног. Те ловко отскакивали в стороны, приостанавливались и вприпрыжку опять догоняли толпу.

Дед Сидор, охранявший когда-то давненько на поле горох, в сдвинутом набекрень треухе, преисполненный ответственности, так как находился при оружии, с допотопной берданкой наперевес, в распахнутом драненьком колушке, побрякивая медальками, которые успел всё же нацепить по такому случаю, трусил, поспешал, перебирая лихо здоровыми латаными валенками, к месту события. Он разумно полагал, что без него не начнут, так как пригласили лично и с ружьём.

Шум и гвалт поднялся, хоть святых выноси. А тому медведю в сугробе хоть бы хны! Дрыхнет подлец!

Тишка Трюхин, не выдержав, взревел:

- А ну брысь отседа! Баб, ребятёнков – убрать! Кровопротитие намечается, а они припёрлися цельным стадом! А ну, как встанить, да попрётъ на вас? А в нём-та поболе двух метров

росту, да весом живым ого-го сколько, а когти, - он огляделся и, схватив в руки вилы, потряс ими над головами замеревших ротозеев, - во какая!

Народ примолк. Слышно только надсадное, с сипом и присвистом всеобщее дыхание, да шварканье мокрых носов, да скрип снега под взволнованно топчущимися валенками.

Бабы нехотя отступили. Волоком, за ворота, потянули недорослей за собою. Но отошли недалеко, на десяток шагов, или влезли на крыльцо стоящих рядом домов, чтобы в случае чего нырнуть в спасительные сени и заложить двери изнутри.

Остались, в некотором отдалении от сугроба, одни мужики, человек пять.

- Во, едрёныть! – покачал головой Серафим Брызгунов, - а мы-та именины мальчонке своему вчера справляли, а ноня продолжали. В ночь вчера мяло-мяло, не мудряно, таки холмы нанясло. Крёсней, поди, спужалси, не пришёл ни вчѐра, ни сѐдни. А мы-та нонича за столом сидим, продолжаим, а тут ор: мядведь! Все повскакали и сюды бечь.

- А хто хрёсней-та? – поинтересовался дед Сидор, просто так спросил, чтоб обстановку разрядить.

- Так Чемердяев Агафон Семёныч!

- Чемердяев? Энто любитель закласть за ворот? А чаво одного ждали, а баба яво иде жа? – не отставал дед Сидор, и это стало всех уже раздражать.

- Чаво ты пристябалси к мене? – возмутился Серафим. – Тут о деле надоть кумекать, как ловчая медведя поднять, да завалить потом, а ты докопалси до мене, - однако решил всё же ответить старому, который обиженно отошёл в сторонку, оперся на берданку и примолк, - на сносях она, а Агафон, как подопьѣть, дюжа ненадёжной. Кобенится. Страшно с ним итить бабе. А так-та ничаво мужик.

И, помолчав, добавил:

- Вот вить выпить любить, а сам не пришёл, - и в раздумье проговорил, - а как, ежели яво мядведь задрал? А? Закусил таперя моим кумом и дрыхнуть, тварь такая?

Всех будто кипятком окатило! Аж пар от мужиков пова-

лил. Никому в голову такое не стукнуло! Надо ж сказануть! Подумать и то страшно. Тут же стали по-серьёзному рассуждать.

- Окружаем яво, мужуки, - скомандовал Тишка, - и по моей команде ширяим со всех боков, чем имеем. А как подыдем, тут уж дед Сидор не оплошай, целись в башку и стрельни, понял?

- Такая мене доверия, а я чаво-та, мужуки, забоялси. Не ровён час промахнуся, аль замешкаюся, тады чаво? – пробормотал растерянно Сидор.

- Струхнул дед? А с виду гярой! Вона весь в мядальках, а сам уделалси враз, - налетел на него Серафим. – Давай, я стрельну.

Дед Сидор тут посуровел и решительно ответил:

- Никак нет! Оружью перядать никому не смею, сам должён.

Это вызвало всеобщее уважение, и решимость появилась.

Мужики, тихо обойдя сугроб по кругу, выставили вперёд оружие своё, ожидая сигнала. Дед Сидор смело встал с нацеленным на сугроб ружьём. Тётка Пелагея, отдав кому-то безоружному из мужиков свою палку, забежала в калитку к Трюхиным и там прижухла у крыльца, прижав к груди, как бы защищаясь, свою сумку с гостинцами.

Наступила напряжённая тишина. Даже собак не слышно, дети примолкли, бабы заткнулись, кучей столпившись на крыльце соседнего дома.

Прочистив горло, кашлянув в кулак, Тишка вполголоса скомандовал:

- Начали!

Мужики, что было силы, ткнули, поддели со всех сторон возвышающийся сугроб, дед Сидор прицелился, прижмурился, готовый пальнуть и тут...

- А-а-а! – разорвал тишину душераздирающий хриплый крик. – А-а-а!

Сугроб заходил ходуном. Из-под снега появилось что-то тёмное, взъерошенное, огромное и растрёпанное.

Дед Сидор пальнул. Осечка, язви её!

Все попятись, выпучив глаза, падая навзничь, побросали дреколье, пытаясь отскочить на трясущихся ногах, отползти, зарываясь в снег. Тут уж не до нападения – шкуру свою спасти бы. Вскоре перед зверем осталась одинокая, застывшая на полусогнутых ногах фигурка деда Сидора. Он, видимо, решил принять смерть героически, так как подвёл всех. А зверь завывая, постанывая и потирая больные места, корячился, выбираясь из сугроба. Медведь-шатун, здоровый и коренастый, весь в чёрной шерсти, затравленно, исподлобья с испугом озирался по сторонам. На его бордовой морде поблёскивали слезой два маленьких припухших глаза. Он тёр лоб скрюченными, посиневшими пальцами огромных лапиц и что-то под нос себе бурчал. А над испуганными людьми морозный ветерок разнёс стойкий вонючий запах перегара.

- Че-мер-дя-ев! Агафон Семёныч! – пролепетал, выдохнул, узнавая медведя-шатуна, Тишка.

- Вот те на! Это ж кум! – опешил Серафим Брызгунов, поднимаясь с колен.

Тётка Пелагея тихо сползла спиной по балясине крыльца Трюхиных в снег. А горе-медведь, постанывая, в развалку, еле передвигая застывшие и отлёжанные ноги, медленно поплёлся к вылупившим от ужаса на него глаза мужикам. На пути его, еле державшийся на трясущихся ногах, стоял дед Сидор. Он тут же повалился на колени и, утирая лицо своё треухом, всхлипывал и причитал, кланяясь головою в снег:

- Сла-те, Господи, што не убил я! Грех на душу не взял! Када ещё осечке-та возрадуисси!

- Ты чаво тута дед? – едва разлепив спёкшиеся губы, прохрипел несчастный Агафон. – Накой табе ружжо?

Но вдруг, оглядев молчаливо стоящую и разглядывающую его самого толпу за спиной деда, кажется, что-то стал понимать:

- Эк мене угораздило-та!

Он поскрёб свалявшиеся паклей волосы на мокром затылке и рухнул в снег, обхватив голову руками.

Народ стал помаленьку приходить в себя, слышались нервные смешки и солёные шуточки. А Агафон Семёныч Чемердяев, очухавшись, опаматовшись, вдруг встрепенулся:

- Мужики! А у мене, помню, сумка была с гостинцами. Потыкайте в сугробе, авось отыщем.

Переворошив всё кругом, отыскали потерю.

- Ты, Агафон Семёныч, кончай, давай, баловать, без меры горькую жрать, - назидательно погрозила пальцем Нинка Трюхина Чемердяев. – В водке ищешь силу, так идёшь по краю могилы. А, ежели бы не тётка Пелагея, замёрз ба! Чуешь, как морозец забираить. Ей, сядешнай, спасибочки скажи. Ой, а иде жа она? – закружилась, оглядываясь по сторонам, Нинка. – Иде Пелагея, нешто никто не видал? – повернулась к народу.

А тётка Пелагея, и так потеряв много времени, по дорожке, вытопанной в сутолоке да беготне народом, далеко ушла, уж поторапливаясь. И только, удаляясь от глаз людских, маячили неясные очертания фигуры уходящего в снежную круговерть человека.

НИКОЛАЙ ВАСЮКОВ

Позабитая страна

Непорочное милое детство!
Позабитая нами страна.
В нашей жизни особое место
Занимает по праву она.

Я хотел бы в то время вернуться,
Ключ судьбы, словно тайну, открыть,
И к истокам своим прикоснуться,
Все уроки его повторить.

Где-то там острова, океаны,
И мечты, и порывы мои,
Там потери, душевные раны,
А ещё там начало любви.

Николай Егорович Васюков родился в Подмоскowie в 1940 г. Малая родина – село Ивановка Сампурского района. Окончил Тамбовский автодорожный техникум, факультет журналистики Киевского госуниверситета, служил в армии. В качестве журналиста работал в Крыму на студии телевидения, в редакторе Гавриловской районной газеты. Выпустил четыре сборника стихов. Председатель районной ветеранской организации.

Я туда непременно приеду,
По тропинкам его поброжу.
За печали и слёзы победы
Слово доброе детству скажу.

Моё детство! Моя ты криница,
Я с тобой, как с живою водой.
Только жаль, что года вереницей
Будто птицы, летят надо мной.

* * *

*«Что-то с памятью моей стало»
Р. Рождественский*

Порой не помню то, что было
Со мной ещё позавчера.
Тяжёлым камнем придавило
Воспоминания с утра.

Друзья забыты и подруги,
Имён их милых карнавал,
Кто жил поблизости в округе,
Кто руку дружбы подавал.

Зато в садах Семирамиды
Без страха падаю в траву,
В Египте строю пирамиды
И с Одиссеем я плыву.

Зато Пунические войны
Приходят, словно сквозь туман.
Дохнёт в лицо их ветер знойный,
Их исторический дурман.

Стою на страже в древнем Риме -
Ведь Ганнибал уж у ворот -
И ощущаю вечно, зримо
Стальную мощь его когорт.

Я помню даты и события
За пелену ушедших вех.
Всплывут по странному наитью
И чей-то плач, и чей-то смех...

Как наша память прихотлива!
И как изменчива она!
Её тропинки и извивы –
Обетованная страна.

Всему свой час, свои одежды
И та же ляжка бытия,
Но я живу одной надеждой,
Что кто-то вспомнит и меня.

Осенний мотив

Вот уж небо разлуку пророчит
Журавлиною стаей вдали,
Но никто из нас верить не хочет
В обжигающий холод земли.

Ещё в парках задумчиво падать
Будет жёлтый берёзовый лист,
На ветвях оголённого сада
Плод последний прозрачен и чист.

Я приду, словно ветер осенний,
Из какого пространства - невесть,

Ожиданием стать в твоих сенях
И надеждой в углу присесть.

Посидим, помолчим на дорожку,
Чтоб в пути не случилось беды...
И стучат нам дожди по окошку,
На стекле оставляя следы.

О прошлом

Однажды прошлое вернётся,
На радость или на беду,
В душе, как эхо, отзовётся.
И вот уж я за ним иду.

Волной плеснёт воспоминанье
На берег памяти моей,
Там чистые, как снег, страданья
И клятвы верности верней.

И что-то там ещё осталось,
Флюиды времени не врут...
Такою долгой жизнь казалась,
А вышло - несколько минут.

Но не погубит их забвенье,
Игра всеильного ума.
Последним станут откровеньем,
Как строчка древнего письма.

И мне теперь совсем не страшно,
Хотя на солнце пала тень...
Отрадно встретить день вчерашний,
Но нам дороже новый день.

* * *

Ещё живу, хотя без цели,
А без неё душа пуста.
Мечты давно уж облетели
Листвой с осеннего куста.

Ещё я мыслю и страдаю,
Несу свой крест не по годам.
Я одного не понимаю,
Кому плоды трудов отдам?

Всё то, чем смолоду владею,
Что было смыслом бытия.
Уверен я, не оскудеет
Рука дающая моя.

Ещё хожу я по планете,
Но не о том теперь печаль:
Когда кончаются рассветы,
Закатов мне уже не жаль.

Ещё живу, во всё вникая,
Но тоньше, тоньше с миром нить...
Юдоль земную покидая,
Кого за всё благодарить?

Сомненье

Сомненью подвергаю каждый шаг.
Не каждый факт на веру принимаю.
Становится понятней, кто мой враг,
И кто мой друг, я лучше понимаю.

Сомнение - мой компас, что ведёт
По жизни, от ошибок избавляя,
А если прекращается полёт,
Я по ошибке шибко не страдаю.

Сомнительна порою правота
Деяний власти от лица народа,
Но без сомненья права красота,
Что есть и в человеке, и в природе.

Сомнительны цитаты напрокат,
Когда их произносят фарисеи.
По мне, уж лучше откровенный взгляд,
Что ненависть в душе моей посее.

Я без сомненья верую в людей,
Которые подвержены сомнению.
Без них на свете не было б идей,
Способных на прогресс и откровенье.

Сомненье, если надо, одолжу.
И здесь не может быть иного мненья.
Я с малых лет сомнением дорожу...
Хорошая штукавина – сомненье!

ВАЛЕРИЙ МАРКОВ

В сердце каждого из нас

Город доблести и славы,
Боевой и трудовой,
Был ты крепостью-заставой,
Стал столицей областной.

В самом сердце у России
Не одну уж сотню лет.
Чернозём твой тучный, сильный
Не поганил вражий след.

А граница и поныне
В сердце каждого из нас,
Как берёзка с небом синим,
Что синей для наших глаз.

Валерий Александрович Марков родился в 1948 году в селе Петровка Сампурского района. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт, Северо-Кавказский социально-политический институт. По основному опыту работы - журналист. Автор нескольких книг стихов и публицистики. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат региональных премий имени А. Воронского, И. Рахманинова, В. Богданова.

Радость наша - Эльдorado,
Остров зорь на тихой Цне.
И такой красы-улады
Не найти на стороне.

Наши чувства безграничны,
Признаваться в них готов
Беспреданно и публично:
- Я люблю тебя, Тамбов!

Уезжают на границу
Земляки мои служить:
И Тамбов им милый снится -
И роднее рубежи.

А граница и поныне -
В сердце каждого из нас,
Как берёзка с небом синим,
Что синей для наших глаз.

Проповедь

Покровский храм на берегу реки.
Как эхо, - проповедь святителя Луки.
Ему внимают старец, отрок и солдат,
И матерей глаза надеждою горят,
И силы прибывают во сто крат.
О, эти силы были так важны,
О, эти силы были так нужны,
Чтоб выжить-выстоять в аду войны...

Хирург от Бога, веры столп - Лука.
Как крест, держала нож его рука,
Бойцов увечных тихо осеняла,
Уверенность в победу в них вселяла,

И от мучений, ран спасала.
Тем исцелениям - особый счёт,
Молва о них с молитвами живёт,
И никогда, как вера, не умрёт.

Покровский храм на берегу реки,
И строгий лик святителя Луки.
И каждому понятно тут без слов:
Он не покинул славный наш Тамбов.
Та проповедь слышна сквозь толщу лет,
В сердцах и душах её добрый след,
Как той лампы негасимый свет.

Урок труда

*В СМИ промелькнуло сообщение
о том, что из школьного расписания
хотят убрать урок труда.*

О, грузовик тот многотонный,
Ладонь - в мозолях, горяча...
Я познавал закон Ньютона,
Цемент таская на плечах.
Я той работою гордился,
И не стоял тогда вопрос,
Что я устал, перетрудился,
Что ждёт меня остеохондроз.

Рождалось таинство бетона,
Мотор отчаянно рычал...
И я «пятерку» за Ньютона
На радость маме получал.
Вот так мужал умом и телом,
Причастен был, почти юнец,
К большому радостному делу,

И горд был слышать: «Молодец!»
Да, молодец, что не захныкал,
Да, молодец, - не спасовал,
Как говорится, шит не лыком,
Как в поговорке: мал-удал!..
И втайне мышцами гордился,
С раствором крепили и они.
Вот так трудился и учился.
Мелькали годы, словно дни...
Смотрю на юность, как с обрыва.
Да, возраст мудростью силён,
И тем, что той порой счастливой
Крепчал характер, как бетон.

Вся жизнь - в труде, скажу по праву.
Мой груз забот - на сто сердец.
Да, не кричат истошно «браво»,
Но и не скажут, что подлец.
Горжусь и маминой наградой:
В войну трудилась горячо.
И знает друг мой, если надо, -
Своё подставлю я плечо.
Я презираю белоручек,
Усвоил раз и навсегда,
Что жизнь - и этому пусть учат! -
Урок труда, урок труда.

Покровская ярмарка

Ярмарка Покровская -
Яркая и броская.
Песенно-аккордная:
На страну - рекордная.
Картошечка - кумир,
Золотой мундир,

Собрала весь мир,
Жареная, варёная,
Маслицем сдобрёная...
Взгляды влюблённые
И удивлённые:
Сковорода – в полнеба!
И это - не небыль.
Кузнецы-молодцы,
Силачи-удальцы,
Чудо-ухари-купцы -
Вот она ярмарка в лицах!
Есть чему восхититься,
Есть чему подивиться,
Есть чем прельститься,
Есть чем угоститься!..
Яблоки - румяны,
Деликатесы - пряны,
Разносолы - без изъянов,
Ряды мясные,
Дары лесные.
Поделки - на все вкусы:
Лукошки, коврики, бусы...
Ох, мастера искусны!
Трикотаж из Рассказова -
Покупай и показывай!
Бондарский сыр, как янтарь, -
Бери, в грязь не ударь...
Техника тоже есть -
Можно в кабину сесть:
Заводи и поехали,
Себе и людям на потеху...
Гости - ростовские,
Гости - московские,
Гости — заморские,
Радуйтесь ярмарке Покровской
На земле родной Тамбовской!

ЛИДИЯ ПЕРЦЕВА

Вам ли греться моим теплом...

Вам ли греться моим теплом,
Бесноваться уколами ревности?
Вам и нрав мой совсем не знаком
Из дремучей, запутанной древности.
Мне бы пить из земных родников,
Удивляться восторженной нежности.
Не приемлю границ и оков,
Если степь – так уж степь до безбрежности!
Водопадом бы падать мне с гор,
Распластавшись синими крылами,
А в любовь поиграться – позор,
Лучше каплями вымерзнуть стылými...
Мне немного сойти бы с ума
И забыться в своем сумасшествии,
Чтоб долгов непомерных сума
Не мешала в том праздничном шествии.
Мне бы ширь всех российских лесов,

Лидия Александровна Перцева - поэтесса, родилась в Йошкар-Оле, окончила Воронежский государственный университет. Работала зам. председателя правления Союза научно-инженерных обществ Тамбовской области, избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор поэтических книг, много пишет на православную тематику. Член Союза писателей России

Да собачьей покорности, верности.
Мне претит эта прыткость дельцов.
Мне любить – так любить до безмерности.

Я снова взгляд ловлю

Я снова взгляд ловлю:
Когда пересечется?
Не говорю «люблю»,
Но странно сердце бьется.
Взметнутся сотни волн
И осечется голос,
И рваный, острый скол
Подрубит речь, как колос.
И в немоте грешна,
В виски стучит смущенье.
Растерянно-смешна
До самоотречения...
Но окунется взгляд
В разрез твоей улыбки,
И в сотый раз подряд
Я делаю ошибки.

Погубленная любовь

Улицы все замечает снегами,
Вьюжит и вьюжит метель.
Что-то случилось сейчас между нами...
Двери сорвало с петель.
Окна захлопали ставней ушами,
Свет просигналил беду.
Что-то случилось сегодня меж нами...
– Знаешь, сейчас я уйду.
Печь загудит, заискрит головешкой,

Жар сизым дымом в трубу.
– Если уходишь, – иди, и не мешкай,
Через пустую избу...
Жалобно вслед проскрипят половицы,
Треснет доска у крыльца,
Небо своею незримой десницей
Бросит завесу свинца.
Я завернусь в полушубок метели,
Скроюсь за призрачной мглой.
Может, все зимние ветры напели?
Но не гонись ты за мной.
Пес заскулил, словно в доме покойник,
Выгнулась дерева бровь,
Выдоив души в бездонный подойник –
Мы погубили любовь...

Романс

Я перестала дни считать
Возрата вас под сени сада,
А чувства все похитил, знать,
Коварный кто-то, – что ж, я рада.
Умолк искусник-соловей,
Опали листья с липы, клена,
Беседка наша средь ветвей
Уж не манит к себе влюбленно.
Там было столько тайных встреч,
Вы страстно целовали руки,
Но не сумели уберечь
Любовь и нежность в дни разлуки
Вас не виню уже давно.
Вы, говорят, другой любимы,
Но поцелуев тех вино
Пью вновь и вновь неодолимо...

Любовью пламенея

Любовью пламенея к Богу,
Колени все стирала в кровь,
Страшась сомненьем: как убогой
Вместить вселенскую любовь?
Молитвы птахами взлетали,
Сливаясь в шумный гвалт и грай,
Как почеркушки с лёта стаей,
Цеплялись за бумажный край.
Рвались, зависнув, цепенея,
Кинжальным страхом от потерь
На древе памяти трезвея:
Кто я, кем становлюсь теперь?
К высоким ль звездам не стремилась?
Здесь не угодна никому.
Земным ничем не обольстилась –
Ни по душе, ни по уму.
Но на земле души начало,
Бессмертие и Божий суд.
Выходит, жить земным пристало,
Пока твой прах не понесут.
Тогда, как тень, твои деянья,
Мечтанья помыслов, надежд
Исчезнут звуки, осязанья
Из-под сомкнутых плотно вежд,
Сотрется вкус и запах жизни,
Людей предательство и ложь,
Любовь к поруганной Отчизне,
Туда и плоть не заберёшь.
Эх, кабы здесь мне быть свободной
От скорпионных жал страстей,
Чтоб стала смерть не инородной,
А как пожизненный репей.
Армагеддон перед глазами,

Постичь, где зло, и победить
Не окружать себя врагами,
А всё и всех любить, любить.

Прощальное

Я отойду тихонько от тебя,
Под образами преклоню колена,
Просить святых, мучительно моля
Стереть из памяти всё то, что нетленно.
Я не могу гореть в твоих силках,
Лоб разбивать о каменную стену
И засыпать с прощеньем на устах,
Тебя теряя снова неизменно...
Пускай уйду в забвеньё хладных зим,
Пока больное сердце не сгорело,
Ты станешь мне далёким и чужим,
И до меня тебе не будет дела.
А к одиночеству ты не ревнуй,
Да свысока не даруй мне прощенья.
Прощай, прощай... Последний поцелуй –
Печать любви на свитке искушенья.
Прерву поток ненужных слёз и слов,
Упрячу смуту чувств в души котомку.
Благословляю щедро на любовь
К найденной тобою незнакомке.

Береги себя

Береги себя для весны,
Береги на года-лета.
Береги, как ребенка, сны,
Чтобы длилась сказка та –

Бесконечная, благозвучная,
Очень мудрая, ненаучная,
Неспособная к убиению,
Непокорная усмирению.
Все, что прожито, сохраняя,
Береги себя для меня.

Аллея любви

Я иду по аллее тенистой
В лепестках увядающих роз.
Путь, обласканный памятью чистой,
Поцелуями плачущих рос.
Окропили они ли, заря ли,
Обронила сквозь кроны рассвет,
Вновь и вновь вспоминаю в печали
Ваш оставленный розовый след.
Вы, бывало, бродили часами
В аромате деревьев и кустов.
Я безмолвно шагал рядом с вами,
Бесконечно вас слушать готов.
Ветер сдул, или белые вьюги
Изменили окрас лепестков,
Но забвенья коварные слуги
Не смели из аллеи любовь.

Божий дар

Листая прошлого страницы,
Воспоминая дыша,
Хотелось всем мне поклониться,
Кого приветила душа.
Любимых мной и нелюбимых,

Кто издали любил меня.
От их костров неопалимых
Светились очи. От огня
Взлетали искры, угасали
В рассветном сумраке ночей
Снопам огненными пали
На скирды скошенных полей.
Чтобы потом воспламениться
И согреть остаток дней
И бесконечно долго длиться
«В душе измученной моей».
Я всех теперь люблю, как вёсны,
Как летний жар ушедших лет,
Осенний лист на травах росных,
Как зим морозных санный след.
Всё, что небрежно отметалось,
Испепеляло, как пожар,
Ведь это то, что мне осталось
На склоне лет, как Божий дар.

Простора мир

Простора мир в твоих объятьях,
Вселенная в твоём окне.
И бесконечность мной объята,
Когда «люблю» ты шепчешь мне.

Я восхожу

Я восхожу до вашей высоты,
Я нисхожу с верхушки пика «я».
Мне эдельвейса грезятся цветы
Чуть-чуть повыше просто бытия.

А слишком ввысь - там холоднее снег,
Замерзнув, к солнцу тянется рука.
Я откажусь от благ и жизни нег,
Возможно, навсегда, а не пока.
Я восхожу до вашего добра,
Я нисхожу от пагубы и злоб.
Пусть надо мной озонная дыра,
Но не теплеет на сердце сугроб.
Я восхожу до мужества молчать,
Я нисхожу с желанья говорить.
Мне на уста запретная печать –
Дай силы молча о любви молить.
Я восхожу до разума прозреть,
Я нисхожу с иллюзии слепца.
Удел высокий - близких словом греть,
Согреться б самому - удел юнца.
Я восхожу до чистоты любви,
Я нисхожу с понятий «гнев» и «мечь»
И очи – в небо. Господи, яви
Мне истинные чувства, а не лезть.
Я восхожу до воспаренья «ты»,
Я нисхожу от жизни не любя.
И постигаю: дети - вот цветы,
Для них я отрекаюсь от себя.
Я восхожу до чистоты и честь,
Я нисхожу от подлости и лжи.
И счастлива - в душе Отчизна есть,
Понятия - Москва, Тамбов, Кизи...
Я восхожу до русской глубины,
Я нисхожу - космополитный рай?
Бегу чумных пороков сатаны,
Когда глаголет Вечность - выбирай!

В какой бессчетный раз

Памяти Андрея Тарковского

В какой бессчетный раз подряд,
Как взлеты и паденья, –
Взгляд в будущее и назад,
Отлет в долгомученье.
Так птица бьется о стекло
Своей огромной клетки.
Вот форточка – ей повезло –
Она уже на ветке.
Но дунул ветер и зима,
И птице не до пенья.
По снеговым холстам сама –
Под кров долготерпенья.
Неведомый простор свобод!
И радуется забвенью,
Как инока святой уход
В покой долгомоленья...
И светел мир возврата чувств
С непознанным общенье,
Как радуга, как солнца луч –
Луны долгосвеченье...
Благословенна чистота
Духовного горенья.
Там за свободой – пустота,
А здесь – долгостаренье...
Я на закланье лучших чувств
Иду. Прощай, свобода!
Да светит нам в душе союз
Долговозврата и ухода...

Моя любовь

Моя любовь – кленовый лист,
Его по воздуху несет
Осенний ветер-гармонист
Любовь он холит и пасет.
Моя любовь – пушистый снег,
Покрывший немоту земли.
Алмазы с жемчугом весь век
Любимому ковром стели.
Моя любовь – как первоцвет –
Весной разбуженная синь,
Всем улыбается: привет!
Дыханье лета через стынь.
Моя любовь – ромашек луг,
Средь васильков кольцом кружит.
И солнца луч, целящий луч
Цвести и дальше жить велит.
И круглый год, весь круглый год,
Меня времени окрас,
Мою любовь порыв несет,
Слагая жизни дивный сказ.

Из орнамента запахов

ОВЧ

Из орнамента запахов, красок,
Звуков бурных и легких ветров,
Жизнь моя без лукавства и масок
Снизошла под ресничный покров
Дуновеньем события смещали
Числа, даты, покой бытия,
Но мозаикой мне не мешали
Осознать: это я, это я.
Не случайно Божественной силой
Мне ниспослано небо земли

От рождения до предков могилы
Мысли, чаянья душу несли.
Ввысь глаза упиралися, в небо,
С притяженьем, нелегким для ног
Хоть справлялась, но ясности не было,
Где же истина, Кто же есть Бог.
Избирательно в жизни любила,
Но однажды, прозрев в полноте,
Я обиды и гнев отпустила,
Обомлев в неземной красоте.
Распахнулося сердце без меры,
Воскресала для света я вновь,
И на крыльях надежды и веры
Бог вселенскую дал мне любовь.

О творчестве

Гордыня, гордость и тщеславье,
Не вы ли движете пером?
Тогда молюсь я, Бога славя,
Не посещай строкой мой дом.

Скрепи уста печатью, руки,
Чтоб не сказать, не написать,
Миную творческие муки,
Молиться буду и молчать.

Но, если, вдруг, души порывом,
Заставлю сердце трепетать-
Я сразу сделаюсь счастливой,
И стану вновь писать, писать.

ЮРИЙ МЕЩЕРЯКОВ

«Гнева никакого не имею...»

Письмо из Тамбова за подписью Петра Чичерина, доставленное в кабинет Гавриила Державина 8 мая 1803 года, не могло не навеять печальных воспоминаний. И пусть со времени отстранения Гавриила Романовича от должности правителя Тамбовского наместничества минуло четырнадцать лет, и он, спешно покидая город, никак не мог знать, что со временем будет оправдан и станет генерал-прокурором и министром юстиции, боль от былых унижений и обид сохранилась, хотя и притупленная. Но послание человека, участвовавшего в травле его, Державина, да ещё и напоминавшего о событиях прошлого, вновь заставило, как и раньше, волноваться и переживать.

«Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь!

Не смею подумать, чтоб гнев Вашего Высокопревосхо-

Мещеряков Юрий Владимирович (род. в 1964 г.) – историк, краевед, поэт. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт. С 1988 г. – в Государственном архиве Тамбовской области, старший научный сотрудник. Автор монографий по историко-краеведческой тематике: «Мария Спиридонова. Страницы биографии», «Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786-1788)», «Тамбовская губерния в начальный период советской власти» и др.

дательства силён был лишить меня вашего покровительства. Сие противно будет известному всем вашему праводушию. А посему и осмеливаюсь просить принять меня в собственное ваше начальство, ежели место Тамбовского Губернского прокурора будет праздно. Согласовать себя по службе с правилами вашими не подвержено трудностям, я их знаю, они состоят только в двух пунктах: служить честно и делать правду.

Вашего Высокопревосходительства!
Милостивого Государя!
Нижайший слуга
Пётр Чичерин».

Да, памятливым оказался Пётр Васильевич: Державин часто упоминал о правде и чести, и не только на словах.

Если честь кто наблюдает
и законы правды знает,
притом скромно хочет жить.
Тот довольным может быть.

Эти строки, написанные на обороте черновой бумаги в ноябре 1788 года, должны были показать стойкость их автора перед невзгодами, силу убеждённости в своей правоте. Когда на тебя пишут наветы и сплетничают за спиной, а где-то в вышних сферах решается твоя судьба, убеждённость эта, вкупе с верой, была той соломинкой, за которую следовало держаться, чтобы не предаться отчаянию и не пойти ко дну.

Дата «Апреля 21 дня 1803 года», поставленная в конце чичеринского письма, также оказалась для Гавриила Романовича памятной. Холод раннего тамбовского утра, гул колоколов, группы духовенства и толпы простых людей, пришедших к Казанскому монастырю для участия в праздновании дня рождения императрицы Екатерины Алексеевны, – всё это промелькнуло в памяти явственно, словно было вчера. Вспомнились и крестный ход вокруг монастыря, и божественная литургия в соборной церкви с молебным пением за здравие благочестивой государы-

ни, и лица стоящих рядом чиновников, многие из которых тогда, в последний год правления Державина, стали его откровенными врагами. И здесь же стоящий Пётр Чичерин, - тогда еще молодой, не достигший и тридцати лет, но успевший послужить и в артиллерии, и в лейб-гвардии Преображенском полку, и на судебном поприще, - тоже принадлежал к числу противников правителя и поэта.

Откуда возникли эти противоречия, эта вражда? Возможно, источником недоброжелательства окружающих стал сам поэт с горячим и беспокойным нравом, непримиримый к беззаконию, лени, невежеству, стремившийся в короткий срок превратить вверенное ему наместничество в цветущий и благодатный край. И ведь он, действительно, достиг немало за два с лишним года. Лучше стали собираться подати и взыскиваться недоимки, продвинулись вперёд строительные работы в Тамбове и других городах, открылись народные училища, появилась типография и первая в России провинциальная газета «Тамбовские известия». Но все эти успехи достигались с криком, болью, непомерной затратой сил. Многим чиновникам пришлось выслушивать или читать резкие, порой обидные замечания и упрёки, и чем чаще звучали они, тем сильнее хотелось жертвам подобных разносов дать отпор, подловить правителя на ошибках, уличить в незнании.

И повод нашёлся – повод, превративший скрыто тлевшее недоброжелательство в откровенную и непримиримую вражду. В марте 1788 года в Тамбов прибыл комиссионер Екатеринославской армии воронежский купец Иван Гарденин, имевший поручение от светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина закупить хлеб для снабжения войска. Уже без малого год шла война с турками, и Державин прекрасно понимал всю важность и срочность миссии посланца генерал-фельдмаршала и президента Военной коллегии. Но, зная законы, он не мог самолично распорядиться выдать Гарденину требуемую сумму, ибо это могла сделать только казённая палата, подчинённая вице-губернатору Михаилу Ушакову. А он, Ушаков, не желая иметь дела с комиссионером (Державин подозревал, что тот просто не

получил от купца подарок), спешно уехал на осмотр Кутлинского винокуренного завода, оставив вопрос с выплатой денег за уже купленный хлеб нерешённым.

Накануне вскрытия рек и последующего водополюя, когда хлеб можно было легко доставить на барках в требуемые места, дело с деньгами не терпело отлагательства. В этих условиях, не имея возможности повлиять на отсутствовавшего вице-губернатора, Державин совершил обходной манёвр, потребовав 24 марта от губернского казначея сведений о наличных денежных суммах, хранящихся в казне. Получив на следующий день требуемую ведомость, он усмотрел в ней целый ряд несоответствий и дал ордер тамбовскому коменданту Матвею Булдакову на ревизию денежной казны. Проверка началась тогда же, 25 марта, и в ней, помимо Булдакова, приняли участие советник наместнического правления Иван Филонов, стряпчий верхнего земского суда Иван Каверин и секретарь дворянского собрания Матвей Савинский – все верные Державину лица. Сумма денег, выявленная в ходе ревизии, оказалась значительно больше той, которая была обозначена в ведомости казначея. В итоге Иван Гарденин получил необходимую ему сумму, а Гавриил Романович, формально превысивший свои полномочия, стал уязвим для нападок и обвинений.

И они не заставили себя ждать. Михаил Иванович Ушаков, вернувшийся в Тамбов 27 марта, тотчас приступил к составлению рапорта в правительствующий сенат с жалобами на незаконные действия Державина и притеснения, которые при ревизии претерпели служители казны от коменданта. Кроме того, вице-губернатор обращал внимание на то, что правитель оклеветал чиновников казённой палаты, уличив их «в беспорядках, коих совсем не было». Рапорт писался втайне от Гавриила Романовича, и вплоть до вербного воскресенья, приходившегося в тот год на 9 апреля, правитель наместничества ни о чём не догадывался.

Известие о кознях Ушакова пришло к Державину с совершенно неожиданной стороны – от его жены Екатерины Яковлевны. Дело в том, что по случаю вербного воскресенья, или

недели вайй, как тогда его ещё называли (от слова «вайя» – пальмовая ветвь) в доме правителя давался ужин, в котором участвовали высокопоставленные – по тамбовским меркам – чиновники и их жёны. И вот случайно, из разговоров жён чиновников, Екатерина Яковлевна узнала о том, что рапорт о противозаконных действиях её мужа составлен и отправлен в Петербург. Едва дождавшись окончания ужина, супруга поведала Гавриилу Романовичу об услышанном. И грянул гром...

Первым делом, невзирая на поздний час, правитель наместничества вызвал к себе губернского прокурора Дмитрия Хвощинского и обрушился на него с гневными упрёками: почему не сообщил? Распаляясь всё более, Державин обвинял уже Дмитрия Федоровича в попустительстве, потворстве незаконию, чуть ли не в заговоре, обещал донести о его проступках императрице, и тем окончательно поверг несчастного чиновника в страх. Несколько успокоившись, он потребовал от Хвощинского представить к следующему утру рапорт о жалобе вице-губернатора и с тем отпустил его. Вряд ли после такого разноса Дмитрий Фёдорович с домашними, да и сам Гавриил Романович с супругой спокойно и безмятежно провели ночь.

Дело, естественно, на этом не закончилось. В утро страшного понедельника, 10 апреля, правитель наместничества, получив прокурорский рапорт, пригласил к себе в дом «по экстренному делу» главных тамбовских чиновников и всех тех, кто присутствовал при злосчастной проверке казны. Ушакова не было: он уехал в срочную командировку, – но зато пришли те, кого Гавриил Романович подозревал в помощи при составлении им рапорта. Среди них были директор ведомства экономии Антон Аничков, председатель палаты гражданского суда Василий Чичерин и его сын Петр, занимавший должность председателя уголовного департамента Тамбовской верхней расправы. Именно на последнего пали подозрения Державина в составлении белого текста жалобы – подозрения, от которых он не отказался и впоследствии.

Разговор, как и следовало ожидать, вышел тягостным для всех. Чиновники никак не внимали упрёкам и обвинениям

со стороны Державина, а последнего раздражали их мелочные придирки к лицам, проверявшим казну, особенно к коменданту Булдакову. Последний, по словам свидетелей, в грубой форме поторопил присяжного (служителя казны), замешкавшегося с ключами: «Ну, поскорее отпирай и вынимай, что у тебя там есть», - и толкнул его тростью в спину. Да, несдержан был Матвей Дмитриевич, но кто на такие мелочи раньше обращал внимание! Разумеется, ни о каком покаянии, ни о каких извинениях со стороны Аничкова и прочих речи не шло: война, по сути, была объявлена. И последовавшая вскоре Святая Пасха, и день рождения государыни уже не принесли того умиротворения, той радости, что прежде.

Почему Державин сразу заподозрил Петра Чичерина в соучастии в составлении наветов и прочих интригах? Да хотя бы потому, что именно он обладал чётким и грамотным слогом и мог составить бумагу так, что содержание её выглядело ясно и убедительно для читающего. Вот и нынешнее письмо Петра Васильевича наглядно выдавало его сочинительскую манеру. С одной стороны, прошение о помощи в деле назначения на должность, а с другой – достойный тон, без раскаяния, но с тонким намёком на возможность попасть в опалу и неверие в это в силу душевных качеств адресата. Да и стоило ли, если судить по чести, сильно винить человека, не осмелившегося ослушаться отца и не поддаться на уговоры сочленов, с которыми служил в одном городе девять лет. И прослужил ещё столько же после отъезда Державина, пока в 1797 году император Павел Петрович не упразднил такое судебное учреждение, как Верхняя расправа. Многие судейские чиновники переехали в другие губернии, а те, кто по разным причинам остался, вынуждены были искать другие средства к существованию. Гавриил Романович, не прерывавший связей со своими немногочисленными тамбовскими друзьями, знал, что Чичерин-младший служит теперь выбранным от дворян заседателем в палате гражданского суда, что срок полномочий его истекает в декабре 1803 года, и податься ему некуда.

Неизвестно, долго ли длились раздумья, или, напротив,

вся прошлая тамбовская жизнь с её горестями и радостями пронеслась, подобно вспышке молнии, только итогом ознакомления Державина с письмом Петра Чичерина стала резолюция, выведенная в верхней части послания. Текст резолюции гласил: «Докладывано Майя 8-го 1803-го. Писать, что гнева никакого не имею, а, согласуясь с принятыми правилами, определить его не могу». Но пройдет ещё пять дней, прежде чем министр возьмётся за перо для сочинения окончательного ответа.

Почему же медлил Гавриил Романович? Неужели потому, что не мог сам себя убедить в правильности и справедливости своего отказа? Возможно, столько времени ушло на то, чтобы, в перерывах между текущими делами, вспомнить всё, что связывало его с Петром Васильевичем, и только тогда сделать окончательный выбор и дать ему подходящую должность если не в Тамбове, то в другом месте. Тогда, по вступлении Державина в должность правителя наместничества, Пётр Чичерин вызвал его расположение своим умом, учтивостью без подобострастия, аккуратностью и исполнительностью. Даже когда правитель рассорился почти со всеми чиновниками, включая Петра Васильевича, он продолжал доверять его деловым качествам. Именно ему Державин поручил 27 ноября 1788 года «освидетельствовать в Тамбовской нижней расправе порядок и содержание дел», – и тот справился с поручением вполне успешно. Да и позднее, как слышал Гавриил Романович, он вплоть до отставки служил похвально, законов не преступал, несправедливого имущества не нажил. Так и не женившись, жил Пётр Васильевич весьма скромно, содержа ещё при этом двух своих сестер.

Иное было с нынешним тамбовским прокурором Дмитрием Засецким, который уж никак не мог похвастаться честностью и старательностью. Сенатские указы при нём не исполнялись, судебные дела не решались месяцами, с канцелярских служителей взымались незаконные поборы, – и всё это творилось при попустительстве и даже при соучастии губернатора Палицына. Со всем этим безобразием молодой государь Александр Павлович решил, наконец, полностью покончить: в самом скором времени должна была последовать отставка Палицына, да

и Засецкий, чувствуя направления ветров, решил добровольно покинуть службу. И если быть беспристрастным и не помнить прошлого, то Пётр Чичерин вполне годился на прокурорскую должность.

Но не мог, никак не мог Гавриил Романович сделать над собой усилие помочь просителю. Как вставало в памяти полное негодования лицо его покойной жены, столкнувшейся в чужом доме с матерью его, Петра Чичерина, так гнев, вроде бы угасший, вновь закипал и клокотал в сердце. Тогда, пятнадцать лет назад, чиновники, наслушавшись державинских упреков, вновь бросились сочинять наветы – на сей раз рязанскому и тамбовскому наместнику и генерал-губернатору Ивану Гудовичу. И жалобы их не остались без внимания, ибо попали на взрыхлённую и удобренную почву.

Когда-то Иван Васильевич и Гавриил Романович ладил, но со временем, из-за разного понимания характера полномочий наместника и правителя наместничества, между ними произошло охлаждение. Размолвке весьма способствовали недоброхоты Державина: вице-губернатор Ушаков и его приятель – правитель генерал-губернаторской канцелярии Николай Лаба. Случай с денежной казной, умело преподнесённый ими как образчик вопиющего самоуправства, вконец рассердил и без того неблаговолившего к Державину Ивана Васильевича. «Злость, властолюбие неумеренное, пристрастие заводить по партикулярной злобе следствия, угнетая почти всех живущих с ним без изъятия, - писал Гудович о тамбовском правителе 7 апреля 1788 года в Петербург, - довели его до того, что он себя совсем и против начальника позабыл, не ездя в губернское правление и усиливаясь сделать его своей канцеляриею, занимаясь не наблюдением и порядком течения дел, но по большей части сочинением пустых следствий, газет и тому подобного». Преисполненный столь нелестными чувствами, Иван Васильевич 5 мая самолично прибыл в Тамбов. А спустя некоторое время случилось то, что не только усугубило положение Гавриила Романовича, но и сделало его предметом насмешек.

Сейчас, спустя долгие годы, Державин уже и не помнил

отчётливо, когда точно разыгрался очередной акт ненавистой ему драмы. До этого два вечера подряд в доме правителя давались балы: двадцать первого мая – в честь именин Константина Павловича и Елены Павловны, внука и внучки российской императрицы, и двадцать второго – в честь полученного известия о рождении ещё одной внучки – великой княжны Екатерины Павловны. На одном из этих балов состоялся разговор Екатерины Яковлевны с Василием Петровичем Чичериным о жене его Евдокии Васильевне. Как писал несколько позднее Державин, его супруга сказала мужу Евдокии Васильевны, «чтоб он унял жену свою злоречить и лгать». Жертвой злоречия был, конечно, Гавриил Романович, при разговоре не присутствовавший. Не присутствовал он и в доме отставного гвардейского прапорщика Ивана Арапова, куда через некоторое время после злополучного разговора была приглашена по случаю семейного праздника Екатерина Яковлевна. Здесь и случилось событие, навсегда испортившее отношения Гавриила Романовича с Чичериными.

По словам Державина, жена его была «обижена Чичериною, яко женщиною довольно многим по её злоязычеству и наглости известною, приехавшею с мною своею партиєю в дом Арапова и принудившею её своими придирчивыми вопросами к разговору». Екатерина Яковлевна, как с гордостью писал её муж, была «воспитана в Петербурге» и не могла «быть столько буйною, чтоб ещё и в чужом доме браниться и драться». Она, «будучи заведена в отражение Чичериной привязок, повторяла ей только те самые истины, которые незадолго пред тем и мужу её в доме моем». В итоге, «хотя и произошла между ними размолвка, но ничего, однако, непристойного не было, что могут хозяин и хозяйка, и многие тут бывшие по присяге засвидетельствовать».

Так писал Гавриил Романович, не будучи свидетелем этой сцены и во всём положившийся на слова супруги. Не знал он и подробностей содержания жалобы, написанной на высочайшее имя Василием Чичериным, а на деле, как подозревал Державин, сочиненной его сыном. В жалобе это поведение Екатерины Яковлевны описывалось самым нелицеприятным

образом – причём оба Чичериных также не были свидетелями ссоры. Как с возмущением отмечал Гавриил Романович, они сочинили, «что якобы жена моя его, Чичерина, жену в компании у дворянина Арапова не токмо бранила, но даже била и выгнала вон». Что произошло на самом деле, вряд ли достоверно узнали и Державин, и Чичерины отец с сыном. И пусть Пётр Васильевич, участвуя в составлении жалобы, защищал свою мать, все равно в глазах Гавриила Романовича он повёл себя непозволительно. Более того, события в доме Араповых и то, как рьяно Державин бросился отстаивать честь и доброе имя своей жены, породили в тамбовском обществе отношение к нему, как к мужу, находящемуся под каблуком. И в таком насмешливом отношении к нему, правителю, Чичерин-сын тоже хоть непрямо, но оказался виновен.

Нет, не мог быть Пётр Васильевич губернским прокурором, ибо пойти ему навстречу значило забыть слёзы жены, забыть собственное своё унижение, признать правоту тех, кто добивался и добился отстранения Державина, а затем травил и преследовал его друзей. Взять хотя бы Ивана Савича Филонова – того самого, кто участвовал в ревизии денежной казны. После опалы Державина он остался верен своему бывшему начальнику, регулярно переписывался с ним, а в наместническом правлении, как когда-то Гавриил Романович, отстаивал истину. И что же? Не успел Державин покинуть Тамбов, как его сподвижника стали преследовать тот же Ушаков, тот же Василий Чичерин, наконец, тот же Гудович.

В чём же обвинялся Иван Савич, за которого пытался заступиться Державин, бывший в 1790-е годы статс-секретарём императрицы? Оказывается, Филонов, если верить рапортам Гудовича и нового тамбовского правителя Василия Зверева в сенат, оспаривал распоряжения наместнического правления, поносил Зверева насмешательными словами, приезжал пьяным к нему в дом и совершал прочие непорядочные поступки. Переведённый из наместнического правления в палату гражданского суда под начало Василия Чичерина, Филонов и там якобы принялся возбуждать чиновников к неповиновению. В итоге Иван Савич был

отрешён сенатом от должности и предан уголовному суду, хотя на самом деле он во всём следовал закону и только пытался пресечь творимые в палате беспорядки и упущения. Находясь под долгим следствием, бывший советник претерпевал всяческие лишения, которые довели его до тяжелой душевной и телесной болезни. Так что нечего было жалеть Петра Чичерина, не заслуживал он того.

«Его высокоobl. Чичерину», - вывел 13 мая на черновой лист ответного письма Гавриил Романович. Затем озаглавил: «М.Г. (то есть «милостивый государь». – Ю.М.) Петр Васильевич». Затем оставалось кратко и деликатно сообщить об отказе. «В ответ на письмо ваше о занятии Прокурорского в Тамбове места скажу, что самыя правила мои, - Державин остановился, зачеркнул три последних слова и продолжил, - не имею никакого на вас гнева, - Гавриил Романович зачеркнул «гнева», - сердца, а, согласуясь с моими по службе правилами, исполнить требования вашего не могу, тем более, что и место ещё не вакантно. Пребываю в прочем с истинным почтением М.Г. моего Покорнейший слуга».

Вот и всё. Ответ отдан переписчику, и не позднее чем через две недели он достигнет Тамбова. Гнева, или сердца у Державина на Чичерина, действительно, нет, но стараться для него он не будет.

Переписка, впрочем, на этом не закончилась. В августе Пётр Чичерин прислал Гавриилу Романовичу еще одно письмо, в котором жаловался на своё бедственное состояние и просил защитника правды похлопотать о предоставлении ему пенсии за проект касательно смягчения телесных наказаний, выносимых по приговору суда. Чичерин, в частности, предлагал оставить наказание кнутом только для убийц, воров и грабителей, а прочих рекомендовал наказывать плетьюми и затем отдавать в рекруты. По словам Петра Васильевича, его предложение в 1799 году обрело силу закона, а сам он спустя некоторое время получил благодарность императора. И вновь пришлось Державину отвечать, что после тщательных поисков проект его обнаружить не

удалось и имя Петра Чичерина ни в каких официальных бумагах не значится. «После чего, - заключал Гавриил Романович, - со всем моим желанием быть вам полезным, не могу я приступить ни к какому содействию».

Чичерин ещё раз напишет Державину 29 сентября 1803 года, прося его «доставить милостью» освободившееся место председателя Тамбовской уголовной палаты. Но на это письмо Гавриил Романович уже не ответит, так как будет к тому времени отставлен от должности генерал-прокурора и министра. Пётр Васильевич будет просить о том же державинского преемника, но места так и не получит. Невезучим он оказался человеком.

ЛЮБОВЬ ГОРОДНОВА

Дворянские усадьбы

Образ родного дома

в культурной традиции дворянского сословия

Культура провинциальной дворянской усадьбы оказала значительное влияние на становление личностного начала её обитателей, происходившего в естественной природной среде, соответствующем архитектурном и интерьерном антураже, в кругу родственников и домочадцев. Изучение литературных, исторических и научных источников, присутствие образцов для подражания в лице старших представителей рода, преемственность семейных традиций («у нас так принято») – всё это определяло в будущем модель поведения молодого поколения обитателей усадьбы. Как правило, рождаясь в имении, они служили в столицах, получая чины и награды, странствовали по свету в поисках новых впечатлений и идеалов, но последний приют, по обыкновению, находили в фамильном некрополе родной усадьбы. Извечная любовь к «родному пепелищу», порой даже необъяснимая, в данном случае – чувство высокого философского

Городнова Любовь Евгеньевна – главный хранитель Тамбовского областного краеведческого музея. В 1984 году окончила филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Более 15 лет областью научных исследований Городновой Л.Е. является культура провинциальной дворянской усадьбы. Кандидат философских наук.

порядка, которое, нивелируя сословные различия, является импликацией духовного единства дворянства и простого народа.

Материальные и духовные традиции усадьбы для потомков были наделены особым смыслом, а память сохраняла самое лучшее, значимое, выдающееся. «...Священные предания семьи! С ними связано лучшее, что есть в человеческой жизни, но они становятся ещё вдвое крепче и ещё глубже проникают в душу, когда они сосредоточиваются около родного гнезда, где всё так дорого и так близко... Да, домашний очаг, переходящий из рода в род со всем окружающим его миром, с могилами отцов, с преданиями старины, составляет одно из драгоценнейших состояний человека. И кому удалось создать такой центр и передать потомкам связанный с ним нравственный дух, тот может сказать, что он на земле совершил великое и святое дело. Благо стране, в которой есть много таких передаваемых от поколения к поколению центров!.. Это элемент, которого ничто не может заменить. Общество, в котором он утратил свое значение, теряет необходимое равновесие и предается на жертву смутам и колебаниям...».

Возможность человеческой памяти возвращаться в прошлое способствовала его идеализации и формированию в дворянской традиции феномена или культа родного дома – сакрального пространства, хранящего духовные и материальные ценности нескольких поколений, где сосредоточены культурные представления дворянского рода: семья – родной дом – усадьба. Летом 1830 года в письме к Петру Андреевичу Вяземскому Евгений Абрамович Боратынский писал: «...Проживать можно где хочешь и где судьбе угодно, но жить надобно дома...». Умозрительный идеал родного дома у поэта не замыкается территорией усадьбы. В январе 1818 года он по дороге в столицу напишет матушке Александре Фёдоровне: «...Мы уезжаем через два часа... и я хочу сказать дважды прощай этой земле, которая мне так дорога... Большие расстояния ужасают и леденят сердце. Я покидаю Тамбов почти с таким же огорчением, что и Мару... Мне кажется, что, уезжая из Мары, я простился с дружбою, а уезжая из Тамбова, я простился с любовью...».

Духовно насыщенная атмосфера родного дома, с разме-

ренным укладом повседневной жизни, способностью обитателей сохранять предания «старины глубокой», представляла родовое гнездо идеальным пространством. Здесь легче заживали душевные раны, успокаивался ум и сердце. Евгений Абрамович с женой Анастасией Львовной нередко гостили в Маре. Среди родных лиц и с детства знакомых мест его душа испытывала блаженство, а поэтическое вдохновение возрождалось с новой силой: «...Я оснуюсь в деревне на довольно продолжительное время. Моя усиленная деятельность происходит, в сущности, лишь от большой потребности в отдыхе и душевном покое...».

Осенью 1829 года поэт из Мары напишет своему другу Киреевскому: «...Пиши мне из просвещённого Парижа, а я буду писать тебе из варварского Кирсанова... Надеюсь, что в деревенском уединении проснётся моя поэтическая деятельность. Мне пора приняться за перо: оно у меня слишком долго отдыхало...».

Мара – скромная усадьба на просторах тамбовских степей. «Дом... строился постепенно, и архитектура его не имела никакого единства. По мере надобности, делались те или иные пристройки. Не обладая чистотой стиля, он был очень уютен и удобен...».

Дом окружали кусты сирени, жасмина, акации. Посадки липы, клёна, вяза, ясеня, березы оформляли аллеи. Садовый фасад дома украшал увитый диким виноградом балкон-полуротонда с восьмью колоннами, двумя лестничными спусками к цветнику. Липовая аллея, начинаясь от дома, делила территорию на две части: с правой стороны располагался фруктовый сад, с левой – жилые и хозяйственные постройки. В западную сторону аллея продолжалась узкой дорожкой, ведущей к усадебной церкви. В глубине парка на краю оврага в виде готического замка был построен грот. Крытые галереи и переходы соединяли части здания, а в его центре была расположена большая квадратная зала. «...Окна в гроте овальные, слегка заострённые сверху с цветными стеклами. Такие же стекла и в двери, которая из залы вела прямо на площадку перед фасадом грота...».

Незатейливость наружной архитектуры, многочис-

ленность и практичность интерьеров внутренних помещений – парадных и личных комнат владельцев, вестибюля, зимнего сада – соотносились с неприхотливостью, сдержанностью, строгостью быта владельцев и повседневной жизни всех обитателей усадьбы. Так, в Маре с мая по сентябрь носили только ситцевые платья. Вместе с тем, столовый этикет здесь отличался определённой требовательностью и взыскательностью. «...Вокруг большого круглого стола-сороконожки, стоявшего посреди комнаты, около своих стульев стояло несколько человек, ожидая выхода старшей хозяйки Мары – Елизаветы Антоновны Дельвиг. Она скоро вошла. Все подошли к ней пожелать ей доброго утра... Елизавета Антоновна была полная старушка небольшого роста с довольно строгим выражением больших светлых глаз. Одета она была так же просто, как и все остальные. Она села и вслед за ней все остальные заняли свои места. Так было принято, и так начинались все завтраки, обеды, ужины. Опаздывать не полагалось. Подавали лакеи в белых нитяных перчатках. За столом шёл спокойный разговор...».

Церковь в Маре, построенная в 1818 году в память первого владельца Абрама Андреевича, имела классические архитектурные формы – мощный купольный барабан, высокие сегментные окна и четырёхколонные боковые портики. На трёх фронтонах церкви были воспроизведены изречения из Евангелия: «...на стороне, обращённой на запад, к селу, такие слова: “Вниду в дом Твой и поклонюся ко храму святому Твоему”. Это относится ко всем вообще. А на правой, южной стороне, обращённой к парку (у нас называли его садом), было написано: “Благословен грядый во имя Господне!” – это благословение относилось к благочестивым храмоздателям. На третьем же фронте было изображено: “Да будут очи твои отверзты на храм сей день и ночь!” –...постоянной памяти о месте Божия присутствия и молитвы...». Престол был освящен в честь Вознесения Господня. Особо почитаемой иконой был образ Казанской Божьей матери. Старостой церкви с 1867 года был Михаил Сергеевич Боратынский.

Стеною низкой огражденный,
На взгорье белый храм стоит.
За ним, кленами осененный,
Господ старинный род лежит.
Кресты – из мрамора белеют...
Лампадки тихо здесь горят...
На плитах надписи темнеют...
Цветы кругом могил пестрят.

Возле церкви был устроен фамильный некрополь. «...В ограде церковной стояли мраморные красивые памятники с мерцающими, неугасимыми, кое-где разноцветными лампадами, в углублениях и с соответствующими надписями из слова Божия...». Здесь нашли последний приют первая владелица Мары, мать поэта Александра Фёдоровна Боратынская, её родная сестра Екатерина Фёдоровна Черепанова, второй владелец усадьбы Сергей Абрамович Боратынский, его супруга Софья Михайловна, их сын Михаил Сергеевич и их дочери, последние хранительницы Мары – Елизавета (Дельвиг), Анастасия и Александра. В углу церковной ограды, направо от входа, было отведено место, где хоронили представителей иной веры. Здесь был похоронен воспитатель поэта и его братьев итальянец Жьячинто Боргезе.

Патриархальные традиции, сильные духовные и внутрисемейные связи дворянства способствовали тому, что культ образа родного дома «передавался по наследству». Боратынский, считавший Мару святым местом, впоследствии постройкой дома в Мураново подготовит уже для своих детей восприятие феномена родного дома. В письмах к близким людям радость поэта от обретения «семейного гнезда» очевидна: «...Новый дом в Муранове стоит под крышей... Слава Богу, дом хорош, очень тёпл... Дом отделан вполне: в два полных этажа, стены оштукатурены, полы выкрашены, крыт железом... Дом красив, удобен, но я ещё не привык к нему и весьма далёк от того, чтобы насладиться счастьем обладания этой наградой за труд, этой радостью творца, завершившего своё творение, о которой мне

приходилось слышать... Наш быт изменился тем, что мы реже ездим в Москву... Теперь, слава Богу, мы постояннее бываем дома...».

Культ родного дома был настолько силён в сознании дворянского сословия, что даже в пореформенный период, несмотря на изменение экономического статуса усадьбы, в провинции продолжали устройство родовых гнёзд. Б.Н. Чичерин в 1880-х годах занялся доустройством усадебного дома в Карауле. Отсутствие прямого потомства (трое детей умерли в малолетнем возрасте) налагало негативный отпечаток на психологический настрой владельца усадьбы, но чувство долга, восприятие усадьбы как достояния рода обязывали его завершить дело, начатое отцом.

Караул был куплен Николаем Васильевичем Чичериным в начале 1837 года. Храм в усадьбе был освящён во имя Святой Живоначальной Троицы. Документы, описи церковного имущества и метрические книги датируются 1800 годом. Опись от 1802 года свидетельствует, что в этот период маленькая церковь, построенная из дубового леса, была очень ветхой. «...Настоящая церковь каменная, двухпрестольная: главный престол во имя Святой Троицы, в приделе – во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В клировых ведомостях и позднейших описях значится устроенной в 1806 году... Храмосоздателем церкви был генерал-майор Иосиф Яковлевич Арбенин. Неизвестно, под личным ли наблюдением господина Арбенина была построена церковь или, быть может, этим руководил кто-либо из уполномоченных им, – но церковь во всех частях отличается стильностью своей постройки...». Из убранства старой церкви в новом храме находился образ Святой Троицы в серебряном окладе, который значился в описи 1802 года.

Окружающая усадьбу природа была великолепна: берёзовые аллеи, широколиственные рощи, плодовые сады, яблоневый и вишнёвый, цветники. Усадебные постройки не отличались замысловатостью архитектуры – под жильё предназначался небольшой деревянный дом, крытый тёсом, и два флигеля, а хозяйственный двор более напоминал крестьянский

хутор. Усадьба в существующем виде абсолютно не подходила потребностям большой семьи Чичериных, поэтому Николай Васильевич активно занялся её переустройством. Строительство усадебного дома закончилось к лету 1849 года. «...Приехав в Караул... мы увидели новый дом уже под крышею, а к Покрову мы совсем перешли в него на житьё... Мебель, бронза и камин для гостиной были перевезены из тамбовского дома, который тогда же был продан... Дом вышел удобный и красивый. Это не было случайно возникшее здание, которое расширялось и перedelывалось по мере возникших надобностей. Всё тут было заранее и задолго обдуманно, рассчитано и приспособлено к потребностям большого, но живущего в довольстве семейства. Тут была общая мысль, были знания и вкус, а потому хозяева могли быть вполне довольны результатом. Лучшего поселения для помещицкой жизни, обставленной достаточными удобствами и даже с некоторой роскошью, нельзя было желать...». Для разбивки парка из Пензы был приглашен специалист пейзажного садоводства Эрнст Магзиг.

В 1852 году Екатерина Борисовна и Николай Васильевич Чичерины праздновали в Карауле свою серебряную свадьбу. Во время праздничного обеда Николай Васильевич произнёс следующие слова: «...Я прожил двадцать пять лет так счастливо, как только может жить человек. Желая каждому из своих сыновей прожить так же, как я...».

Караул наследовал Борис Николаевич, который 25 апреля 1871 года женился на Александре Алексеевне Капнист. Венчание состоялось в церкви Московского университета. После небольшого путешествия в имение Вознесенское Полтавской губернии, которое досталось Александре Алексеевне по разделу после смерти родителей, молодая чета прибыла в Караул. Их «... встретила слепая мать с иконою и священником, окружённая всеми домашними. Двор был полон народа; вся деревня была собрана, и мать представила нас миру как будущих хозяев Караула...».

В этот период усадьба в основных деталях (сад, храм) была в принципе организована. «...Въездная и прогулочная аллея с южной стороны усадьбы идут почти параллельно. Первая

имеет ширину 18 метров и создаёт сплошными рядами лип своеобразные пропилеи, ведущие к усадебному дому. Липы, посаженные наклонно друг к другу, образуют зелёный свод над аллеей, в конце которой неожиданно открывается вид на белоснежный барский дом. Здесь же, с левой стороны, располагается конный двор, строения которого возведены из красного кирпича... Барский дом существенно отличается от обычного усадебного дома. Внешний облик его созвучен названию «Караул» и по своему внешнему виду напоминает крепость...».

Но усадебный дом Борис Николаевич получил весьма неустроенным. Дом был готов лишь в главных деталях, а стены зимнего сада были выведены только наполовину. В последние годы жизни Николай Васильевич по нездоровью мало заботился и о завершении внутреннего устройства дома. Имея необходимые средства и время, Борис Николаевич и Александра Алексеевна с удовольствием приступили к устройству интерьеров. «...Я сам с наслаждением принялся за убранство дома, употребляя свои небольшие сбережения на устройство родного гнезда... Всё это было для нас источником непрерывного удовольствия. Жена устраивалась по своему вкусу, а я в каждом новом улучшении видел довершение отцовского дела, украшение дорогого гнезда, продолжение семейных традиций...».

Старинная мебель, шкаф для посуды в стиле «Буль», фарфор, унаследованные Александрой Алексеевной, и картины, купленные Борисом Николаевичем, украсили гостиную караульского дома. Некоторые из необходимых предметов интерьера – мебель, люстры, вазы, ситцевые шторы для спальных комнат – были куплены в магазинах Петербурга. Усадебные коллекции изящного мейсенского фарфора и китайских ваз, великолепные живописные полотна русских и западноевропейских мастеров поражали самое богатое воображение. Любовь и страсть к рисованию и живописи, которыми Борис Николаевич был увлечён с детских лет, оказали огромное влияние на его художественный вкус: «...не сделавшись сам художником, я стал любителем и собирателем гравюр и картин, это доставило мне много приятных минут в жизни... Ныне в гостиной висит их (картин. – Л.Г.)

двадцать, да в других комнатах более сорока, большею частью старинных мастеров, некоторые – первоклассных: Веласкес, Веронезе, Рибера, Ливенс, Ван-Гойен. Живя в деревенском уединении, я брожу по дому, любуюсь произведениями и наслаждаюсь мыслью, что они служат украшением отцовского жилища...».

Беспрекословное признание авторитета родителей, следование семейным традициям способствовали воспитанию в характере Бориса Николаевича преклонения и смирения перед священной мудростью старшего в роде. Празднуя 50-летний юбилей приобретения Караула обедней, торжественной панихидой на могиле родителей и общим застольем, он продолжает семейную традицию, а слова, произнесённые им на празднике, можно было бы считать наказом будущим владельцам Караула: «...Кто бы ни были мои наследники, я желаю одного: чтобы они жили с вами в мире и любви... И если через пятьдесят лет, Бог даст, хозяином в Карауле будет кто-нибудь из нашего рода, я заказываю тем из молодых, которые здесь присутствуют и которые будут тогда живы, чтобы они пришли к нему и сказали, что в 37-м году отец мой купил Караул и задал угощение крестьянам, что в 87-м году я устроил также угощение в память истекшего пятидесятилетия, в память отца и матери и в ознаменование постоянных дружеских отношений между караульскими помещиками и караульскими крестьянами и при этом заказал, чтобы через пятьдесят лет было опять такое же угощение, в память всего прошлого и всех прежних владельцев Караула!...».

3 февраля 1904 года в один из очередных своих приездов в Москву Борис Николаевич скончался. По его завещанию от 19 апреля 1888 года, «...картины должны поступить в собственность племяннику моему Юрию Васильевичу Чичерину, так как я желаю сохранить картины постоянной принадлежностью отцовского дома, собрание же гравюр, по составленному мною каталогу, поступит в собственность Тамбовского губернского земства для помещения в публичный музей или библиотеку, по усмотрению земства...». Караул остался в пожизненном владении Александры Алексеевны.

В 1906 году она переустроила и обновила интерьеры

усадебной церкви. Купол был расписан живописцем Виктором Михайловичем Васнецовым, придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы был упразднён. Колокольня и церковь были объединены проходом в единый архитектурный комплекс. Летом 1915 года в храме был сделан капитальный ремонт. «...Несмотря на то, что внутренность его занята лесами, видно, что храмосоздатели прилагают к благоустройству его очень много усердия и личных средств, во всём проглядывает художественность работы, изящество отделки. Ризница очень богатая и ценная...». В церкви была небольшая, в 20 томов, библиотека.

В советское время обе усадьбы были уничтожены. В настоящее время Караул возрождается, а на месте Мары – пустырь. Но почти столетие спустя эти усадебные пространства обладают какой-то немислимой, притягательной и завораживающей силой. И, вместе с тем, они порождают терзающее душу чувство скорби. Потому что в своём нынешнем жалком состоянии усадьбы – это зеркальное отражение духовной жизни тех поколений, которые по причине экономическо-политической ситуации и глубокого невежества не смогли оценить высокую культурную, историческую и художественную ценность усадеб, в результате чего они были отданы на поругание вандалам.

ДМИТРИЙ ШНАФЕТДИНОВ

СКАЗАЛА МНЕ ПЛЕМЯННИЦА...

Про солнце

Сказала мне племянница,
Что к солнцу провод тянется.
Иначе как действительно
Оно так ослепительно.

Ей хочется надеяться,
Что кнопочка имеется,
Которая из здания
Врубает ей питание.

Смотрю, рискуя зрением,
На солнце с подозрением.
Но как оно включается –
Понять не получается.

Родился в 1981 году в деревне Лужки Тамбовского района, Тамбовской области. С 1984 года проживаю в посёлке Строитель. Служил в Нижегородской области и Республике Адыгея. Пишу стихи для детей и подростков. Публиковался в альманахе «Радуга над Цной №9, №10, №11, №12», газете «Тамбовский курьер», газете «Наш город Тамбов», газете «Ровесник».

Кореша

Говорят, что я и Колька
Кореша так кореша,
Но мы разные поскольку
Я – правша, а он – левша.

Мы живём в районе «Лётки»
В доме семь за гаражом.
Я на пятом, дверь в серёдке,
Колька – выше этажом.

Поздороваться, проститься
Не с руки при встрече нам,
Это ж надо изловчиться,
Чтоб ударить по рукам.

Мне – неловко, Кольке – тоже,
Я – правша, а он – левша,
В остальном мы с ним похожи:
На двоих одна душа.

Подружка

У меня, друзья, подружка
Просто прелесть, я скажу.
Ведь она такая душка!
Я по ней с ума схожу!

Я подружку не обижу.
Я дружу с ней много лет.
А когда её увижу,
Мне до дел и дела нет.

У неё четыре ушка.
Очень я её люблю.
Лучше я прижмусь к подружке
И немножко подремлю.

Вешалка

Целый день у нас загружен:
Всё кипит, гремит ведро.
К нам спешит на званый ужин
Всё семейное ядро.

Все в работе до предела,
Все в процессе с головой.
Только я хожу без дела
По квартире сам не свой.

Вот уже возня в прихожей.
Гости стали подходить.
Я буквально лез из кожи –
Всем старался угодить.

Сумки, зонтики, жакеты,
Куртки, шапки и пальто.
Подержи-ка, мальчик – это!
Подержи-ка, мальчик – то!

Не могу никак понять я –
Как я мог в такое встрять?
Вот и мне нашлось занятие:
Вместо вешалки стоять.

Подрасти

За окном, набрав силёнок,
Небо тучами грозит.
Дождик – маленький ребёнок –
Так, не льёт, а егозит.

Он – сильнее, он – всё круче,
Он – растёт, растёт, растёт.
Вот уже поток из тучи
В крышу дома хлётко бьёт.

Время, молча, движет стрелки
И часы идут, идут.
Вот бы мне, как дождик мелкий,
Подрасти за пять минут.

Знакомство

В цирке лев по кличке Лёва
Проглотить задумал Львова.
Львов сказал без дураков:
– Познакомимся? Я Львов. –

Я Лев Львович – акробат –
Я знакомству буду рад.
Лев немножко обомЛЕВ
Льву сказал: «Я тоже ЛЕВ».

– У меня свободный вечер.
– Ну, тогда устррроим встрррречу.
– Буду ждать вас у киоска.
– Будь здоррров!
– До встречи, тэзка!

Котлета

Масла немного и соли щепотку –
Котлету сырую кладу в сковородку.
Я с голоду съел бы сейчас и слона,
Надеюсь, что выйдет на славу она.

Шкварчит в сковородке кусок этот тающий,
А я словно хищник стою выжидающе.
Луку добавил, чуть-чуть чеснока
И вилкой потыкал котлету в бока.

И тут неожиданно, верьте не верьте,
В котлету вселились как будто бы черти.
Она до конца на огне не оттаяла,
А как зарычала! Да как вдруг залаяла!

Вот это покупка! Ну прямо гостинец,
Который меня укусил за мизинец.
С тех пор «в понедельник, среды и вторник»
Беру я котлеты, но только в наморднике!

ВАЛЕНТИНА ДОРОЖКИНА

2017 год – Юбилейный

Каждый год знаменателен каким-то выдающимся событием, и даже не одним. Не является исключением и наступивший 2017 год. Безусловно, он запомнится 100-летием Великой Октябрьской социалистической революции. И как бы кто ни относился к ней, это наша история...

Немаловажен факт, что три тамбовских писателя являются ровесниками революции. Они родились в знаменательном – 1917-м году: драматург Николай Архангельский (5 января), поэты Сергей Голованов (8 ноября) и Герасим Приземлин (4 декабря). Архангельский и Голованов – участники Великой Отечественной войны; Приземлин не был на фронте, так как в 18 лет потерял зрение после болезни. Но он, как и его ровесники, нашёл своё место в литературном строю послевоенной жизни.

Дорожкина Валентина Тихоновна - поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России; автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии» (2004), справочника «Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков» (2006), учебного пособия «Литературное краеведение» для учителей и учащихся (2007). Лауреат многих литературных премий, награждена медалью М.А.Шолохова». Заслуженный работник культуры РФ (1997). Кавалер ордена Дружбы (2003). Почётный профессор ТГУ имени Г. Р. Державина (2009), Почётный гражданин города Тамбова (2010).

ни. Произведения этих писателей и в наше время востребованы читателями. На вечера, которые проводятся в честь их знаменательных юбилеев и в память о них, приходит немало людей, равнодушных к литературе, к писателям, сделавшим большой вклад в её развитие на Тамбовской земле...

Важнейшее событие наступившего года – 80-летие со дня образования Тамбовской области. И у неё среди наших писателей есть три ровесника, родившиеся в 1937 году: прозаик Василий Кравченко (18 мая), поэты Анатолий Куприн (11 января) и Вячеслав Богданов (24 сентября). Они оставили заметный след в литературной жизни не только Тамбовской области, но и России: их книги выходили в Тамбове, Воронеже, Челябинске, Москве. Они есть в библиотеках нашего региона и далеко за его пределами...

24 июля писательская организация отметит 90-летие со дня рождения прозаика Ивана Елегечева. Он ушёл из жизни в 2011 году, но многие помнят его как необыкновенно трудолюбивого и плодовитого писателя, создавшего исторические романы «Губернатор», «Соломенный дворец», «Что есть истина», «Голгофа» и многие другие, которые пополнили библиотеки и стали значительным вкладом в историю России...

Не останется незамеченным и юбилей поэта, прозаика, переводчика, доктора филологических наук Владимира Георгиевича Руделёва. Ему 8 июля исполнится 85 лет. Он долгие годы работал в ТГПИ – ТГУ имени Г. Р. Державина, заведовал кафедрой русского языка, выпустил несколько художественных книг и научных исследований...

Солідные юбилеи (75-летие) отметят в этом году ныне здравствующие члены Союза писателей России: Иван Акулов (15 января), Лариса Полякова (10 февраля) и Лидия Перцева (3 августа). Не пропустят любители поэзии и 75-летие Евгения Харланова (29 ноября), ушедшего из жизни в 1993 году, и 70-летие Владимира Чернышёва (29 августа), скончавшегося в 2005 году, оставивших не очень много опубликованных произведений, но они, как говорится, прошли проверку временем и остаются современными и востребованными, как отмеченные

безусловным даром их авторов...

Готовятся публикации ещё трёх юбиляров, отмечающих в этом году 60-летие, - прозаика Сергея Кочукова (9 июня), поэтов Валерия Хворова (13 июня) и Геннадия Шеховцова (29 декабря). Их произведения публикуются на страницах местной прессы, в «Тамбовском альманахе».

Новому председателю правления Тамбовской областной писательской организации прозаику Юрию Мещерякову 25 мая исполнится 55 лет; столько же – актёру и драматургу Андрею Кружнову (25 февраля).

В 2017 году исполняется 55 лет Неделе поэзии, начало которым положил проведённый в 1962 году в Тамбове литературный праздник. В нём приняли участие местные литераторы, московские поэты Василий Журавлёв (инициатор проведения этого поэтического праздника именно в Тамбове), Игорь Кобзев, Алексей Марков, Вячеслав Богданов. В Тамбовском книжном издательстве был выпущен коллективный сборник стихов «Тамбовская Неделя поэзии».

В 1967 году в Неделе поэзии принимал участие известный поэт В. Д. Фёдоров. В последующие годы в Тамбов приезжали поэты Маргарита Агашина, Людмила Щипахина, Александр Николаев, Фёдор Сухов, Тамара Жирмунская, Александр Балин, Борис Примеров и другие. До начала 1980-х годов Недели поэзии проводились регулярно. В настоящее время они, к сожалению, не проводятся. Их в какой-то мере заменили Фестивали книги, которые проходят в Тамбовской области с 2007 года с участием московских, Санкт-петербургских и тамбовских писателей.

35 лет отметит областное литературное объединение «Радуга», созданное в 1982 году поэтом Семёном Семёновичем Милосердовым, который руководил им до последних дней своей жизни – до 1988 года. После его кончины в разные годы занятия в «Радуге» вели: Василий Кравченко, Геннадий Попов, Евстахий Начас, Олег Алёшин. В настоящее время объединением руководит член Союза писателей России поэтесса Татьяна Курбатова.

С 1992 года в ТГУ имени Г. Р. Державина, по инициативе профессора Л. В. Поляковой и коллектива кафедры истории русской литературы, проводятся Замятинские чтения, которым в 2017 году исполняется 25 лет. Они посвящены творчеству писателя Е. И. Замятина. Имеют статус международных. В них принимают участие исследователи из крупных научных центров России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Молдавии, Болгарии, Польши, Чехии, Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании, США, Японии, Кореи. По итогам чтений был создан Научный фонд Е. И. Замятина, с конца 2001 года – Международный научный центр изучения творческого наследия Е. И. Замятина, с филиалами в Ягеллонском (Краков, Польша) и Лозаннском (Швейцария) университетах. Замятинский фонд является собранием ценных в научном и историко-культурном отношении документов, фотографий, исследований, в том числе диссертационных, художественных и публицистических произведений. С материалами центра работают российские и зарубежные исследователи. Курирует работу фонда профессор Л. В. Полякова.

*Член Союза писателей России
Валентина Дорожкина.*

Содержание

Александр НИКИТИН. Литературные ориентиры. *Статья* ... 3

ЭПИГРАФ

Аркадий МАКАРОВ «Боборыкина тень золотая...» *Стихи* 6

ПРОЗА

Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Гюльчатая. *Фрагмент романа* 21

Михаил ГРИШИН. Опасное лето. *Фрагмент киноповести* 39

Николай НАСЕДКИН. В «Москву»! В «Москву»!

Глава из повести 63

Андрей КРУЖНОВ. Говорливый баран. *Рассказы*..... 145

Елена ЛУКАНКИНА. Медное время. *Рассказ*..... 160

Виктор ОСТРИКОВ. Жак. *Рассказ* 169

Марина СТРУКОВА. Мёртвый, добрый. *Рассказ*..... 175

Елена ЧИСТЯКОВА. Монолог. *Сказы* 179

ПОЭЗИЯ

Мария ЗНОБИЩЕВА. Покажи мне, где Жизнь начинается.

Стихи 87

Николай ВАСЮКОВ. Позабывтая страна. *Стихи* 195

Валерий МАРКОВ. Урок труда. *Стихи* 201

Лидия ПЕРЦЕВА. Аллея любви. *Стихи*..... 206

ИМЕНА

Иван ЕЛЕГЕЧЕВ. К 90-летию со Дня рождения. Губернатор.

Фрагмент романа 119

ИСТОРИЯ

Сергей КОЧУКОВ. ...и на Тихом океане свой закончили поход.

Очерк 94

Лидия ГРИГОРЬЕВА. «Я верю, ничто не проходит бесследно...».

Статья 136

Юрий МЕЩЕРЯКОВ. «Гнева никакого не имею...»

Очерк о Г.Р. Державине 217

Любовь ГОРОДНОВА. Дворянские усадьбы. *Статья*..... 229

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Дмитрий ШНАФЕТДИНОВ. «Сказала мне племянница,
что к солнцу провод тянется...» 239

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Евгений ПИСАРЕВ. Нормальный ход. *Очерк* 14
Валентина Дорожкина. 2017 год – Юбилейный 244

Тамбовский альманах.
№ 15

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Валерий АРШАНСКИЙ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Корректор Александра НИКОЛАЕВА
Дизайн обложки Ирина САЙГАНОВА

Подписано в печать 2.10.2017
Формат 60x84 1/16. Бумага my print. Печать цифровая.
гарнитура Times New Roman. Печ. л. 11.70
Тираж 300 Заказ № 29
studiapechati@bk.ru
Студия печати Галины Золотовой